

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Старкова Л. К.** Правительственные и общественные инициативы в вопросах регламентации российской цензуры в начале XIX века 3
- Тимиржанов Д. Д.** Аграрное законодательство правительства Александра III и российское крестьянство 11
- Лёвин С. В.** «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» 8 июня 1893 года и изменение задач земской статистики 15
- Мокшин Г. Н.** Что такое «легальное народничество»? 21
- Назаров В. В.** Идеология неонароднических партий: программно-тактические разногласия эсеров и энесов 30
- Картагузов С. В.** Офицерский корпус Уральского казачьего войска в годы Первой мировой войны (1914–1918 годы) 35
- Шалаева Н. В.** Репрезентативные задачи власти и советская печать 1920-х годов 45
- Шлыкова О. В.** Особенности колхозного производства в 1950–1960-е годы 53

Всеобщая история

- Зиньковская И. В.** К вопросу об историко-археологической идентификации одного из «северных народов» у Иордана (Get., 116) 56
- Старостина И. Ю.** Личность, правительница, жена в «Легенде о хороших женщинах» Джеффри Чосера (Гипсипила и Медея) 64
- Ханмурзин Р. Р.** Французская публицистика о России 60-х годов XIX века: работы Шарля де Мазеда в очерках и мнениях 67
- Помоголова О. И.** Масштабы и причины голода 1921 года в Поволжье в западной историографии 71

Международные отношения

- Кочуков С. А.** Русский солдат в Балканском кризисе середины 70-х годов XIX века 74
- Шмидт В.** Официальная и колониальная пресса Германии по вопросу заселения российскими немцами немецких колоний в Восточной Африке и позиция колониальных кругов (1906–1909 годы) 79
- Кустов В. А.** Прогрессивный блок и внешняя политика России в августе 1915 – феврале 1917 года 83
- Порецкова Е. А.** Брюггская речь М. Тэтчер 91
- Гусакова М. А.** Формирование системы выборов в Европейский парламент (1957–1979 годы) 95

Региональная история и краеведение

- Лопатин В. А.** Пространство Доно-Волжского вектора культурогенеза 100
- Захарова И. Е.** У истоков системы профессионального образования духовенства Саратовской епархии: деятельность Н. Г. Скопина и Г. И. Чернышевского 105
- Киселёва Е. С.** Саратовский губернский статистический комитет в 1870–1880-х годах 111
- Калыкина А. В.** Подданные Центральных держав в Саратовском Поволжье: превратности 1914 года 115

Сведения об авторах

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльников Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Чумаченко Алексей Николаевич
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна
Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

Члены редакционной коллегии:

Галамичев Александр Николаевич
Голуб Юрий Григорьевич
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Монахов Сергей Юрьевич
Черевичко Татьяна Викторовна
Чолахян Вачаган Альбертович
Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Агальцова Людмила Владимировна

Корректор
Певная Татьяна Константиновна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 16.05.11.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Уч.-изд. л. 15,1.

Тираж 500 экз. Заказ 61.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный
университет, 2011

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Starkova L. K.** Governmental and Community Initiatives in Question of Regulation of Russian Censorship at the Beginning of the XIX Century 3
- Timirjanov D. D.** The Agrarian Legislative Government of Alexander III and the Russian Peasantry 11
- Lyovin S. V.** «Rules of an Estimation Immovable Property for Taxation by Zemstvo Gathering» on June, 8th, 1893 and Change of Problems of Zemstvo Statistics 15
- Mokshin G. N.** What is «Legal Populism»? 21
- Nazarov V. V.** The Ideology of Neo-populist Parties: Disagreements in Policy and Tactics between Socialist-Revolutionaries and National Socialists 30
- Kartaguzov S. V.** The Officer's Staff of the Urals Cossak Troops During the First World War 1914–1918 35
- Shalaeva N. V.** Representative Tasks of Power in Soviet Massmedia in 1920th 45
- Shlykova O. V.** Features of Collective Farming, 1950–1960 53
- Zin'kovskaya I. V.** On Historical-Archaeological Identification of One 'Northern People' in Jordan (Get., 116) 56

World History

- Starostina I. Y.** A Woman as a Personality, Ruler and a Wife in «The Legend of Good Women» by G. Chaucer (Hypsipyra and Medea) 64
- Khanmurzin R. R.** French Journalism about Russia 60-ies of the XIX Century: Charle de Mazad's Works in Essays and Opinions 67
- Pomogalova O. I.** The Magnitude and Causes of Famine 1921 in the Volga Region in Western Historiography 71

International Relations

- Kochukov S. A.** Russian Soldier in the Balkan Crisis of the mid-70-ies. the XIX Century 74
- Shmidt V.** Reports of Official and Colonial German Media on the Settlement of German Russians in the German Colony in Eastern Africa and the Position of Colonial Strata 1906–1909 79
- Kustov V. A.** The Progressive Block and the Russian Foreign Policy in August 1915 – February 1917 83
- Poretskova E. A.** Margaret Thatcher's Speech at Bruges 91
- Gusakova M. A.** Forming of the Electoral System to the European Parliament (1957–1979) 95

Regional History and Local Studies

- Lopatin V. A.** Space of Don-Volga Region Vectors of Culturogenesis 100
- Zaharova I. E.** At Sources of System of Vocational Training of Clergy of the Saratov Diocese: N. G. Skopin's Activity and G. I. Chernyshevsky 105
- Kiselyova Ye. S.** The Statistical Committee of Saratov Gubernia in the 1870–1880 111
- Kalyakina A. V.** The Central Powers Citizens in the Saratov Region: the Reverses of the Year 1914 115

Information about the Authors 120

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 351.751.5(09) 1181

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ВОПРОСАХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЦЕНЗУРЫ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Л. К. Старкова

Саратовский государственный университет
E-mail: ludastarkova-history@mail.ru

В статье рассматриваются инициативы российского императора Александра I и негласного комитета в вопросе цензурной реформы. В статье рассказывается о влиянии общественного мнения при разработке цензурного устава 1804 года.

Ключевые слова: цензура, пресса, реформы, Александр I, негласный комитет, Сперанский, цензурный устав 1804 года.

**Governmental and Community Initiatives in Question of Regulation of Russian
Censorship at the Beginning of the XIX Century**

L. K. Starkova

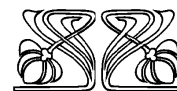
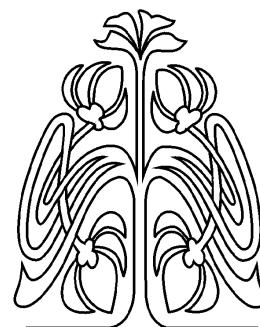
The article considers the initiatives of the Russian Emperor Alexander I and his Unofficial Committee in question of Censorship Reform. The article gives an account of the the community influence in question organization of the Censorial Statute of 1804.

Key words: censorship, press, reforms, Alexander I, Unofficial Committee, Speransky, Censorial Statute of 1804.

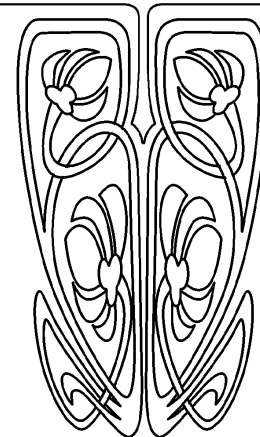
Изучение общественной жизни России невозможно без исследования проблем, связанных с положением печати. Власти с помощью печатного слова выражали свои взгляды на политические события и разъясняли предполагаемые реформы, а общество стремилось получить определенные сведения, знания, выразить отношение к событиям внутриполитической жизни. В начале XIX в. степень свободы печати определяла, сможет ли власть объединить граждан и опереться на эти силы при решении первоочередных задач общественного развития. Тема свободы печати неразрывно связана с вопросом определения цензурных условий. К началу XIX в. в России сложилась непростая цензурная ситуация, связанная с внутриполитическими и международными причинами. Кроме того, следует учитывать установившуюся со времени Петра I традицию прямого вмешательства российских монархов в дела печати и цензуры. Поэтому общество ожидало от нового императора определенных инициатив.

Ни одно царствование не имело столь блистательного начала, как правление Александра I¹. Следует отметить, что либеральное направление в первые годы Александровского правления было не только заметным и влиятельным, но и довольно разнообразным². В 1802 г. И. Пнин так восторженно определил значение принятых Александром постановлений о печати: «Природа восторжествовала, талант восстал из пыли, в которой доселе пресмыкался, и истина везде без страха показываться может»³. Далее писатель обращается к императору: «Одни только просвещенные государи могут чувствовать нужду в просвещении народном... Возвратить права разума гонимому и стесненному, освободить его от уз, злобным невежеством на него наложенных, свойственно одной только мудрости»⁴.

В ряду реформ, осуществленных и проведенных в первые годы XIX в., наиболее интересна деятельность министерства народного

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

просвещения. Помимо организации училищ и университетов, многое было сделано в отношении регламентации печати. В обществе широко обсуждались различные варианты организации цензуры⁵, императору подавались записки и проекты, сочинения о пользе введения полной «свободы тиснения». Правительство также понимало, что печатное слово помогает объединить единомышленников, направлять общественное мнение. Мы рассмотрим, насколько широко простирались намерения реформаторов относительно свободы печати и в какой степени рамки цензурного контроля отвечали общественным ожиданиям.

Историки отмечают, что в России до середины 10-х гг. XIX в. в печати появлялось незначительное число публикаций на злободневные темы, волновавшие общественное мнение⁶, т. к. широкая публичная полемика о путях развития страны была невозможна в условиях нестабильной цензурной политики; кроме того, сказывался и негативный опыт цензурных притеснений во времена Павла I. Оппозиции невозможно было выразить свое отношение к действительности и к происходящим изменениям так же отчетливо, как в соседних европейских странах, из-за цензурных ограничений. Проекты возможных преобразований вызвали политические разногласия сторонников и противников нововведений⁷. Отечественные и зарубежные историки, рассматривая причины устойчивого консерватизма российского абсолютизма⁸, обращают внимание на уровень продуманности и проработанности направления общего курса правительственной политики, отношения к проблеме становления общественного мнения и возможности его выражения в печати⁹. Все эти аспекты имеют значение при анализе феномена российской цензуры, которая возникла, развивалась и изменялась согласно мнению монарха. Мы рассмотрим положение печати в начале царствования Александра I, когда в течение небольшого отрезка времени поочередно применялось несколько цензурных алгоритмов, соответствовавших постановлениям времени Екатерины II, Павла I (2-го периода) и Александра I, чтобы определить, чего ожидали от цензурных нововведений представители власти, издатели, авторы и читатели и как оценивали сложившуюся систему контроля над печатью все заинтересованные стороны¹⁰.

В данной статье ставится задача выяснить причины внимания к цензуре со стороны правительства и общества. Современники комментировали новые цензурные правила и промахи цензуров в разговорах, светских беседах, стихах, баснях, дневниках, журналах¹¹. Большинство российских и зарубежных историков XIX в. рассматривало цензурные реформы как результат последовательного выполнения императором своей либеральной программы¹². Интерес зарубежных ученых был вызван предшествовавшими этому периоду цензурными репрессиями и нестандарт-

ным подходом российских законодателей к регламентации цензурной деятельности. Немецкий историк литературы из университета Эрлангена доктор Ф. Отто в работе «История русской литературы», изданной в Оксфорде в 1839 г., высоко оценил влияние либерализации цензуры на развитие российской печати¹³. Российский вариант предварительной цензуры отличался от европейских образцов, что также обусловило интерес исследователей к этой теме. Д. Лири, профессор философии из университета Буффало, анализируя «записку» Сперанского от 1803 г., обратил внимание в планах Александра I на тесную связь проведения политических реформ и просвещения народа¹⁴. Канадский исследователь доктор Чарльз А. Рууд в монографии «Сражающиеся слова. Имперская цензура и русская пресса, 1804–1906» обращает внимание на либеральный характер цензурного устава 1804 г. и дает реальную картину начального этапа правления Александра I, но при этом несколько идеализирует характер отношений цензуров и авторов (единодушие). В то же время этот исследователь отмечает, что «республиканец Лагарп» не рекомендовал Александру торопиться с введением свободы печати в России¹⁵. Английский ученый Т. Чапмен в монографии «Имперская Россия. 1801–1905» рассматривает значение проектов Сперанского для успешного осуществления реформ императора Александра I. Особенно подчеркивается мнение Сперанского о необходимости введения в России свободы печати и создания условий для выражения общественного мнения в конституционном государстве¹⁶. Английский историк Дж. Грин в книге «Энциклопедия цензуры» оценивает введение Александром I либерального цензурного устава как проявление рационального подхода, который, в отличие от политики цензурных репрессий прежнего царствования, означал продвижение общества по пути гражданских свобод¹⁷. Современные российские исследователи, привлекая значительный архивный материал, рассматривают комплекс проблем, связанных с печатью, повышением роли общественного мнения и общей либерализацией внутривластной жизни¹⁸. В. Я. Гросул исследует общественное мнение и формы его проявления в XIX в., Т. В. Андреева, рассматривая мотивы реформаторских устремлений Александра I, отмечает его желание извлечь уроки из прошедшего и не повторять ошибок предшественников. Автор считает, что политическая концепция молодого царя базировалась на формирующейся новой модели взаимоотношений власти и общества, призванной укрепить связь между монархией и подданными¹⁹. В указанной модели общественного взаимодействия значительную роль должна была выполнять печать как средство формирования и проявления контролируемого общественного мнения. Однако при трактовке конкретных обстоятельств и политических

причин, обусловивших характер реформ, мнения исследователей существенно расходятся²⁰.

Распространение в России второй половины XVIII в. идей эпохи Просвещения способствовало критическому пересмотру сложившейся в стране ситуации²¹. Над решением насущных проблем экономической и политической жизни России задумывались высшие государственные деятели и представители просвещенного дворянства, многие из них были знакомы с современными политическими и философскими произведениями, многие занимались переводом известных сочинений, собирали обширные библиотеки²². Граф Бутурлин имел огромную, с любовью и знанием дела собранную библиотеку, одну из полнейших библиотек у частных лиц в Европе²³. П. А. Вяземский вспоминал, что в московском доме его отца была значительная библиотека, ежегодно обогащаемая новыми произведениями французской литературы. Вельможи и государственные люди вступали в переписку с иностранными писателями²⁴. «Любовь, алчность к чтению сильно давали себя чувствовать в высшем обществе. За неимением достаточного количества книг отечественных авторов, образованные и мучимые голодом читатели поневоле должны были кидаться на французские книги»²⁵. Поэтому планы правительства по реорганизации цензуры быстро распространились, были восприняты с интересом и вызвали большие надежды, в том числе и на полное уничтожение цензуры²⁶.

В царствование Александра I было несколько периодов актуализации проблемы общественного мнения, связанных как с внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими условиями²⁷. В 1804 г. начал действовать первый цензурный устав, подготовленный при министерстве народного просвещения²⁸. Это был не первый опыт регламентации российской цензуры. В феврале 1802 г. цензура была передана из Управы благочиния гражданским губернаторам²⁹. Губернаторы активно вмешивались в дела печати. Это касалось содержания периодических изданий³⁰, деятельности книгопродавцев и порядка получения университетами выписанных книг. Например, 18 августа 1802 г. указом императора министру коммерции было предписано³¹ пропускать без задержания книги, выписанные для Дерптского университета. «В рассуждении же цензуры тех книг университет имеет право поступать по данным ему предписаниям»³². Губернаторы часто выдавали противоположные решения относительно запрещения книг и изданий³³. На необходимость формирования приемлемых условий для взаимоотношений общества, печати и цензуры обратил внимание М. М. Сперанский. Он пытался наметить принципы решения этой насущной проблемы в записках и проектах, касающихся деятельности министерства народного просвещения³⁴.

Рассматривая содержание записок, историка не пришли к единому мнению, был ли

Сперанский только послушным исполнителем воли Александра. Некоторые зарубежные исследователи³⁵ считают, что Сперанский являл собой совершенно новый тип бюрократического реформатора и всегда оставался хотя и блестящим, но зависимым от самодержца администратором³⁶. В проектах и черновых набросках Сперанского есть идеи относительно положения печати в России, формирования общественного мнения и существования цензуры. Критически оценивая российскую действительность³⁷, он излагал свои соображения, стараясь избегать политического радикализма. В 1802 г. Сперанский составил записку «О силе общего мнения» в «благоустроенных государствах». В следующей «Записке об устройстве правительственных и судебных мест в России 1803 г.»³⁸ он определил условия существования общественного мнения³⁹: публичность всех законов правительства (гласность) и «свобода тиснения» (печати) в известных, с точностью определенных границах⁴⁰. Там же реформатор ставит вопросы о тесной связи просвещения, общего мнения (духа народного) и свободы печати: «Каким образом установить общее мнение, сотворить дух народный, без свободы тиснения? Каким образом ввести или дозволить свободу тиснения без просвещения?». Сперанский не мог найти ответов на подобные вопросы и надеялся, что их «разрешит только время»⁴¹.

Полной «свободы тиснения» реформатор не предусматривал. В первом проекте (1803 г.) Сперанский предполагал отнести цензуру печати к цензуре нравов⁴², в круг полномочий которой входят цензура книг и журналов, пресечение и опровержение вредных правительству слухов и толкований и др.⁴³

Наряду с «молодыми друзьями» государя большое влияние на ход преобразований оказывал воспитатель императора Александра, известный Ф. Ц. Лагарп. Во время пребывания в России в 1802–1803 гг. он часто беседовал с императором о предполагавшихся реформах и представил ему множество записок по разным государственным и административным вопросам⁴⁴. Для нас важно отметить, что Лагарп серьезно интересовался делами будущего министерства народного просвещения⁴⁵. Канадский исследователь профессор Чарльз Рууд подчеркивает, что наставник Александра швейцарский республиканец Лагарп, несомненно, ценил права и свободы человека, но он был уверен, что русский народ не готов к свободе печати⁴⁶. Отметим, что в 1802 г. Александр и Лагарп совместно работали над проектами, относящимися к деятельности министерства народного просвещения⁴⁷.

8 сентября 1802 г. был подписан документ о создании министерств. Предполагалось, что министерства станут оперативными, гибкими исполнительными органами, приспособленными к проведению в жизнь преобразовательных начертаний верховной власти⁴⁸.

Ближайшее окружение Александра I составляли единомышленники, разделявшие его идеи – «молодые друзья», Лагарп – и сановники старшего поколения – Воронцовы, Завадовский, Мордвинов, Державин⁴⁹. Люди старой партии просто иначе понимали историю⁵⁰. Новые министерства находились под влиянием двух партий⁵¹. Ф. Ф. Вигель считал, что «назначением пожилых министров правительство хотело сообразоваться с тогдашним общественным мнением»⁵².

В то же время многие маститые сановники неожиданно увлеклись реформаторскими идеями. «Известный своими добрыми намерениями, обширными сведениями Н. С. Мордвинов кипел в это время проектами... но вообразил себе, что у нас подлинно парламент; мнения, им подаваемые, были столь смелы, что через два года после Павла показали даже мятежными, и он должен был оставить место. Пренебрегая общим мнением, столь выгодным для адмирала Н. С. Мордвинова, за несколько смелых его выражений император внезапно удалил его»⁵³. Александр I не терпел проявления большего либерализма, чем он предполагал дозволить.

Цензуру вверили министерству народного просвещения. А. Чарторыйский считал, что создание этого министерства было для России замечательным нововведением, принесшим здоровые и обильные плоды⁵⁴. Современные историки также справедливо считают, что в деятельности именно этого министерства в наибольшей степени появился либеральный курс⁵⁵. Министерство народного просвещения возглавил граф П. Завадовский⁵⁶. Из записок П. А. Строганова известно, что, часто беседуя с ним о деятелях прежнего времени, которых можно было привлечь к «делу реформ», император «особенно надеялся на помощь гр. П. Завадовского, личность которого и любовь к вину были известны»⁵⁷. Он не отличался быстротой соображения и не умел схватывать оттенки дела, но между своими сверстниками выделялся сочувствием к новым идеям и вводимым улучшениям, а также безграничной преданностью и полным преклонением перед тем, что исходит свыше⁵⁸. Интересно сопоставить приведенные мнения общества о причинах назначения Завадовского. Мнение о нем императора в письме к Лагарпу: «Сожаления ваши о назначении Завадовского министром народного просвещения весьма бы уменьшились, если б вам известна была организация его министерства. Всем управляет совет⁵⁹, состоящий из Муравьева, Клингера⁶⁰, Чарторыйского, Новосильцева и др. Нет ни одного документа, который бы не был обработан ими, нет человека, назначенного не ими. Частота моих встреч, в особенности с двумя последними, не дает министру чинить препятствия добру, которое мы стараемся делать. Словом, он посажен в министерство только для того, чтобы не кричал, что отставлен»⁶¹. Интересно, что император излагает в этом письме фактический механизм принятия

решений и стиль работы министерства народного просвещения при составлении цензурного устава.

По мнению А. Чарторыйского, попечителя Московского университета М. Н. Муравьева назначили товарищем министра народного просвещения, «чтобы в обществе не говорили, что эти места специально созданы для “молодых друзей”»⁶². Возможно, что здесь имела значение и репутация Муравьева, близкого к старшему поколению министров и вхожего в литературные круги. На взглядах и в сочинениях М. Н. Муравьева отразилось влияние философии XVIII в., особенно французской. В сочинениях своих он говорил об отвлеченной любви к человечеству, выказывал уважение к свободе, закону, ненависть к деспотизму⁶³. Возможно, его авторитет призван был поддержать в глазах общества идею организации министерства, подобного которому не существовало ни в одной из стран Европы⁶⁴.

«К непосредственному ведению министерства народного просвещения были отнесены академии, университеты, главное правление училищ, типографии, цензура, издание ведомостей и всяческих периодических сочинений и др.»⁶⁵. Большую часть работы, по мнению современников, взяли на себя М. Н. Муравьев и его помощник В. Н. Каразин⁶⁶. Главной задачей для министерства народного просвещения являлось создание университетов и цензурного устава.

26 января 1803 г. в министерстве составили «Предварительные правила народного просвещения». В первой главе «О заведении училищ» говорилось: «...п. 30. Цензура всех печатаемых в губернии книг имеет принадлежать единственно университетам, коль скоро они в округах учреждены будут»⁶⁷. Когда члены Главного правления училищ рассматривали характер нового цензурного устава, они выбрали вариант предварительной цензуры, которую будут осуществлять цензурные комитеты⁶⁸.

Вариант предварительной цензуры предпочли прежде всего потому, что опасались, что уже изданная книга до ее изъятия и запрещения карательной цензурой могла принести много вреда. На справедливость судебных решений также было мало надежды «ввиду отсутствия компетентных судей». И, наконец, законодатели сомневались, что под угрозой суда «мало кто рискнет заниматься литературой, так как в то время большая часть литераторов была благородного происхождения»⁶⁹. Многие исследователи считают, что такая редакция приближала закон о цензуре к датским установлениям о печати. Дж. Грин считает, что либеральные статьи цензурного устава выражают либерализм власти и веру царя в то, что сознательные люди не нуждаются в мелочном контроле. По мнению исследователя, власти надеялись, несмотря на определенные опасения, что рациональный подход к проблемам свободы печати, гражданской инициативе и ответственности писателей, в отличие от цензурных репрессий

прежнего царствования, будет означать торжество науки и повышение степени гражданской свободы в России⁷⁰.

Уже после начала действия устава цензура продолжала подчиняться непосредственным указаниям монарха и исполнителей «монаршей воли». 5 сентября 1804 г. Н. Н. Новосильцев обратился с запросом в Академию наук⁷¹ о том, что император, усмотрел «с неудовольствием из донесения министра коммерции»⁷², что между иностранными книгами, выписанными академией наук, привезено сочинение о личной жизни императрицы Екатерины II, «которого и самое заглавие показывает, что оно не должно быть впускаемо в Россию». Было приказано «строжайше исследовать и уведомить, для кого эта книга выписана, кем помещена в реестр, и для какого употребления была предназначена»⁷³. Здесь также привлекает внимание факт участия в цензурных делах высокопоставленных лиц – министра коммерции, канцлера Румянцева и Н. Н. Новосильцева⁷⁴.

Общество с энтузиазмом отнеслось к либеральному цензурному уставу. Одним из первых откликнулся журнал Н. М. Карамзина «Вестник Европы». В статье⁷⁵ о деятельности правительства много говорится о «благотворном влиянии благоразумных узаконений относительно книжной цензуры», благодаря которым появилось «много превосходных сочинений», переведенных на европейские языки. Автор предвидит успехи нового правительства, так как «прозорливостью Александра избраны мужи», обладающие необходимыми знаниями и способностями⁷⁶. Смысл статьи подтверждает вывод исследователей о том, что в тот период между литераторами и правительством возникли самые гармоничные отношения за весь период имперской цензуры⁷⁷. Вскоре в том же «Вестнике Европы» появилась статья нового редактора М. Т. Каченовского «О книжной цензуре в России» со ссылками на доклад министра народного просвещения П. Завадовского и на статьи нового цензурного устава. Там дается сравнение развития печати и просвещения в России и Европе. В начале статьи сообщается, что «Франция и зависящие от нее Итальянские и Южногерманские государства бодро отстают к XIV веку. В Испании Святая Инквизиция истребляет творения великих гениев, писанные для пользы и славы человеческого рода». После описания примеров притеснений печати в Европе автор спешит воодушевить читателя перспективами отечественного просвещения и книгопечатания в рамках справедливой и снисходительной цензуры. «В то время, когда в Австрии запрещен ввоз всех иностранных сочинений, когда в южной Европе воздвигают алтари невежеству, в Италии жгут книги гениев; в любезном отечестве нашем законы всячески ободряют успехи просвещения, охраняя веру, святость власти, нравственность и личную честь

гражданина». Автор статьи не сомневается, что здравомыслящий гражданин и сам, без цензуры, отвернется от произведений «ума буйного и строптивного»⁷⁸. В конце статьи утверждается, что «пройдет еще несколько лет – и поле Российской словесности обогатится памятниками изящного вкуса и учености». Цензурный устав представляется автору «спасительным средством для истинного просвещения и для истинного счастья, которое мудрый Августейший обладатель Севера предписал своему народу»⁷⁹.

И. Пнин, выражая чаяния общества, в «Опыте о просвещении относительно к России»⁸⁰ призывал к смягчению цензуры по инициативе властей: «Блаженны те государи и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное»⁸¹.

Насколько сбылись надежды, можно судить по истории переиздания «Опыта о просвещении» И. Пнина. Доктор С. Реймер в статье «Традиции и новаторство Пнина» подчеркивает, что Пнин, издатель «Санкт-Петербургского журнала»⁸², известного своим независимым характером, может рассматриваться исследователями как один из самых перспективных писателей Санкт-Петербурга⁸³.

В 1803 г. И. Пнин определился в департамент министерства народного просвещения экспедитором первой экспедиции, где были сосредоточены цензурные дела⁸⁴. В 1804 г. он издал книгу «Опыт о просвещении относительно к России»⁸⁵, представил подарочный вариант книги императору, который наградил автора и предложил переиздать «Опыт» на казенный счет с дополнительными рассуждениями по крестьянскому вопросу. Цензура запретила в ноябре 1804 г.⁸⁶ переиздание «Опыта» в новом варианте. Когда попечитель Санкт-Петербургского учебного округа П. А. Строганов, который участвовал в переработке содержания книги Пнина, инициировал повторное обсуждение в цензурном комитете, цензоры подтвердили прежнее решение об отказе⁸⁷. В сатирическом произведении «Письмо к издателю»⁸⁸ И. Пнин выступил против предварительной цензуры и произвола мнения цензоров⁸⁹. Постепенно формируется круг тем, нежелательных к появлению в периодической печати, и книг, которые «не следует» издавать и выписывать. Цензура ограничивала высказывания о «государственных предметах», политических событиях, конституции, крепостном праве⁹⁰. Здесь можно заметить, что на первом этапе деятельности цензуры были независимы в своих решениях и не поменяли своего мнения даже после повторного предписания попечителя П. Строганова⁹¹.

При анализе содержащихся в делах Санкт-Петербургского цензурного комитета за 1806 г. рапортах-донесениях цензоров о рассмотренных рукописях и книгах⁹² можно отметить, что этот цензурный комитет относился к авторам лояльно.

Например, в рапорте от 11 января сообщается о 22 одобренных делах⁹³, следующий рапорт – об одобрении 39 рукописей и пьес⁹⁴. 16 марта 1806 г. в рапорте указано 55 одобренных произведений. Из рассмотренных 69 дел следующего рапорта фиксируется только одно отклонение⁹⁵. Формула одобрительного рапорта была краткой: «...рассмотрел, не нашел ничего противного уставу о цензуре и одобрил к напечатанию». Далее следовала подпись цензора. Сомнение вызывали французские пьесы, пьесы с участием царей, книги по современной истории. 16 марта 1806 г. цензор Яценков отметил в исторической книге «неподобающие выражения» о характере Петра I, противные уставу о цензуре, на стр. 230–233, 276, 279. Цензор решил вынести эту книгу «на рассмотрение комитета»⁹⁶. Из следующего рапорта комитета в марте 1806 г. интересно донесение цензора Тимковского⁹⁷ о напечатанной французской пьесе. Цензор требует вынести на обсуждение цензурного комитета первый куплет пьесы на стр. 19 «по причине непристойной шутки на счет преступления заповедей». 10 апреля Тимковский также выносит на усмотрение комитета «неприличие во французской пьесе», а через некоторое время он же требует исключить часть текста из комедии Мольера⁹⁸. В августовском рапорте комитета одобрено 80 произведений и только одна театральная пьеса не одобрена тем же Тимковским⁹⁹. Цензоры этого же комитета приглашались полицией освидетельствовать книжные магазины на предмет благонадежности продаваемой литературы¹⁰⁰. Для таких акций полиция предварительно собирала сведения о книгах и сочинениях, одобренных комитетом¹⁰¹. В 1807 г. цензоры столичного комитета получили замечание от министра по повелению Александра I за разрешение к печати книг «Анекдоты императрицы Екатерины» и «Поверхностные замечания по дороге из Москвы в Малороссию»¹⁰². Император внимательно следил за книжными и журнальными публикациями и даже планировал издавать газету с целью формирования общественного мнения. В письме к Аракчееву от 18 октября 1809 г. Александр сообщает об учреждении правительственной газеты под названием «Северная почта» или «Новая Санкт-Петербургская газета», особенный надзор над которой император поручил товарищу министра внутренних дел О. П. Козодавлеву. Далее император пишет: «Главнейшая цель сего издания есть та, чтобы, сообщая публике приличные обстоятельству времени сведения..., содержать всегда умы народные в том направлении, которое наиболее соответствует благонамеренным видам правительства». Аракчееву предписывалось сообщать известия по воинской части для помещения в новой газете. Император сам набросал круг безобидных тем о передвижении войск, продовольствии и т. д. Об одержанных победах сообщать предлагалось кратко, но оперативно,

предоставив подробное описание официальным газетам¹⁰³. Впоследствии газета «Северная почта» писала о выгодах свободного книгопечатания и о либеральной конституции¹⁰⁴.

В первые годы правления Александра I появляется много новых переводов либеральных сочинений, что указывало на признаки небывалого до того времени общественного подъема в России¹⁰⁵. В 1806 г. было издано переведенное с французского языка и вышедшее с высочайшего соизволения в 1771 г. сочинение Де Лольма об английской конституции. Перевод был посвящен государю. Перевод книги Монтескье «О духе законов» вышел в двух изданиях. Интерес к серьезной литературе был велик не только в среде столичного дворянства, но и в провинции. По свидетельству современников, в одном из уездных городах Воронежской губернии в середине 1810-х гг. у многих жителей, даже купцов и мещан, были коллекции книг серьезного содержания, в том числе Вольтера, Де Лольма, Беккария и Монтескье, в обществе живо обсуждались вопросы внутренней и внешней политики, некоторые даже восхищались представительными формами правления¹⁰⁶.

В «Санкт-Петербургском журнале», официальном органе министерства внутренних дел, печатались статьи из Бентама «О пользе обнародования отчетов», «О свободе книгопечатания», где одобрялась свобода печати и др.¹⁰⁷

Можно отметить, что в начале XIX в. заметно проявилась общественная инициатива в выражении стремления к свободе печати. В то же время самодержавная власть сохранила полное влияние на цензуру, все постановления о цензуре стереотипно объявлялись от имени государя.

В любых реформах есть элемент непредсказуемости, риска, возможно, разочарования¹⁰⁸. Цензурная инициатива правительства была ожидаема либералами и консерваторами и на тот период устроила всех. Великий князь Николай Михайлович выдвинул предположение, что в «стране, где все зависело от воли монарха, Александр никогда не был реформатором, а в первые годы своего царствования он был консерватор более всех окружавших его советников»¹⁰⁹. Возможно, что Александр любил свободу как забаву ума¹¹⁰.

В «Записках» Д. П. Рунич, метко охарактеризовав общественные настроения начала XIX в., указал возможные причины лояльности образованных кругов в отношении правительственных инициатив. Думается, что это замечание можно соотносить с реакцией общества на новые цензурные установления и положение печати: «Либерализм обратился в моду... Свобода, которой жаждали... Увы, что это за свобода! Тем не менее, когда могучая рука ослабляет петлю, готовую затянуться, эту руку целуют»¹¹¹. Уже в эти первые годы сказалась основная черта характера Александра, а именно блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителем этой идеи, внимательно прислушиваясь к общественному мнению, но не

подавая вида, что в глубине души его симпатии к предпринятому делу ослабевают¹¹².

В заключение можно отметить, что, несмотря на появление либерального цензурного устава, сохранилась «традиционная» для России черта доминирующего влияния монарха на все вопросы, связанные со свободой печати. Поэтому личность монарха, его предпочтения, привычки, образование, мнение окружения напрямую влияли на все цензурные постановления. История первого цензурного устава оказалась весьма показательной в этом отношении. Вслед за императором потеряли интерес к либеральному отношению к печати и бюрократы-чиновники, которые когда-то в него верили.

Примечания

- 1 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 179.
- 2 *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 133.
- 3 *Пнин И.* Вопль невинности, отвергаемой законами // Классики революционной мысли домарксистского периода. Иван Пнин. М., 1934. С. 105.
- 4 *Пнин И.* Опыт о просвещении относительно к России // Там же. С. 159.
- 5 В то время в Европе чаще всего применялась карательная цензура, когда издателю и автору напечатанного произведения грозили серьезные судебные санкции.
- 6 См.: *Якушкин В.* Из истории русской цензуры // Русская печать в прошлом и настоящем. М., 1906. С. 22–35.
- 7 *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 4–9.
- 8 Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006; *Гросул В. Я.* Указ. соч.; *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX в. Т. 4. М., 2003; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.
- 9 Сборник материалов по проблеме «Власть и интеллект в императорской России» // Отечественная история. 2005. № 4. С. 4.
- 10 *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С. 26.
- 11 См.: «Вестник Европы» 1802–1818 гг.
- 12 *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. М., 2008; *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 1–158; *Лемке М. Н.* Пропущенный юбилей // Русская мысль. Кн. 11. С. 34–63.
- 13 *Otto F.* The history of Russian literature: with a lexicon of Russian authors. Oxford, 1839. P. 92–94.
- 14 *Leary D. B.* Education and Autocracy in Russia. Buffalo, 1919. P. 50–51.
- 15 *Ruud Ch. A.* Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto, 2009. P. 25–27.
- 16 *Chapman T.* Imperial Russia, 1801–1905. L., 2001. P. 22–23.
- 17 *Green J.* The Encyclopedia of Censorship. N.Y., 2005.
- 18 *Гросул В. Я.* Указ. соч.
- 19 *Андреева Т. В.* Указ. соч. С. 136.
- 20 Б. Ананьич, В. Чернуха считают, что Александр I искренне стремился улучшить положение печати. См.: *Ананьич Б., Чернуха В.* Первый шаг к революции // Родина. 1991. № 9–10. С. 28.
- 21 Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 184.
- 22 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 46.
- 23 *Вяземский П. А.* Мемуарные записки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 390.
- 24 Там же. С. 397.
- 25 Там же.
- 26 Записка В. Попугаева «Об отмене всяческой цензуры» была подана в Главное правление училищ, но П. Завадовский оставил ее «без доклада». См.: *Орлов Вл.* Русские просветители 1790–1800 гг. М., 1953. С. 286–364.
- 27 *Андреева Т. В.* Указ. соч. С. 221.
- 28 ПСЗ Российской империи. Собрание первое: в 45 т. Т. 27, № 21388.
- 29 Там же. № 20139.
- 30 *Мартынов А. А.* Из хроники московских чудачеств. Лошадь в очках // Русский архив. 1876. Кн. 3, вып. 11. С. 379–380. Московский военный губернатор И. П. Салтыков предупредил директора Московского университета И. П. Тургенева о недопустимости помещения в «Московских ведомостях» в № 36 за 1802 г. сообщения без его ведома.
- 31 Министр коммерции гр. Н. П. Румянцев посылал обязательные доклады императору с перечнем всех выписанных из-за границы книг.
- 32 Ввоз в Россию запрещенных книг // Русская Старина. 1896. № 8. С. 448. Университеты до введения устава 1804 г. могли сами цензурировать ввозимые книги.
- 33 Например, в 1803 г. сатирическое произведение «Кум Матвей», пропущенное цензурой московского гражданского губернатора, изъяли из книжных лавок по распоряжению генерал-губернатора Салтыкова, а торговцев арестовали. После жалобы книготорговцев император отменил решение Салтыкова.
- 34 О деятельности и личности Сперанского см.: *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 145–153; *Минаева Н. М.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. М., 2009; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 193–195.
- 35 *Raeff M.* Michael Speransky: Statesman of imperial Russia. 1772–1839. The Hague: Hyperion Pr., 1981. P. 192–193; *Cristian D.* The political ideals of Michael Speransky // Slavonic and East Europ. rev. L., 1976. Vol. 54, № 2. P. 192–213.
- 36 *Краутхайм Х.-И.* Александр I // Русские цари. 1547–1917 / под ред. Х. И. Торке. М., 1997. С. 385.
- 37 Там же. С. 386.
- 38 *Сперанский М. М.* Записка об устройстве правительственных и судебных мест в России 1803 г. // Историческое обозрение. Сборник Императорского исторического общества при С.-П. университете. 1901. Т. 11. С. 23.

- ³⁹ См.: *Ананьич Б., Чернуха В.* Указ. соч. С. 25–27.
- ⁴⁰ *Сперанский М. М.* Записка об устройстве правительственных и судебных мест в России 1803г. С. 23.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Цензура нравов, по замыслу Сперанского, входила в задачи охранительной полиции или благочиния. См.: *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 6–7.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Чарторыйжский А.* Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия. 1795–1805 гг. С. 138–139.
- ⁴⁵ По мнению М. Н. Лемке, Лагарп был категорически против свободы печати в России. См.: *Лемке М. Н.* Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁶ *Ruud Ch. A.* Op. cit. P. 25.
- ⁴⁷ Письма Императора Александра I и других особ царствующего дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. С.-Петербург, 1870.
- ⁴⁸ *Андреева Т. В.* Указ. соч. С. 191.
- ⁴⁹ В отличие от первых Державин с неприязнью относился к «молодым друзьям», называл их «якобинской шайкой» и осмеял в басне «Жмурки». См.: *Вел. кн. Николай Михайлович* Гр. П. А. Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I : в 3 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 119–120.
- ⁵⁰ *Булич Н. Н.* Очерки из истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. // Историческое обозрение 1901. Т. 11. С. 97–98. Мартынов издавал в 1804–1805 гг. в Петербурге «Северный вестник».
- ⁵¹ *Дмитриев И. И.* Указ. соч. С. 180.
- ⁵² *Вигель Ф. Ф.* Записки. Кн. 1. М., 2003. С. 224.
- ⁵³ Там же. С. 222–223. Н. С. Мордвинов занимал должность морского министра.
- ⁵⁴ *Чарторыйжский А. С.* Указ. соч. С. 167 ; Власть и реформы... С. 192.
- ⁵⁵ Там же. С. 192.
- ⁵⁶ Завадовский прослыл между старыми вельможами знатоком русского правописания, что создало ему положение и репутацию ученого. Русская литература его тоже сильно интересовала. См.: *Чарторыйжский А.* Указ. соч. С. 171.
- ⁵⁷ *Вел. кн. Николай Михайлович.* Гр. П. А. Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 1. С. 101.
- ⁵⁸ *Чарторыйжский А.* Указ. соч. С. 171–172.
- ⁵⁹ В Совет при Главном правлении училищ входили попечители учебных округов.
- ⁶⁰ Генерал Н. Клингер, попечитель Дерптского университета, известный немецкий писатель, «либерал до мозга костей, полный рвения в движении вперед науки и образования». См.: *Чарторыйжский А.* Указ. соч. С. 169.
- ⁶¹ Письма Императора Александра I и других особ царствующего дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. С.-Петербург, 1870. С. 39.
- ⁶² *Чарторыйжский А.* Указ. соч. С. 170.
- ⁶³ Булич. С. 14. См. также о воспитании Александра I: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. ; *Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр Первый. М., 2010. С. 37 ; и др.
- ⁶⁴ *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 418.
- ⁶⁵ ПСЗ Российской империи. Собрание первое : в 45 т. № 20406.
- ⁶⁶ *Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр Первый. М., 2010. С. 37. Начиная с 1801 г. В. Н. Каразин – доверенное лицо императора в течение нескольких лет.
- ⁶⁷ ПСЗ Российской империи. Собрание первое. № 20597.
- ⁶⁸ В задачу данной статьи не входит анализ процесса подготовки цензурного устава. См.: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению : в 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 1–158 ; *Лемке М.* Указ. соч. С. 34–63.
- ⁶⁹ *Лемке М. Н.* Указ. соч. С. 53–55.
- ⁷⁰ *Green J.* Op. cit. P. 481.
- ⁷¹ Письмо Н. Н. Новосильцева Ф. И. Шуберту // Русская старина. 1896. С. 448.
- ⁷² Министром коммерции был Н. П. Румянцев, канцлер, более известный как создатель Румянцевского музея и богатого книжного собрания.
- ⁷³ Письмо Н. Н. Новосильцева Ф. И. Шуберту. С. 448.
- ⁷⁴ Именно Новосильцев предлагал реформу цензуры на основе свободной прессы в Дании.
- ⁷⁵ В конце статьи подписано: «перевод с немецкого».
- ⁷⁶ Вестник Европы. 1804. № 21. С. 70.
- ⁷⁷ *Ruud Ch. A.* Op. cit. P. 24.
- ⁷⁸ Свободы печати желали образованные читатели и литераторы, большинство боялось лишних умствований и даже «буйства печати». См.: письмо попечителя С.-П. университета П. И. Голенничева-Кутузова к министру народного просвещения А. К. Разумовскому с доносом на «опасные» сочинения Карамзина. Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Старина и Новизна. 1898. № 2. С. 237.
- ⁷⁹ Вестник Европы. 1805. № 3. С. 202–204.
- ⁸⁰ Опыт о просвещении относительно к России. Сочинение Ивана Пнина. С дозволения С.-Петербургского гражданского губернатора. СПб., 1804.
- ⁸¹ Там же. С. 159.
- ⁸² См.: *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 2006. С. 86–87.
- ⁸³ *Samuel C. R.* The Traditional and the Modern in the Writings of Ivan Pnin // *Slavic Review.* 1975. Vol. 34, № 3. Sept. P. 539–559.
- ⁸⁴ В Департаменте министерства народного просвещения в начале 1800-х гг. служили многие молодые литераторы, им покровительствовал начальник департамента. См: Классики революционной мысли домарксистского периода. Иван Пнин. М., 1934. С. 264 ; *Орлов Вл.* Русские просветители. М., 1953.
- ⁸⁵ Опыт о просвещении относительно к России. Сочинение Ивана Пнина. С дозволения С.-Петербургского гражданского губернатора. СПб., 1804. Книга вышла с дозволения гражданского губернатора С. С. Кушниковова без цензурных придинок. Позже после доноса тираж был конфискован. См. подробно: *Кизеветтер А. А.* Из истории русского либерализма. И. П. Пнин // *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 2006. С. 74–101 ; *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 129–130.
- ⁸⁶ Первый цензурный устав был принят в июле 1804 г.

- ⁸⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 50. 1804 г. Представление Петербургского цензурного Комитета попечителю Петербургского учебного округа Строганову о запрещении сочинений Пнина.
- ⁸⁸ Журнал российской словесности. 1805. Ч. 3, № 12. С. 161–168.
- ⁸⁹ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Старина и Новизна. 1898. № 2. С. 237.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 64. Предписание министра народного просвещения попечителю Санкт-Петербургского учебного округа о запрещении печатания в периодических изданиях статей политического содержания.
- ⁹¹ П. Строганов во время пребывания во Франции вступил в клуб «друзей закона», основанный Роммом 10 января 1790 г. Ромм особенно настаивал на заседаниях своего клуба на «свободе печати» и «гражданских правах». См.: *Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I.* СПб., 1903. С. 66.
- ⁹² РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 8.
- ⁹³ Там же. Л. 5, 6.
- ⁹⁴ Там же. Л. 11, 16, 16 об.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 8. Л. 5, 5 об., 6, 6 об., 11, 11 об., 16, 16 об., 22, 22 об.
- ⁹⁶ Там же. Л. 63–63 об.
- ⁹⁷ Там же. Л. 69–69 об.
- ⁹⁸ Там же. Л. 70–73, 76.
- ⁹⁹ Там же. Л. 118.
- ¹⁰⁰ О командировании цензора Яценкова для осмотра вместе с полицией книжного магазина Тейлена. Ф. 777. Оп. 1. 1807. Д. 31.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 733. Оп. 1. Д. 18.
- ¹⁰² Там же. Оп. 118. Д. 91.
- ¹⁰³ Русская старина. 1870. Т. 1–6. С. 478. С 1812 г. военные известия рассматривались особой цензурой. См.: Положение о цензуре Военно-ученого комитета. ПСЗ Российской империи : в 45 т. Т. XXXII, № 24971.
- ¹⁰⁴ *Бокова В. М. Беспокойный дух времени.* С. 37.
- ¹⁰⁵ *Краутхайм Х. И. Указ. соч.* С. 386.
- ¹⁰⁶ *Семевский И. Из истории общественных течений в России в XVIII и XIX вв. // Историческое обозрение.* 1897. Т. 9. С. 272–273.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ *Тютюкин С. В. Интеллект, побежденный властью: Александр I и М. М. Сперанский // Власть и интеллект в императорской России // Отечественная история.* 2005. № 4. С. 29–35.
- ¹⁰⁹ *Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч.* С. 21, 22.
- ¹¹⁰ *Вигель Ф. Ф. Указ. соч.* С. 224.
- ¹¹¹ Цит. : *Шильдер Н. К. Указ. соч.* С. 141.
- ¹¹² *Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч.* С. 21.

УДК 94(47).082

АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА III И РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Д. Д. Тимиржанов

Саратовский государственный университет
E-mail: gorkschool@mail.ru

В статье исследуется социально-экономическая обстановка в России конца XIX века. Анализируются последствия мероприятий центральной и местной власти в российской деревне. Показано, что реформы властей ухудшали положение крестьян.

Ключевые слова: аграрное законодательство, крестьянство, реформы, Александр III, аграрная политика.

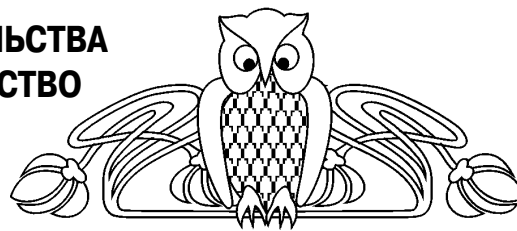
The Agrarian Legislative Government of Alexander III and the Russian Peasantry

D. D. Timirjanov

The main object of the article is the socio-economic situation in Russia in the end of 19th century. The measures of the central and local administration, applied in the Russian village, have been analyzed within this research. The author resumes that the reforms of the authorities had made the position of the peasantry more complicated.

Key words: agrarian legislation, peasants, reform of Alexander III, Agricultural Policy.

В годы царствования Александра II некоторые сановники, местная администрация, поместное

дворянство и значительная часть отечественной интеллигенции требовали от правительства более активного участия в регламентации аграрных отношений. После событий 1 марта 1881 г. эти требования оказались созвучны представлениям большинства сановников Российской империи. Александр III и его ближайшие помощники проповедовали идею государственного патернализма над общественно-экономической жизнью. Наиболее полно этот подход отразил в своей записке «О финансовой политике России» министр финансов Н. Х. Бунге: «...от правительства требуется не столько материальная помощь, как установление надлежащего порядка»¹.

Для разрешения аграрной проблемы он считал необходимым начать продажу казенных земель, кампанию по переселению избыточного крестьянского населения в Сибирь, упорядочить и сделать равномерным налогообложение различных разрядов крестьян². По этому вопросу к Бунге был близок лидер консервативного крыла

российской бюрократии конца XIX – начала XX в. В. К. Плеве. В письме А. А. Кирееву он писал, что главная задача государства – ликвидировать диспропорцию между социально-экономическим устройством пореформенной деревни и законодательством, во многом оставшимся неизменным со времен крепостного права³.

С мнением высших чиновников империи было согласно большинство губернаторов. Отвечая в начале правления Александра III на распросный лист Министерства внутренних дел, большинство губернаторов рекомендовало центральной власти усилить политику государственного попечительства над российской деревней⁴. В эти же годы саратовский губернатор А. И. Косич опубликовал записку относительно положения дел в саратовской деревне и предложения, каким образом возможно улучшить ситуацию. «Дело не в самой земле и ее количестве, а в приложении к ней труда, средств, знаний. Рачительный хозяин и с малым наделом может все-таки добыть себе заработок ... недостаток надела ведет к увеличению энергии и стараний. Может быть, на этом основании малоземельные крестьяне вообще умственно более развиты»⁵.

Правительство откликнулось на этот призыв. В 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в. был принят ряд законопроектов, усиливающих государственный диктат над крестьянским миром.

В 1885 г. Александр III подписал закон, который получил в отечественной литературе название «Закон о семейных разделах». С его помощью правительство надеялось установить надежный барьер на пути мобилизации наделной земельной собственности. По данным отечественных демографов и статистиков, в пореформенной России рост крестьянского народонаселения опережал объемы земель, вводимых в сельскохозяйственный оборот. В Саратовской губернии это соотношение выглядело как 2,72 : 1⁶.

В то же время отечественная промышленность не могла принять и трудоустроить всю массу вчерашних крестьян⁷. В отличие от Германии, Англии и Франции, где политика огораживания и другие мероприятия могли быть оправданы с исторической точки зрения, Россия, будучи страной «второго эшелона перехода к капитализму», не нуждалась в массовом обезземеливании. «Для современных условий его (капитализма. – Д. Т.) развития ... нет надобности в ... насильственном обезземеливании, так как, с одной стороны, то количество рабочих рук, которое разными путями освобождается, <...> более чем достаточно для потребностей растущего капитализма. ... С другой стороны, <...> теперь как источник производства ... земля ... совершенно не нужна капиталу, не нужно ему и лишать крестьян земли, так как в рабочих руках недостатка уже нет, и не может быть»⁸.

Подобное развитие придавало дополнительную уверенность Министерству внутренних дел

в его надеждах приостановить процесс редукции крестьянского наделного землевладения. Д. А. Толстой стремился таким образом поставить практику фамильных разделов под прочный административный контроль, искусственным образом содействовать сохранению большой патриархальной семьи.

Серьезных позитивных результатов «Закон о семейных разделах» принести не смог. По данным А. М. Анфимова, около 1/3 всех разделов в России конца XIX в. происходило в обход закона⁹. Даже официальные органы власти были вынуждены со временем признать провал «Закона о семейных разделах»¹⁰.

С проектом закона о земских начальниках министр внутренних дел Д. А. Толстой впервые ознакомил своих коллег 2 апреля 1886 года. В этот день обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, министр государственных имуществ М. Н. Островский и министр юстиции Н. А. Манасеин получили законопроект, разработанный А. Д. Пазухиным. Ведомство Толстого предлагало: 1) объединить судебную и административную власть в деревне в руках земских начальников; 2) ликвидировать в деревне институт мирового суда; 3) реорганизовать земскую управу, преобразовав ее в присутствие, состоящее из членов местной администрации и двух представителей от земства¹¹.

К. П. Победоносцев и М. Н. Островский встретили идею Д. А. Толстого сдержанно-настороженно. Резко против законопроекта выступил Н. А. Манасеин. Он утверждал, что надзор за крестьянскими учреждениями должен по-прежнему оставаться в компетенции мировых судей, а органы местного самоуправления должны влиять на избрание должностных лиц. Кроме того, министр юстиции был против предполагаемой передачи судебных полномочий из его ведомства в ведение Министерства внутренних дел¹².

Реакция Победоносцева, Манасеина и Островского не остановила Толстого. Осенью 1886 г. он собирает Особое совещание в своем министерстве, посвященное обсуждению основных положений закона. Особое совещание практически единогласно выступило за принятие подобного юридического акта¹³. Против оказался только А. Р. Шидловский (известный земский деятель), который утверждал, что «ни в отечественном, ни в иностранном законодательстве нельзя найти примера, представляющего столь обширные полномочия не только отдельным должностным лицам, но даже целым коллегиям»¹⁴.

Опираясь на мнение большинства членов Особого совещания, 18 декабря 1886 г. Д. А. Толстой ознакомил Александра III с основными тезисами возможного законопроекта. В своей записке, адресованной императору, он писал, что необходимо для заведования крестьянскими делами создать особый административный орган с единоличной властью. Земство, по мнению Д. А. Толстого,

должно быть как можно скорее введено в структуру органов государственной власти. Министр требовал от царя усилить роль и авторитет его ведомства в крестьянском вопросе, ограничить выборное начало в органах местного самоуправления в пользу бюрократического «назначенчества», для стабилизации внутривластной ситуации усилить роль дворян в общественно-экономической и политической жизни страны¹⁵.

Главный недостаток системы власти пореформенной России Д. А. Толстой видел в ее децентрализации. В докладной записке императору в конце 1886 г. он предлагал произвести централизацию властных структур, осуществляющих контроль жизни русской деревни по бюрократическому принципу, предлагая взять за образец институт земских начальников. Александр III в целом воспринял тезисы Д. А. Толстого благожелательно¹⁶, после чего последний уже официально передал проект закона о земских начальниках для обсуждения своим коллегам¹⁷.

На этой стадии закон о земских начальниках столкнулся с серьезнейшей критикой. Так, Б. П. Мансуров (статс-секретарь Государственного совета) утверждал, что «необходимо отделить административную власть от власти судебной, а не сблизить <...>, что касается сословного характера <...>, предложение это принадлежит к числу таких вещей, которые делаются, но не проводятся в законодательном акте»¹⁸. Видный деятель периода царствования предыдущего императора барон А. П. Николаи, вообще выступил против сословного характера закона. По его мнению, «новое учреждение есть не что иное, как косвенное восстановление вотчинной полиции»¹⁹. Также против закона выступил министр двора, человек, приближенный к Александру III, И. И. Воронцов-Дашков. Он предложил отказаться от сословного принципа и предать институту земских начальников общеадминистративную компетенцию. В противном случае, по его мнению, «еще более увеличится многоначалие учреждений в суде, взамен одного коллегиального крестьянского присутствия, несколько самостоятельных обладающих обширной властью и никому не подчиняющихся кроме губернатора земских начальников»²⁰. Наиболее аргументированными были возражения Н. А. Манасеина. Он утверждал, что институт земских начальников надо вводить в комплексе с целым рядом других усовершенствований крестьянской жизни в России. Между тем представленный Д. А. Толстым проект не предусматривал такой возможности. Н. А. Манасеин резко выступил против тезиса министра внутренних дел, что причина неудовлетворительного положения дел в деревне – в слабости региональной бюрократии, а также против предания земским начальникам судебных функций²¹.

Таким образом, мы видим, что уже во время предварительного обсуждения закон столкнулся с ожесточенной критикой. Полемика шла по всем

направлениям: и касательно сословного характера будущего закона, и касательно совмещения земскими начальниками судебных и административных полномочий, и относительно объема компетенции будущих администраторов.

Поэтому решение Соединенных департаментов Государственного совета было достаточно противоречивым. Семь его членов полагали, что закон должен касаться только крестьян. Восемнадцать считали, что институт земских начальников должен превратиться в орган общеадминистративной власти. Столько же членов Государственного совета выступило с особым мнением: «...образование земских начальников на почве крестьянских учреждений легко может быть объяснено в смысле меры, направленной к восстановлению власти, хотя бы в измененном виде, тех прав дворянства, которые утрачены <...> с освобождением <...> от крепостной зависимости и, во всяком случае, как закон вредный для полноправного крестьянства и его самоуправления»²². Таким образом, с юридической точки зрения, члены Соединенных департаментов не пришли к какому-то единому решению, передав дело на рассмотрение Общего собрания Государственного совета. На заседании 16 января 1889 г. тридцать девять членов Государственного совета решительно выступили против законопроекта Д. А. Толстого, тридцать – поддержали министра внутренних дел. 29 января 1889 г. император присоединился к мнению меньшинства, что узаконило Положение о земских начальниках.

Анализ дебатов при принятии закона о земских начальниках позволяет определить две возможные версии интенции закона. Одна из них принадлежала А. П. Николаи, другая – тем членам Государственного совета, которые выступили против проекта Д. А. Толстого, опасаясь, что закон может нарушить хрупкую социальную стабильность, установившуюся в обществе.

При всей внешней схожести оценок Николаи и тех членов Государственного совета, которые считали, что закон может быть легко объяснен в смысле меры, направленной на восстановление в деревне власти дворян-помещиков, между двумя этими высказываниями больше противоречий, чем точек соприкосновения. Члены Государственного совета полагали, что закон о земских начальниках легко может показаться мерой, направленной на восстановление дореформенного положения. Однако казаться – не значит быть, то есть внутренняя интенциональность закона о земских начальниках не обязательно должна абсолютно соответствовать его внешним проявлениям и тем более восприятию законопроекта обществом.

Действительно, для того чтобы стать земским начальником, необходимо было принадлежать к дворянству, хотя и здесь Толстой предусматривал определенные исключения²³. Однако, став земским начальником, дворянин автоматически превращался в государственного служащего. В

этом качестве он наделялся ответственностью не перед своим сословием, а перед вышестоящими бюрократическими организациями²⁴.

Само дворянство прекрасно осознало эту дилемму. Многие его представители неоднократно жаловались, что дворянин, став земским начальником, как бы перестает быть по образу своего политического поведения дворянином в глазах других представителей своего сословия. В то же время в представлении крестьян он остается таковым²⁵. Отсюда неудивительно разочарование А. Д. Пазухина, который утверждал, что окончательный вариант закона не имеет ничего общего с первоначальным, им предложенным²⁶.

Рискнем предположить, что подобная ревизия изначально действительно продворянского закона не была случайной. Бюрократия желала, чтобы разрешением таких болезненных вопросов общественной жизни, как надзор за сословными крестьянскими учреждениями, принятие судебных решений по маловажным гражданским и уголовным делам и, в первую очередь, разрешение аграрных конфликтов было в руках чиновников, которые бы ассоциировались у темной и невежественной массы российской деревни с ее извечным оппонентом – помещиком.

Естественно, в нашем распоряжении нет источников, которые свидетельствовали бы о подобных замыслах правительства. Однако сам характер правительственной политики в пореформенной России наводит на такие мысли. Так, для проведения в жизнь положений реформы 19 февраля 1861 г. власть создала особый институт мировых посредников. Они также рекрутировались из сословия дворян-помещиков. Между тем сам характер реформы 1861 г. предполагал недовольство ее основных фигурантов – помещиков, так как они были лишены права вотчинной юрисдикции над крестьянами, и крестьян, поскольку многие из них в ходе реформы лишились части своего земельного надела.

Таким образом, мы не можем согласиться с мнением о сословном характере закона о земских начальниках. Этот законодательный акт имел только антураж продворянского закона.

Интенцию положения о земских начальниках прекрасно демонстрирует сам текст закона: «Равным образом допускается и разрешается разъяснение земским начальником суду узаконений, которые относятся к рассматриваемым судом делам»²⁷. Источник свидетельствует, что правительство своей целью видит поставить судебные органы власти под административный контроль земского начальника. Причем, согласно наказу о его полномочиях, он наделен правом безапелляционно отвергать жалобы²⁸. Для этого власть административным образом (фактически произвольно) присвоила себе право разъяснять, т. е. менять, принципы общественного общежития. Согласно тексту закона, земский начальник получал подобную возможность не на основании

закона, а в силу «необходимости»²⁹. На основании этого можно сказать, что власть не хотела нормального функционирования структур, которые включались бы в общественную систему. Нормальное действие общественных структур возможно только в том случае, если социальная система четко структурирована, а ее механизм ясен и предсказуем. Таким образом, интенция закона о земских начальниках заключается в создании общественно-политической структуры с размытыми и нечеткими принципами функционирования. Естественно, в подобной ситуации автоматически возрастает роль административно-исполнительных органов власти.

Другим важнейшим актом аграрного законодательства царствования Александра III стал закон об установлении двенадцатилетнего срока общинных переделов. Согласно закону от 8 июня 1893 г., срок действия передела определен в 12 лет. Курировать передел обязан земский начальник, который определял его целесообразность и следил за тем, чтобы не было частых переделов³⁰.

Закон об общих переделах вызвал ожесточенную полемику в обществе. Оппоненты такого обычая утверждали, что из-за этого невозможно даже элементарное улучшение крестьянского хозяйства. Переделы, с их точки зрения, вели только к росту аграрных цен и количества необрабатываемых земель и чересполосице – бичу крестьянского землевладения. Как подтверждение этого приводился такой пример: «В Саратовской губернии имеются наделы, состоящие из ста и более узких аршинных полос»³¹.

Сторонники общинных переделов утверждали, что многопольная система ведения хозяйства, невозможная при переделах, предполагает ускоренное развитие скотоводства и технических культур. В конкретных реалиях России конца XIX – начала XX в. это не могло заинтересовать крестьянство, так как не давало постоянной и устойчивой прибыли. В России, где неурожаи случались с завидным постоянством, по их мнению, не было более надежного средства стабилизировать крестьянское хозяйство и не допустить губительных последствий. Кроме того, сторонники переделовой системы крестьянского землепользования утверждали, что в условиях низких цен на сельскохозяйственную продукцию, отдаленности рынков, плохих путей сообщения и т. д. для сельского хозяйства жизненно важно снижение издержек производства, а не попытки улучшить землепользование³².

Можно предположить, что реформа 1861 г. в отношении крестьянского наделного землевладения имела двойственный характер. С одной стороны, сократился объем крестьянского землевладения и исчез разряд многоземельного крестьянства.

С другой стороны, в менталитете российско-го крестьянства было стойкое отторжение идеи частной собственности на землю. То есть отече-

ственное крестьянство конца XIX – начала XX в. не желало воспринимать землю рационально-прагматическим образом, как вещь. Вне всякого сомнения, элемент иррационализма здесь был весьма значителен. Именно этим, на наш взгляд, объясняется отсутствие прямой или опосредованной связи между количеством и временем переделов и степенью наделенности крестьян землей.

Вместе с тем в XIX в. в России наблюдается бурный рост народонаселения. В итоге, как ни старались крестьяне увеличить количество земель, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот, темпы этого процесса уступали динамике прироста народонаселения. К концу XIX в. возможности экстенсивного развития сельского хозяйства, когда прирост аграрной продукции мог быть осуществлен благодаря вовлечению в сельскохозяйственный оборот все новых и новых территорий, были исчерпаны. Все это до крайности осложняло для российского крестьянства возможность реализации безболезненного варианта аграрной реформы.

Примечания

- 1 Бунге Н. Х. О финансовой политике России // Исторический архив. М., 1960. С. 130–145.
- 2 См.: Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 61.
- 3 См.: Письмо В. К. Плеве – А. А. Кирееву // Красный архив. М., 1926. Т. 5. С. 202–203.
- 4 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 4. Л. 72–73.
- 5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4446. Л. 199 об–200.
- 6 См.: Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Саратов, 1902. Вып. 1. Ч. 1. С. 125.

- 7 См.: Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1910. С. 194–206.
- 8 Там же. С. 202–203.
- 9 См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство. М., 1980. С. 25.
- 10 См.: ГАСО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5806. Л. 1–348.
- 11 См.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX века. М., 1970. С. 360–366.
- 12 Там же. С. 369.
- 13 Там же.
- 14 РГИА. Ф. 598. Оп. 241. Д. 51. Л. 27–29.
- 15 См.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцева / под ред. П. А. Зайончковского. М., 1961. Т. 2. С. 571–575.
- 16 См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 375.
- 17 Там же. С. 377.
- 18 ОР РГБ. Ф. 120. Д. 19. Л. 101.
- 19 Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 20 Там же.
- 21 ОР РГБ. Ф. 120. Д. 19. Л. 101.
- 22 Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 23 См.: ПСЗ-III. Т. XIII. Отд. I. № 52941.
- 24 См.: Макарин А. В. Бюрократия в системе политической власти. СПб., 2000. С. 10.
- 25 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2234. Л. 166–170 (об.)
- 26 См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 27 ПСЗ-III. Т. XIII. Отд. I. № 52941.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 ПСЗ-II. Т. 13. № 9754.
- 31 РГИА. Ф. 560. Оп. 2. Д. 604. Л. 6 (об).
- 32 См.: Анфимов А. М. Указ. соч. С. 100–104.

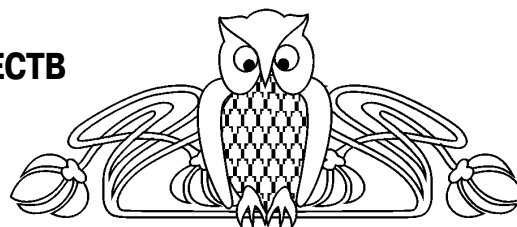
УДК 94(47)

«ПРАВИЛА ОЦЕНКИ НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВ ДЛЯ ОБЛОЖЕНИЯ ЗЕМСКИМИ СБОРАМИ» 8 ИЮНЯ 1893 ГОДА И ИЗМЕНЕНИЕ ЗАДАЧ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ

С. В. Лёвин

Саратовский государственный университет
Балашовский филиал
E-mail: Serg.Lewin@yandex.ru

В 90-е гг. XIX в. в российских земских губерниях проводились оценочные работы по определению доходности земель сельскохозяйственного назначения, а также недвижимого имущества с целью обложения их земскими налогами. Начало этим исследованиям было положено изданием 8 июня 1893 г. закона «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами», который поставил проведение земских статистических работ под контроль правительства. В статье рассматриваются основные положения закона, отношение к нему земских статистиков, создание в губерниях и уездах специальных оценочных комиссий.

Ключевые слова: губерния, закон, земство, недвижимое имущество, оценочные работы, статистика, уезд.

«Rules of an Estimation Immovable Property for Taxation by Zemstvo Gathering» on June, 8th, 1893 and Change of Problems of Zemstvo Statistics

S. V. Lyovin

In the 90s of the XIX century in Russia's zemstvo gubernias appraise work was being done on determining the earning power of the lands intended for agriculture, and also real estate for the purpose of imposing zemstvo taxes. The foundation for that research was laid by ordaining the law «Rules of assessment of real estate for imposing zemstvo fees» on June 8, 1893 which put the performance of zemstvo statistical work under government control. The article deals with the basic issues of the law, the way zemstvo statisticians treated it,

the foundation of special evaluation commissions in gubernias and uyezds.

Key words: gubernia, law, zemstvo, real estate, appraisal work, statistics, uyezd.

Значение земских статистических работ по определению экономического положения крестьянских хозяйств неопределимо для изучения социально-экономического развития России пореформенного периода. По подсчётам видного земского деятеля и статистика А. Ф. Фортунатова, к 1894 г. земские статистические переписи охватили 171 уезд на территории 25 губерний, или 3 944 898 крестьянских дворов с населением в 23 508 452 человека¹. «Подобного детального, охватывающего такую громадную населённую территорию, обследования хозяйственной жизни народа, кроме русской земской статистики, не дало ни одно учреждение, ни одна страна. Россия поистине может гордиться этим трудом», – восторгался земский статистик Д. М. Рихтер². В. И. Ленин, неоднократно обращавшийся к материалам земской статистики при написании своих экономических работ, отмечал: «Нельзя себе представить экономиста, изучающего экономическую действительность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики»³.

В истории земской статистики отечественные исследователи выделяют три периода, или этапа её становления и развития, охватывающих временные рамки с 1870-х гг. по 1917 год.

Первый период – 1870-е гг. – 1893 г., – с полным основанием можно назвать временем становления и относительно самостоятельного творческого развития земской статистики. В эти десятилетия создаются статистические отделы (бюро) при губернских земских управах, составляются программы исследований, определяются их цели и задачи, разрабатываются наиболее эффективные способы сбора первичных данных, методы их научной обработки, приёмы группировки цифрового материала и построения статистических таблиц. Главным объектом изучения являлось крестьянское хозяйство. По справедливому замечанию А. И. Гозулова, «это был период торжества статистических приёмов изучения русской деревни»⁴. В 1870-х – начале 1890-х гг. правительство не выделяло на земскую статистику никаких денег, но и не вмешивалось в её дела; организация и проведение статистических работ в губерниях целиком и полностью лежали на земстве.

На втором этапе (1894–1899 гг.) земские статистические бюро функционировали уже под жёстким и постоянным контролем правительства, которое с 1900 г. (начало третьего этапа в истории земской статистики) финансировало земские статистические исследования, ежегодно выделяя на это 1 млн рублей на все земские губернии. Соответственно, правительство и формировало заказ на проведение статистических работ, который определялся настоящей необходимостью

иметь точные данные для налогообложения недвижимого имущества промышленного и аграрного секторов страны. С этой целью 8 июня 1893 г. были приняты «Высочайше утверждённые Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами». Согласно данным «Правилам», земли, находившиеся в сельскохозяйственном обороте, леса, постройки хозяйственного назначения, помещения фабрик и заводов, иное недвижимое имущество подлежали обязательной оценке с целью их обложения земскими налогами. Для этого во всех земских губерниях создавались специальные учреждения – губернские и уездные оценочные комиссии.

В состав губернской оценочной комиссии входили управляющие Казённой палатой, отделением государственного Дворянского земельного банка, государственным имуществом и акцизными сборами, неперенный член губернского по крестьянским делам присутствия, председатель губернской земской управы, двое земских гласных по выбору губернского земского собрания и городского головы. Возглавлял комиссию губернский предводитель дворянства.

Уездная оценочная комиссия формировалась из податного инспектора, неперенного члена уездного по крестьянским делам присутствия (или одного из участковых земских начальников, назначаемого в состав комиссии губернатором), председателя уездной земской управы, двух членов по выбору уездного земского собрания и уездной городской думы, представителя ведомства государственных имуществ. Председателем оценочной комиссии назначался уездный предводитель дворянства. Кроме того, в тех уездах, где существовали горный промысел, казённое и удельное имущество, в состав комиссий включались также представители от этих ведомств.

Губернские оценочные комиссии должны были наблюдать за «успешным исполнением Уездными Оценочными Комиссиями и Уездными Земскими Управами обязанностей их по оценке недвижимых имуществ», доводить до их сведения инструкции и указания «относительно порядка и приёмов сей оценки», а также рассматривать «предположения Уездных Оценочных Комиссий об общих основаниях оценки недвижимых имуществ в уездах и согласование оных по отдельным уездам...»⁵.

На уездные оценочные комиссии возлагалось «1) установление, по представлению Уездной Земской Управы, общих оснований оценки недвижимых имуществ в уезде, 2) общее руководство действиями Уездной Земской Управы по производству оценок отдельных недвижимых имуществ, 3) рассмотрение представлений Уездной Земской Управы по ходатайствам землевладельцев о понижении оценки доходности землевладений, 4) рассмотрение возражений на произведённые Управой оценки отдельных недвижимых имуществ»⁶.

Таким образом, губернские и уездные оценочные комиссии выполняли контролирующие функции, а вся тяжесть работы и полнота ответственности была возложена на уездные земские управы. «К обязанностям уездной земской управы по оценке недвижимых имуществ, – говорится в статье шестой «Правил», – относится: 1) ведение поземельных книг и описей (инвентарей) всех подлежащих оценке недвижимых имуществ в уезде, 2) соби́рание данных о составе оцениваемых имуществ, об арендных платах, ценах на работы и произведения земли и других тому подобных сведений, необходимых для установления общих оснований оценки и отдельных оценок недвижимых имуществ, <...> 4) производство оценок отдельных недвижимых имуществ, согласно утверждённым, установленным порядкам, общим основаниям оценки недвижимых имуществ и 5) ведение делопроизводства уездной оценочной комиссии»⁷.

Земельные владения и недвижимое имущество оценивались «по средней чистой их доходности». Если же определить «среднюю доходность» было практически невозможно, то доходность недвижимости должна была «исчисляться в определённом отношении к оценке имущества»⁸. Согласно «Правилам» оценке подлежали не только земли, но и лесные угодья, которые разделили на два разряда. К первому «причисляются леса, в которых установлен или же, по состоянию леса и по условиям его сбыта, может быть установлен хозяйственный план ежегодной вырубki...»⁹. Ко второму разряду отнесены «все остальные леса». Лесные угодья первого разряда оценивались по величине дохода, приносимого «каждой отдельной лесной дачей, исчисляемой по соображению с соответствующим состоянию и породе леса оборотом рубки его», а также исходя из цен «на лесные материалы и побочные выгоды от лесовладения (от пастбы скота, сенокосения и т. п.)». Для определения доходности лесов, вошедших во второй разряд, устанавливалась «средняя доходность десятины леса, определяемая в известной, сообразно местным условиям, соразмерности с доходностью других земельных угодий»¹⁰.

Не все земли и недвижимое имущество подлежали оценке и последующему налогообложению. Не оценивались земли и иное недвижимое имущество, не приносявшие дохода своим владельцам, находившиеся в ведении дворцового государственного имущества, церковей, монастырей, духовных учебных заведений, благотворительных учреждений, научных обществ и т. п., – всего 16 категорий.

Городская недвижимость также подразделялась на две категории. К первой относились помещения, сдаваемые в аренду (наём). Их доходность определялась «по средней за оное наёмной плате, за вычетом необходимых по имуществу расходов и вероятного по местным условиям недобора в доходе вследствие простоя

помещения». Доходность строений, не сдаваемых в аренду, «определяется по соображению с доходностью, исчисленною для однородных имуществ, сдаваемых в наём»¹¹.

По таким же основаниям высчитывалась доходность «сельских построек», но с двумя нюансами, а именно: «1) доходность дворовых участков при сельских постройках, оцениваемых по их материальной стоимости, приравнивается к средней доходности усадебной земли в той же местности; 2) отношение средней доходности к ценности построек определяется не свыше 5%»¹². По аналогичным критериям предполагалось проводить оценку заводов и фабрик, но с учётом находившегося в них производственно-технического оборудования.

«Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» отстаивали интересы дворян. Доходность частного землевладения рассчитывалась «на основании проверенного заявления владельца о среднем размере полученного им чистого дохода»¹³. Естественно, дворяне-землевладельцы старались всячески снизить получаемый с земли и другого недвижимого имущества доход.

«Правила» поставили многие земства в затруднительное положение, так как не все они имели необходимый опыт проведения в своих губерниях оценочных работ. А. И. Гозулов считал, что до 1893 г. «земские статистические органы занимались изучением крестьянского хозяйства, оставляя в тени практические задачи оценочного дела»¹⁴. С данным утверждением нельзя согласиться. Земские статистики и до 1893 г. занимались оценочными работами, но они не занимали главное место в земских статистических исследованиях. Так, например, Московское земство ещё в 1882 г. «во время своих основных работ по статистике собрало, согласно поставленной ему задаче, также и данные для правильной оценки земель, после чего выработало нормы к их равномерному обложению»¹⁵. Эти нормы в 1882 г. приняли все уездные земства губернии. В 1879 и 1889 гг. московские статистики произвели оценку городской недвижимости, в 1881–1882 гг. – заводов и фабрик, а в 1888 г. по ими же разработанным критериям предприняли оценку сельской недвижимости, сдаваемой в наём. Начиная работы по оценке земель и недвижимого имущества, согласно закону от 8 июня 1893 гг., московские статистики успешно использовали уже наработанный ими статистический материал.

Работы черниговского статистического отделения при губернской земской управе с самого начала носили оценочный характер и уже в первой половине 1880-х гг. принесли, по образному выражению П. П. Фирсова, «свой практический плод, послужив основанием для переоценки земель Черниговской губернии и сообразной с ней раскладки губернского земского сбора и государственного поземельного налога между отдельными уездами,

составляющими Черниговскую губернию»¹⁶. В 1882 г. к оценочным работам приступили нижегородские статистики.

Однако у многих земств не было необходимого соответствующего опыта и они в спешном порядке приступили к созданию оценочных комиссий, которые, по критическому замечанию А. В. Пешехонова, оказались «неспособны, как выяснила практика, руководить делом оценки, внесли лишь ряд задержек и усилили трение, т. е. потребовали напрасной траты сил от земских управ и их статистических отделений»¹⁷.

Вопросы определения доходности земель, городской и сельской недвижимости стали главным предметом обсуждения земских статистиков на IX, X и XI съездах русских естествоиспытателей и врачей. На X съезде в составе подсекции статистики была образована специальная комиссия, на заседаниях которой рассматривались доклады «по вопросу о производстве земских оценок». Комиссия выработала критерии, которые для некоторых местностей, схожих по природно-климатическим условиям, численности населения, уровню хозяйственного, социального и культурного развития, могли быть применимы как относительно общие для определения доходности сельскохозяйственных угодий и недвижимости. В частности, все члены комиссии пришли к заключению, что наилучшим методом оценочных исследований является подворная перепись. «При выполнении закона 8 июня 1893 года подворная перепись представляется наилучшим, а иногда и единственным методом для получения вполне достоверных данных, необходимых для установления оценочных норм и, главное, для установления однородных в хозяйственном отношении местностей», – говорится в заключительном протоколе комиссии¹⁸.

Участники съезда с сожалением констатировали, что оценочные работы в губерниях проходили крайне медленно. В Саратовской губернии «работы по переоценке имущества согласно закону 8 июня 1893 г. были начаты с осени 1895 г., причём в течение последних месяцев 1895 г. и всего 1896 г. эти работы заключались в извлечении необходимых материалов из дел и документов разных учреждений, в изготовлении копий с уездных межевых карт и алфавитов к ним, в копировании планов для частных землевладельцев и крестьянских обществ»¹⁹.

Чтобы осуществить оценку земель и недвижимого имущества губернского центра, уездных городов, сёл и деревень в соответствии с новыми требованиями, земским статистикам необходимо было провести масштабное социально-экономическое исследование по выявлению факторов, определяющих размеры доходности земель и недвижимости. Конечно, наиболее важное место среди оценочных исследований занимали работы по определению доходности земельных угодий. В большинстве губерний изучение доходности земли велось в такой последовательности: перво-

начально характеризовались «естественно-исторические особенности» почв, после чего производился учёт общеэкономических факторов и урожайности земли. Это обусловило оформление в статистической практике двух способов определения доходности земель: 1) по арендным ценам; 2) на основании рыночной стоимости полученной продукции после вычета затраченных на неё расходов. Второй способ определения доходности земли являлся более сложным и предполагал вначале вычисление валовой доходности с одной десятины отдельных видов земельных угодий, которая зависела от размера полученного урожая и сложившихся рыночных цен на продукты. Важно отметить, что при этом определялась средняя урожайность, причём для разных по хозяйственной состоятельности групп землевладельцев. Некоторые статистики считали это наиболее слабым местом оценочного исследования, заявляя, что невозможно высчитать среднюю урожайность для состоятельных, экономически крепких и бедных хозяйств. Но средняя урожайность исчислялась и для состоятельных, и для бедных сельскохозяйственных хозяйств. Их земли группировались в районы и разряды: пахотные, лесные, сенокосные. Однородные районы объединялись в так называемый оценочный почвенный разряд. Что же касается средней доходности одной десятины пашни такого разряда, то она определялась на основании уже целого ряда средних величин: средней урожайности, среднего соотношения посева озимых и яровых культур, средних цен на продукцию растениеводства и средних затрат на производство этой продукции. При этом учитывались как обычные условия растениеводства, так и наиболее распространённый в данной местности уровень сельскохозяйственной техники. Определяя среднюю урожайность одного района, статистики игнорировали посевную площадь. Напротив, главным критерием высчитывания средней урожайности по разрядам являлась площадь посева каждого района.

Наряду с фактической урожайностью определялась и так называемая нормальная урожайность, которая уже не отражала влияния индивидуальных экономических условий. В этом случае районы каждого земельного разряда делились на две группы. В первую группу вошли земли, оцениваемые по количеству удобрений, вносимых на одну десятину, во вторую – по проценту удобряемой почвы. Урожайность каждой группы выражалась в абсолютных величинах, поэтому среднюю урожайность по группам стали называть абсолютной урожайностью. Нормальная урожайность во многом зависела от наличия (или отсутствия) сельскохозяйственной техники и степени удобрения почвы. Чистый денежный доход, получаемый землевладельцем с одной десятины, вычислялся также в виде средней величины отдельно по яровым и озимым культурам. Аналогичные методы земские статистики

использовали и при оценке лугов, сенокосов, других земельных угодий с учётом их местных особенностей.

Метод определения доходности сельскохозяйственных земель на основе сочетания естественно-исторических и экономических факторов получил широкое распространение и стал основным оценочным методом, применявшимся земскими статистиками. С использованием этого метода с 1894 по 1902 г. была проведена оценка земель в 17 земских губерниях. Что же касается недвижимого имущества, то в большинстве губерний в качестве основного фактора оценки была принята его «чистая доходность».

Земские статистики в большинстве своём негативно отнеслись к новому закону. И. П. Белокопский называл его не иначе как «покушением на земскую статистику»²⁰. Даже по прошествии двадцати лет А. А. Кауфман на вопрос о том, какое влияние оказали «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» на земскую статистику, отвечал: «Во многих отношениях оно было отрицательным. Земская статистика, несомненно, страдает под тягостью оценочных наросов. <...>. Самый интерес земских статистиков в значительной мере поглощается чуждыми существу земской статистики оценочными задачами и вопросами...»²¹. В. И. Ленин, анализируя земскую оценочно-статистическую литературу, писал: «Закон 8-го июня 1893 г. об оценке недвижимых имуществ, введший равным образом принцип регламентации и стесняющий права земства в деле обложения, тоже встречен не сочувственно и в массе случаев вовсе не применяется»²².

Деятельность губернских и особенно уездных оценочных комиссий оказалась малоэффективной. Выступая на X съезде русских естествоиспытателей и врачей, И. П. Белокопский «печальное состояние дела оценки недвижимых имуществ» объяснял так: «Причина кроется в том, что правила изъятия статистики из ведения земства и передали в руки оценочных комиссий»²³. А. А. Русов отмечал, что уездные оценочные комиссии, на которые была возложена вся тяжесть проведения оценочных работ, «или вовсе не собирались, или если собирались, то для того только, чтобы написать протоколы о заседаниях и выслушать какие-либо циркуляры и принять их к сведению, но не к исполнению, ибо исполнителей в уездах не было»²⁴.

Нехватка специалистов, которые могли бы провести оценку земель и недвижимого имущества уезда, руководствуясь положениями закона, остро ощущалась во многих земствах. В некоторых губерниях земства приступили к оценочным работам, опираясь на данные подворной переписи крестьянских хозяйств, проведённой ещё в 1880-х гг. Так, в Саратовской губернии «богатые материалы, накопившиеся в губернской управе, благодаря производившимся до сего времени

различным статистическим работам, вообще оказывают во многих случаях незаменимую помощь при выполнении настоящих работ по оценке земель»²⁵.

Другая не менее важная проблема, с которой столкнулись земские статистики, – невозможность оценить земли и недвижимое имущество согласно нормам «Правил» в различных по хозяйственной специализации районах. «Как показывает опыт земских оценочных и общестатистических работ, проводившихся в различных местностях России, естественные и хозяйственные условия разных районов так не сходны, что выработка вполне однообразных, одинаково применяемых для всех местностей приёмов оценки совершенно недостижима», – отмечал в своём докладе Н. Ф. Анненский²⁶. В тех губерниях, где земледелие составляло основу их экономического развития, и в губерниях с преобладающим развитием промышленного производства критерии для определения доходности земли не могли быть одинаковыми. Так, в Тульской губернии определение доходности недвижимого имущества Тулы по критериям, закреплённым в законе 8 июня, вызвало «энергические возражения со стороны уполномоченных городского общественного управления»²⁷. Руководивший оценочными работами С. А. Харизоменов выразил надежду, что «оценочные работы дадут достаточный материал по вопросу о несоответствии максимальной доходности, принятой законом для фабрик и заводов, с действительной и тогда представится возможность внести соответствующие поправки в закон 8 июня 1893 года»²⁸. Даже по уездам, различавшимся по хозяйственной специализации, затруднительно было проводить оценочные работы в соответствии с «Правилами оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами». Например, в Саратовской губернии «уездные оценочные учреждения трёх уездов – Вольского, Хвалынского, Царицынского, не возражая по существу против принятых для оценки оснований, дали заключение о неприемлемости для этих уездов спроектированных оценочных норм в том виде, как это значит в работах Оценочного отделения»²⁹.

«Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» стали очередным шагом правительства, направленным на ограничение хозяйственной самостоятельности земства. По мнению И. П. Белокопского, с которым нельзя не согласиться, «правительство, вводя “Правила”, думало, во-первых, изъять обложение имущества из рук земств, во-вторых – превратить земскую статистику в официальное учреждение, содержащее на средства правительства и всецело подчинённое губернским и уездным комитетам, и, в-третьих, наконец, – прекратить местные подворные исследования, которыми статистики, по мнению бюрократии, пользовались исключительно для целей пропаганды»³⁰.

Анализируя полученные результаты проведённых оценочных работ, земские статистики на первом заседании комиссии по вопросу об организации земско-статистических оценочных исследований 9 февраля 1898 г. констатировали, что «из губерний, в которых производство оценочных работ сосредоточено при губернских управах, только в одной Нижегородской все оценочные работы закончены, причём этот результат наступил здесь благодаря тому, что исследования, начатые ещё до издания закона 8 июня 1893 г., оказались вполне отвечающими требованиям нового закона»³¹.

Трудности в проведении оценочных работ привели к изменению правил оценки недвижимого имущества. 18 января 1899 г. был издан закон «Об изменении Высочайше утверждённых, 8 июня 1893 года, Правил оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами и об отпуске земским учреждениям пособия от казны на оценочные работы», который изъяснял оценочные работы из ведения уездных земских управ и оценочных комиссий и передал губернским земским управам. Кроме того, на проведение оценочных исследований правительство, начиная с 1 января 1899 г., выделяет «пособие губернским земствам 34 губерний, в коих введено Положение о земских учреждениях, в размере одного миллиона рублей...»³². Эти деньги распределялись между губернскими земствами «по соображению с количеством земли, облагаемой земскими сборами в каждой губернии, и с числом отдельных владений в последней»³³.

Таким образом, правительство окончательно поставило все статистические работы земства под свой контроль, направляя их в нужном для себя направлении, формируя заказ на статистические исследования и оплачивая их. Думается, можно выделить следующие причины этого явления: 1) правительство убедилось, что земствам удалось создать действенную, эффективную статистическую службу, способную решать масштабные задачи по исследованию различных сторон социально-экономического развития страны; 2) ставя под контроль статистические работы, правительство, тем самым, брало под контроль и всю деятельность земских статистиков, более других представителей «третьего элемента» земства соприкасавшихся по характеру своей работы с крестьянским населением, что не могло не вызывать беспокойства администрации; 3) финансируя оценочные работы, правительство, тем самым, в значительной степени ограничивало хозяйственную самостоятельность земства, а земские статистики всё больше и больше превращались в государственных служащих. Вполне определённо можно считать, что с введением в действие «Правил оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» заканчивается этап сравнительно самостоятельного, творческого развития земской статистики.

Примечания

- 1 А. Ф-товъ [Фортуатов А. Ф.]. Земская статистика // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Т. XIIа. С. 494.
- 2 Рихтер Д. М. Земская статистика на празднике русской науки // Русское богатство. 1894. № 3. С. 38.
- 3 Ленин В. И. Некритическая критика // Полн. собр. соч. 5-е изд. : в 55 т. М., 1967. Т. 3. С. 632.
- 4 Гозулов А. И. История отечественной статистики. М., 1957. С. 52.
- 5 ПСЗ. Собрание 3-е. СПб., 1897. Т. XII. № 9744. С. 415.
- 6 Там же. С. 416.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 417.
- 9 Там же. С. 418.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 417.
- 14 Гозулов А. И. Указ. соч. С. 54.
- 15 Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы со времени учреждения земств 1864–1903 / сост. В. Ф. Караваев. СПб., 1906. Вып. 1. С. 284.
- 16 Фирсов П. П. К вопросу об оценке земель, как предмета земского обложения (историко-критический очерк). Херсон, 1894. С. 65.
- 17 Пешехонов А. В. Внешние условия земско-статистических работ // Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге 20–30 декабря 1901 г. СПб., 1902. С. 481.
- 18 Протокол заседания комиссии по вопросу о важности сплошных подворных исследований в целях наиболее правильной оценки земель // Труды Комиссии по вопросу об организации земско-статистических оценочных исследований (9–20 февраля). М., 1898. С. 41.
- 19 Об оценочных работах // Доклады Саратовской губернской земской управы XXXIII очередному Саратовскому губернскому земскому собранию. Саратов, 1898. С. 34.
- 20 Белокопский И. П. Земское движение. М., 1914. С. 44.
- 21 Кауфман А. А. Земская статистика // 1864–1914. Юбилейный земский сборник / под ред. Б. Б. Веселовского, З. Г. Френкеля. СПб., 1914. С. 267–268.
- 22 Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 49.
- 23 Белокопский И. П. О ненормальности постановки оценочных работ // Дневник X-го съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве / под ред. Л. Л. Лунда. Киев, 1898. № 7. С. 233–234.
- 24 Русов А. А. История развития русской оценочной статистики. Киев, 1908. С. 87.
- 25 Об оценочных работах // Доклады Саратовской губернской земской управы XXXIII очередному Саратовскому губернскому собранию. С. 36.
- 26 Анненский Н. Ф. Земский кадастр и земская статистика // Труды подсекции статистики IX съезда русских

естествоиспытателей и врачей в Москве 3–11 января 1894 г. М., 1895. С. 71.

²⁷ Материалы для оценки недвижимых имуществ Тульской губернии. Тверь, 1901. Вып. 1 : город Тула. С. 26.

²⁸ Там же. С. 31–32.

²⁹ Доклад Саратовской губернской земской управы по заключениям, представленным уездными земскими собраниями и уездными оценочными комиссиями о спроектированных нормах для оценки недвижимых

имуществ в Саратовской губернии и объяснения к ним губернской управы. Саратов, б. г. С. 6.

³⁰ Белокопский И. П. Земское движение. С. 44.

³¹ Труды Комиссии по вопросу об организации земско-статистических оценочных исследований (9–20 февраля). С. 4.

³² ПСЗ. Собрание 3-е. СПб., 1902. Т. XIX (1899). Отд. 1. № 16364. С. 34.

³³ Там же.

УДК 329.14(47+57)

ЧТО ТАКОЕ «ЛЕГАЛЬНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО»?

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет
E-mail: mok410@mail.ru

В данной статье выясняется происхождение и содержание понятия «легальное народничество»; уточняется персональный состав легальных народников; предлагается новая типология течений легально-народнической мысли; анализируются мнения исследователей по затронутым в статье проблемам.

Ключевые слова: идеология, интеллигенция, история, легальное народничество, реформизм, типология.

What is «Legal Populism»?

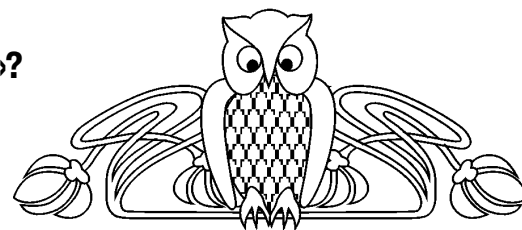
G. N. Mokshin

In this article the author investigates and analyses the content of the notion «legal populism». He makes personal stuff of legal populist precise. A new typology of legal populist thought is proposed. Different points of view of scientists on the theme are analyzed.

Key words: ideology, intelligentsia, history, legal populism, reforming, typology.

Что означает термин «легальное народничество»? Необходимость разрешения этого вопроса определяется не только терминологической путаницей, возникающей при определении правого (нереволюционного) крыла народничества (наименование его не только «легальным», но и «либеральным», «реформаторским», «эволюционным», «мирным» и т. д.)¹. Проблема в том, что у современных исследователей отсутствует четкое представление о внутреннем содержании этого явления пореформенной российской жизни, а следовательно, и о том, кого следует считать легальными народниками.

«Легальное народничество» – это не самоназвание. Большинство сторонников эволюционного пути к крестьянскому социализму именовало себя демократами, интеллигентами, народолюбцами – и очень редко народниками. Дело в том, что в легальной печати 1880-х – начала 1890-х гг. народничество ассоциировалось с крайним его представителем – И. И. Каблицем. В своем главном труде «Основы народничества» (СПб., 1882;

1888–1893) он доказывал необходимость смотреть на ближайшие задачи русской жизни «глазами мужика». Поэтому не согласные с этим принципом Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко и даже Я. В. Абрамов, пришедший в газету «Неделя» на смену Каблицу, не называли себя народниками. Лишь в начале 1890-х гг., когда популярность идей Каблицы сошла на нет, вторую жизнь слову «народник» попытался дать Воронцов в своих «Попытках обоснования народничества» («Русское богатство» 1892–1893 гг.). Но все попытки объединить легальных народников вокруг задачи «умственного подъема массы» завершились окончательным разрывом между народниками-культурниками и народниками-политиками. При чем Михайловский публично отказался от чести именоваться народником.

Наличие острых идейно-тактических противоречий не позволило легальным народникам выработать общую программу действий и подходящее для всех самоназвание. И если кто-то из них называл себя народником, то с обязательным противопоставлением своей позиции так называемым лженародникам. На самом деле, между народниками «Отечественных записок», «Русского богатства» и «Недели» было много общего, на что еще в начале 1880-х гг. указывал редактор журнала «Мысль» Л. Е. Оболенский. Он одним из первых предложил для них общее название «народники-западники» (или «народники-либералы»), противопоставив их «народникам-славянофилам» во главе с Ф. М. Достоевским².

В литературе и общественном сознании восприятие правого (нереволюционного) крыла народничества как единого общественно-политического течения относится лишь к 90-м гг. XIX в., когда его теоретики единым фронтом выступили против русских марксистов. С начала XX в. появляются первые публикации по истории общественного движения последней трети XIX в., в которых данное течение народнической мысли

нередко называется легальным (по явной аналогии с «легальным марксизмом»)³.

Слово «легалисты» ввел в употребление П. Л. Лавров еще в начале 1870-х гг., применив его к тем, кто действовал на законной почве, но опирался при этом на свои собственные силы, а не на правительство⁴. Применительно к правому народничеству («народники-легалисты» и «легальные народники») его впервые использовал Г. В. Плеханов в 1883 г.⁵ Как раз к этому времени завершилось идейное и организационное оформление легального народничества, а разгром правительством «Народной воли» создал предпосылки для его преобладания в народническом движении.

Термин «легальное народничество» означает приверженность его представителей мирным, легальным, законным (т. е. признаваемым государством, обществом и народом) средствам борьбы за народнические идеалы⁶. Эти средства нельзя сводить только к печати – главному, но не единственному оружию легальной оппозиции. В арсенале правых народников были органы земского самоуправления, культурно-просветительские общества и кружки, а также возможность проводить различные мирные акции и кампании («банкеты» как разновидность общественных собраний, сбор денежных средств, подача петиций и т. п.). На необходимости именно «легальной» работы на пользу народа «честных» земцев, врачей и учителей еще в 1880 г. настаивал народнический журнал «Мысль»⁷.

Говоря о содержании понятия «легальное народничество», прежде всего следует уточнить, как оно соотносится с более общим понятием «русское народничество». В современной литературе «народничество» представляется в трех ипостасях – как особый тип сознания, или мышления, идеология (доктрина) и движение демократической интеллигенции России пореформенного времени. Рассмотрим эти значения термина «народничество» более подробно.

О народничестве как особом типе интеллигентского (общественного, наднационального) сознания писали уже первые его критики⁸. Его главные черты (нацеленность на развитие, наивный рационализм, примат общего над частным) позволяют локализовать народничество как симбиоз традиционного (религиозного) и современного (рационалистического) типа мышления. Причины возникновения народничества и все его характерные черты связаны с ускоренной модернизацией России в XVIII – начале XX века.

Переходное состояние российского общества, а также социальные издержки его модернизации вызвали к жизни явление радикальной интеллигенции. Народничество явилось идеологией этой новой (бессословной по своему происхождению и идейной ориентации) интеллигенции, т. е. теоретически обоснованной формой выражения ее самосознания. При этом под идеологией следует понимать не только систему идей и взглядов раз-

личных субъектов социокультурной жизни, но и их идеалы, ценности и нормы поведения, а также программу социальных действий, направленную на их практическое воплощение⁹.

О конкретном содержании идеологии русско-го народничества написано немало, хотя споры о ее целевой направленности продолжаются до сих пор. Большинство исследователей считает, что народники стремились избежать перипетий капиталистической модернизации страны, чреватой разорением крестьянства – основной массы ее населения. Однако избранная ими стратегия использования в качестве модели преобразований поземельной общины и артели (как залога особого русского пути развития) признается утопичной. Проблема в том, что на поздних этапах народнического движения легальные и революционные народники отказались от попыток непосредственного введения социализма в пользу предварительной демократизации экономической, политической и культурной жизни страны. Это позволило, например, Н. А. Троицкому утверждать, что социализм был лишь внешним облачением народничества, его цитоплазмой, а его истинная суть – демократизм¹⁰.

Место народников-реформистов и их доктрины общественных преобразований в истории народнического движения лучше всего отражает его современная периодизация. Она обычно включает три этапа: 1) конец 1840-х – начало 1860-х гг. – разработка основоположниками народничества А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским исходных положений народнической доктрины (учения об общинном, или русском социализме); 2) вторая половина 1860-х – середина 1890-х гг. – движение революционного и легального народничества, рассматриваемое как два параллельных потока, причем с самого начала преобладало революционное народничество и только после его разгрома (в начале 80-х гг.) – легальное; 3) конец XIX – начало XX в. – эпоха неонародничества¹¹.

Из данной периодизации следует, что легальное народничество – это самостоятельное течение народнической мысли. Его идеология и движение вызревали и развивались под влиянием общих для всех народников целевых установок, приемов мышления и действия (которые нельзя было изменить и при этом остаться народниками). В то же время народники-реформисты пытались выработать свое собственное решение проблемы, над которой народническая мысль билась все 1870–1890-е гг.: возможен ли санкционированный родоначальниками народничества переход от модернизации «сверху» к модернизации «снизу» при неготовности народа и общества выступить в качестве главной движущей силы этих преобразований. Ответ теоретиков легального народничества был отрицательным. И Михайловский, и Воронцов, и Кривенко отказались от идеи радикального изменения существующего общественного строя до создания для этого соответствующих предпо-

сылки. Интересно, что этот факт признают далеко не все современные исследователи народничества. В частности, Зверев доказывает, что от идейного наследия 1840–1860-х гг. отступили только народники-культурники, а сторонники политического реформирования страны продолжали ориентироваться на социалистический идеал¹².

Отдельную проблему в определении легального народничества представляет его персонификация. Речь, конечно же, идет не о его общепризнанных представителях, таких как Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, И. И. Каблиц, С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловский, П. П. Червинский, А. И. Чупров, С. Н. Южаков. Разногласия у исследователей вызывает причисление к этому лагерю демократов-просветителей 1860–1870-х гг. (Г. З. Елисеев, В. В. Берви-Флеровский, Г. И. Успенский, Н. В. Шелгунов, А. Н. Энгельгардт) и неонародников начала XX в. (Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов). На наш взгляд, все указанные в этом далеко не полном перечне общественные деятели могут считаться легальными народниками, но только применительно к периоду с 1868 по 1905 г. Сужение легального народничества до представителей «первого ряда» не только умаляет влияние его идей на современников, но и искажает картину генезиса его идеологии (участие в этом процессе «шестидесятников»). С другой стороны, неоправданно включение в это течение народных социалистов, так как в 1906 г. они образовали самостоятельную политическую партию.

С персональным составом легального народничества тесно связан вопрос о народниках-реформистах 1-го и 2-го призыва (1870–1880-х и 1890-х гг.), поставленный Балухевым¹³. По нашему мнению, всю народническую интеллигенцию можно разделить на три поколения: 1840–1860-х гг., к которому принадлежали основоположники народничества и его «пионеры» 1860-х гг.; поколение 1870–1880-х гг. (теоретики и практики действенного народничества)¹⁴ и поколение 1890–1900-х гг. – неонародники. Всех главных представителей легального народничества следует отнести к одному поколению, рожденному в 40–50-е гг. XIX в. Как точно подметил А. И. Богданович, к концу 1890-х гг. эти народники успели превратиться в «стариков», которые, не имея молодых наследников, никли один за другим, унося с собой свои заветы¹⁵.

Для того чтобы лучше понять, что представляет собой идеология легального народничества, попытаемся определить ее основные функции.

В исторической литературе под идеологией русского народничества обычно понимается теоретически обоснованная система взглядов, идей и программ радикально-демократической интеллигенции. О других важных составляющих ее идеологии (социокультурные ценности данной социальной группы, ее специфические приемы мышления, особенности самоидентификации) исследователи народнической мысли практически не

упоминают. В итоге типично интеллигентский (религиозно-нравственный по своей сути¹⁶) характер идеологии действенного народничества отходит на второй план, что, безусловно, препятствует его адекватному восприятию.

В современных словарях часто подчеркивается научный характер народнической доктрины (разумеется, для того времени)¹⁷. В действительности народническая программа общественных преобразований опиралась не только на теоретически обоснованные положения (об особенностях развития капитализма в России, специфической природе самодержавия, моральном характере крестьянской экономики и т. д.). Теоретики народничества породили и целый ряд мифов, например о социалистических инстинктах мужика или о мессианской роли русской интеллигенции. Уже современники народников отмечали антиисторизм, утилитаризм, идеализм и субъективизм как отличительные особенности их идейных построений. Поэтому еще раз повторим, что общественная идеология прежде всего есть форма социально обусловленного группового самосознания со всеми его заблуждениями и предрассудками.

Главное назначение любой общественной идеологии – выработка типов мышления, поведения и программ социального действия, соответствующих интересам определенной социальной группы (в данном случае – легальной демократической интеллигенции). Правда, связь между идеологией и самосознанием ее непосредственных творцов и носителей чаще всего не бывает явной и прямой. Вырастая из определенной социальной группы, идеология народничества обращалась ко всему обществу, убеждая его через своих теоретиков и пропагандистов в том, что она выражает общенародные интересы. На самом деле идеологи народничества интерпретировали интересы народа с точки зрения достаточно узкой группы народнической интеллигенции.

Социальную базу легального народничества изначально составляли профессиональные писатели, ученые и общественные деятели, как правило, дворянского происхождения. Из этой среды вышли почти все его главные теоретики и популяризаторы (Михайловский, Воронцов, Каблиц, Кривенко, Оболенский, Червинский, Южаков и т. д.). Большинство из них училось в высшей школе на врачей, юристов, технологов, и прочих специалистов, которые, по их представлениям, могли быть полезны народу. Правда, из-за увлечения общественной деятельностью до диплома дотянули единицы. Возможно, поэтому культуру мышления «кающегося дворянства» отличали излишний догматизм и вера в существование абстрактных истин, не подтвержденных опытным путем.

В 80-е гг. XIX в. лагерь легального народничества пополнили разночинцы. В условиях правительственной реакции многие участники ре-

волюционно-народнического движения перешли к легальным формам работы, став в ряды трудовой провинциальной интеллигенции¹⁸. Поскольку легальное народничество ориентировалось преимущественно на земскую интеллигенцию (учителей, врачей, агрономов, статистиков), то можно сказать, что оно представляло зрелую часть образованного общества. В 1880-е гг., имея за плечами определенный жизненный опыт, интеллигенция предъявляла к своим «умственным вождям» более высокие требования, нежели радикальная студенческая молодежь предшествующего десятилетия. Вот почему пересматривать «устаревшие» положения народнической доктрины (пришедшие в противоречие с новыми общественными условиями, в которых оказалась демократическая интеллигенция) пришлось как раз теоретикам легального народничества.

Функциональное назначение идеологии народников-реформистов (как и любой другой) было многообразно. Самая главная ее функция – целеполагающая: постановка перед демократической интеллигенцией целей, задач и программ, направленных на постепенное изменение существующего в России общественного строя в духе народнического учения о демократии и социализме. Этой же цели служили теории социального прогресса, «мертворожденности» капитализма, «народного производства», «малых дел» и другие, разработанные непосредственно теоретиками легального народничества.

Вторая функция идеологии социальной группы – ориентационная. Она заключалась в создании общей картины, или модели мира (как некой вымышленной и в то же время коллективно признаваемой реальности), сквозь призму которой народническая интеллигенция определяла свое место в истории и свои особые групповые интересы. Для большинства легальных народников эти интересы ограничивались сферой их убеждений, так как, будучи идеалистами, они действовали по сугубо идеологическим соображениям.

Третья функция – идентификационная. Она отражала очень важную для маргинальной интеллигенции потребность найти свое место в жизни и осуществлялась посредством ее самоидентификации через народ. (Все народники видели смысл существования интеллигенции в качестве отдельной силы в необходимости защиты интересов народа, естественно, рассчитывая на поддержку с его стороны). Без этой, хотя бы и мнимой, опоры интеллигенция никогда не смогла бы почувствовать себя самостоятельным субъектом исторического действия.

Далее следует мобилизационная функция идеологии: сплочение и активизация – в данном случае сторонников эволюционного пути к социализму для решения определенных задач (от публичной критики правительства в периодических изданиях до организации нового «хождения в народ»). Без этого невозможно было существование

общественно-политического движения, каковым являлось легальное народничество.

Еще одна важная функция народнической идеологии – защитная. Для народников-реформистов – это необходимость эффективного противодействия другим (родственным или враждебным) идеологиям.

Все общественные программы народников-реформистов в конечном итоге были направлены на решение важнейших общенациональных задач (преодоление вековой отсталости России, устранение противоречий «царской» модернизации, улучшение положения народа). Иначе легальные народники никогда не получили бы широкой общественной поддержки. Поэтому мы можем добавить к упомянутым выше функциям народнической идеологии еще и функцию интеграции российского общества (преодоление многовекового раскола между народом, передовым обществом и властью).

Итак, перечисляя функции идеологии легального народничества, мы могли еще раз убедиться в том, что ее возникновение было обусловлено не только потребностью в модернизации российского общества. Это была общая задача передовой интеллигенции. Однако по ходу разработки своих доктрин общественных преобразований каждая интеллигентская фракция решала и много других задач, более конкретных и практически достижимых. Самой важной такой задачей, на наш взгляд, была консолидация сторонников тех или иных программ в самостоятельные общественные группы. Без ее решения (с помощью создания своей идеологии) легальное народничество попросту не имело бы своей идейной истории.

Рассмотрим теоретические основы идеологии легально-народнической интеллигенции. Ее ядро, по общему мнению исследователей, составляет учение А. И. Герцена о русском социализме как теоретической санкции особого (некапиталистического) пути развития России. Поскольку содержание этого учения достаточно подробно описано в литературе, мы только обозначим его исходные положения и наиболее важные «прибавки», сделанные идеологами легального народничества.

Что такое социализм для народников? Это «царство высшей культуры», вершина в развитии человечества. Это такой общественный строй, при котором не будет частной собственности, эксплуатации человека человеком, социального неравенства и нищеты. То есть в середине XIX в. идеальное устройство общества мыслилось русской интеллигенции как прямая противоположность европейскому капитализму эпохи первоначального накопления со всеми его катаклизмами, так талантливо описанными К. Марксом. Однако, в отличие от капитализма, развивающегося по естественным экономическим законам, социализм являлся умозрительной схемой, созданной человеческим разумом, возмнившим себя творцом истории¹⁹.

Тезис о необходимости и возможности вмешательства людей в ход исторического процесса стал основополагающим и для легальных народников. Его обоснованию служил целый ряд социологических и экономических теорий, среди которых выделяются теория типов и степеней развития Михайловского, антикапиталистическая теория Воронцова и Даниельсона и, конечно же, знаменитое народническое учение о роли субъективного фактора в истории. Заметный вклад в его развитие внесли Михайловский и Южаков. Кроме того, с конца 1870-х гг. в народнической социологии складывается психологический подход к пониманию закономерностей общественной эволюции, главными представителями которого были Каблиц и Воронцов²⁰.

Залогом жизнеспособности своего учения о социализме основоположники народничества считали его укорененность в сознании и быту русского общинного крестьянства. Однако уже в 70-е гг. XIX в. вера интеллигенции в социалистические инстинкты мужика была поставлена под сомнение полной неудачей социалистической пропаганды в деревне. Ответом легальных народников на разочарование интеллигенции в народе стала концепция развития народных форм производства (общины, артели, кустарных промыслов) как альтернативы капиталистическим формам хозяйствования.

Наиболее уязвимым местом народнического учения о возможности сокращенного пути к социализму оказался тезис о народе как движущей силе этого процесса. Практика народнического движения 1860–1870-х гг. свидетельствовала, что если мужик и станет «человеком будущего», то только с помощью новой (общественной) интеллигенции. Народническая идеология явилась первой теоретически обоснованной формой выражения самосознания этой интеллигенции. Над разработкой проблем ее происхождения, положения в обществе и практических задач работали все теоретики легального народничества. Итогом их совместных усилий стало оригинальное учение об особой исторической миссии демократической интеллигенции.

Идеология легального народничества конкретизировалась в доктрине общественного преобразования страны. Как и любую общественно-политическую доктрину, ее можно охарактеризовать по трем ключевым параметрам. Это ее идейно-целевая направленность, стратегия достижения целей и движущие силы общественного переустройства.

Легальные народники ориентировались в своей деятельности на идеалы народнической демократии и социализма. Как и их предшественники, высшей ценностью они считали служение благу народа, под которым понимались все трудящиеся классы общества, не эксплуатирующие чужой труд (крестьянство, работники, трудовая интеллигенция)²¹. Однако во главу угла общественного прогресса народники-реформисты ставили не

интересы коллектива (народа, общества), а личность, ее свободу и возможность всестороннего развития. По их убеждению, путь к подлинной демократии и социализму лежал не через насилие коллектива над личностью, а через ее всестороннее умственное и нравственное развитие. Дело в том, что высшей ступенью совершенства человека народники считали альтруизм и чувство солидарности. При ее достижении каждый человек сам (т. е. добровольно) увидит в беззаветной преданности обществу не последнюю, а первую необходимость. Только начинать такое воспитание надо было с детства, приучая молодое поколение к совместному физическому труду²².

Отказ от признания насилия (борьбы классов) в качестве главной движущей силы социального прогресса заставил теоретиков легального народничества разработать собственную стратегию построения социалистического общества. Ее главная идея – у России нет прямого²³ пути к идеальному общественному устройству, который можно было бы преодолеть одним рывком в течение нескольких лет. Ни народ, ни общество, ни тем более власть не были готовы к подобным переменам. Поэтому путь к русскому социализму лежал через демократию, создание гражданского (бессловного) общества и правового государства.

Окончательные свои очертания легально-народническая стратегия общественных преобразований приобрела в трудах Воронцова и Кривенко в первой половине 1890-х гг. Но ее формирование началось гораздо раньше, примерно с конца 1860-х гг.

Базовый принцип данной стратегии можно определить как постепенное и в то же время непрерывно-поступательное развитие общества. Его социологическим обоснованием стала теория эволюционизма, впервые четко сформулированная в трудах Л. Е. Оболенского в начале 1880-х гг. Опираясь на Г. Спенсера, Оболенский доказывал необходимость органического роста и развития общества, для которого вредна всякая насильственная ломка, будь то скачок вперед или скачок назад. Для этого «динамическое» развитие общества по пути прогресса должно было опираться на прочную «статическую почву», создаваемую каждодневным будничным трудом всего общества²⁴. Правда, некоторые легальные народники все же допускали «скачки постепенности» в виде мирного перерастания количественных изменений в качественные, например «малых дел» в «большие дела»²⁵.

Социально-экономическим обоснованием эволюционного пути развития общества явилась известная народническая теория об отсутствии в России предпосылок для капиталистического развития. В соответствии с этой теорией у радикальной интеллигенции больше не было необходимости бить в набат и собирать силы для борьбы с «огнем экономического прогресса», как это делал

П. Н. Ткачев в середине 1870-х гг. Неслучайно в следующем десятилетии в народнической публицистике споры о судьбе капитализма уступили место вопросу о практических мерах для поднятия «народного производства».

Политическим обоснованием новой стратегии общественных преобразований стала теория надклассового характера самодержавия, которое стремилось балансировать между интересами различных сословий во имя сохранения целостности государства и безопасности всего общества. Легальные народники, естественно, надеялись склонить власть к защите интересов народа (как они их понимали), т. е. попытаться убедить ее в пагубности для крестьянства развития капитализма. Поддержка власти была необходима народникам не только для усиления своих позиций. В пореформенной России власть являлась единственной силой, которая могла осуществить назревшие в стране демократические преобразования мирным путем.

И все же главным доводом в пользу развития страны по пути мирного прогресса служило реальное соотношение сил сторонников и противников коренных общественных преобразований. Отсутствие у демократической интеллигенции возможностей для силового воздействия на власть неизбежно направляло ее взоры в сторону постепенного «усиления» общества путем развития его самосознания и самостоятельности. Но как только с началом царствования Николая II наметился новый общественный подъем, новое поколение народников вновь обратило свои взоры к идее революции.

Вопрос о движущих силах общественных преобразований стал важной составной частью общественно-политической доктрины легальных народников²⁶. Подход к его решению основывался на идее взаимодействия представителей власти и общества, заинтересованных в мирном разрешении проблемы демократизации страны. Роль инициатора и посредника в организации такого взаимодействия отводилась передовой интеллигенции. В то же время решающим фактором трансформации общественных отношений легальные народники 1880–1890-х гг. по-прежнему считали рост политической культуры и самостоятельности основного населения страны (споры касались места и значения в развитии этого процесса радикальной политической реформы). Без превращения народа в активную и сознательную силу, субъекта истории ни о какой демократии и гражданском обществе в России не могло быть и речи²⁷.

Ближайшей своей задачей большинство легальных народников видело общий подъем благосостояния и культуры народа как важнейшее условие для радикального преобразования экономического и политического строя страны. Это была их программа минимум, рассчитанная не на один десяток лет и требующая согласованных действий

всего общества – и прежде всего самих народников-реформистов. Однако выработать общий подход к практической реализации этой программы им так и не удалось. Тактические разногласия между правым и левым крылом легального народничества оказались непреодолимыми, что и привело его сначала к общему идейному кризису, а потом и к распаду движения.

Наличие в легальном народничестве острых идейно-тактических разногласий, оказавших влияние на весь ход развития народнической мысли, заставляет нас обратить самое пристальное внимание на их характер и причины. Решению этой задачи служит типология течений легального народничества.

Большинство современных исследователей придерживается биполярной типологии легального народничества, которая выделяет в нем правое и левое крыло (безо всяких промежуточных звеньев).

Правые народники, во главе которых стоял И. И. Каблиц, придерживались принципа «все для народа и только через народ». По их убеждению, настоящие демократы должны были сосредоточить свои усилия на решении социальных вопросов русской жизни. Эта народническая фракция, группировавшаяся вокруг газеты «Неделя» и журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского, надеялась поднять умственный и нравственный уровень простого народа с помощью «малых дел» и развития местного самоуправления²⁸.

Левое крыло было представлено сторонниками политической демократизации страны. Его неизменный лидер Н. К. Михайловский всю свою жизнь был убежденным противником самодержавия. В 1870-е гг. он прошел быструю эволюцию от аполитизма к признанию первоочередного значения для дальнейшего преобразования страны предоставления обществу широких политических свобод. Народники-политики, в основном сотрудничавшие в журнале «Отечественные записки», а после его закрытия – в «Северном вестнике», довольно скептически относились к народу как творцу новых социальных отношений. Руководящую роль в общественном развитии России они отводили русской интеллигенции как самой передовой умственной силе страны, «мозгу нации» и «совести народа»²⁹. Поэтому их формулу действий можно определить так: все для народа, но посредством интеллигенции.

Ясно, что речь идет о двух противоположных вариантах демократического преобразования России. Одни народники ставили на первое место социальные реформы, другие – политические. Соответственно этому делению решался и вопрос о роли в истории народа и интеллигенции.

Разделение народников-реформистов на более умеренных и более радикальных его представителей имеет давнюю традицию. Прежде всего, так делали сами народники и их идейные противники начиная с А. Н. Пыпина. Только

названия для народнических фракций придумывались разные: «народники-славянофилы» и «народники-западники», «мистики» и «практики», «консерваторы» и «прогрессисты», «чистое народничество» и «критическое». В марксистской историографии закрепилось деление идеологов легального народничества на «культурников» (сторонников «культурной работы» в массах) и «политиков», которое сохранилось и до наших дней. Но суть дела от этого не менялась. История легального народничества представлялась как противоборство его правого и левого флангов. При этом «справа» всегда оказывались П. П. Червинский, И. И. Каблиц-Юзов, В. П. Воронцов, В. С. Пругавин, Я. В. Абрамов, С. Н. Кривенко, а «слева» – Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский, С. Н. Южаков, В. Г. Короленко, В. В. Лесевич.

Причины, по которым историки до сих пор выделяют в легальном народничестве именно два полюса притяжения, достаточно серьезные. Строго говоря, существует два основных подхода к преобразованию общества – социальный и политический. Сторонники первого из них делают ставку на демократизм, аполитизм, необходимость активности и самостоятельности масс, вторые – на элитаризм, политизм, активную роль личности (образованного меньшинства). Возможны и промежуточные концепции, например социально-политические или политико-социальные. Однако все попытки объединить социальные и политические аспекты революций (реформ) заранее обречены на провал, так как противоречия между ними неразрешимы в принципе и они могут образовывать лишь метафизическое единство³⁰.

Еще одна важная причина сохранения bipolarной типологии правого народничества заключается в том, что в исторической литературе изучены взгляды только главных его идеологов (Н. К. Михайловского, И. И. Каблиц, В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, С. Н. Кривенко, Я. В. Абрамова и П. П. Червинского), и то далеко не в полном объеме. Практически отсутствуют специальные исследования политических биографий и общественных воззрений таких видных теоретиков легального народничества, как Л. Е. Оболенский, А. С. и В. С. Пругавины, С. Н. Южаков, М. А. Протопопов, зафиксировавших и отобразивших в своем творчестве процесс самоопределения народнической интеллигенции. Все это позволяет предположить, что представление историков о многообразии идейно-тактических направлений этой ветви народничества будет расширяться вместе с заполнением указанного пробела.

Принципиальным недостатком общепринятой классификации течений легально-народнической мысли является то, что она изначально акцентирует внимание исследователей на внутренних разногласиях между идеологами «малых дел» и сторонниками политических реформ, оставляя в тени то, что их сближало. Это, в свою очередь, вынуждает историков судить о

легальном народничестве по его крайним представителям – Каблицу-Юзову и Михайловскому. А идеологи, стремившиеся преодолеть крайности «чистокровных» народников и их антиподов – образно говоря, смешать черные и белые цвета, – остаются в тени как нечто серое и неоригинальное. Их взгляды, как правило, оцениваются по статьям Михайловского, возведенного историками в ранг «апостола истины и справедливости», хотя на самом деле отстаиваемый им механизм общественных преобразований не менее уязвим для критики, чем тот, что предлагали другие теоретики народнического реформизма.

Мы уже ставили вопрос о существовании в легальном народничестве не только правого и левого флангов, но и центра в лице В. П. Воронцова и С. Н. Кривенко³¹.

Формирование тактической линии народников-центристов начинается на рубеже 1870–1880-х гг. В это время Кривенко организует первый артельный народнический журнал «Русское богатство», в котором «политики» объединились с «деревенщиками». Самая же значительная веха в истории среднего течения народнической мысли³² относится уже к первой половине 1890-х гг., когда Воронцов и Кривенко попытались реформировать легальное народничество на началах теории «органической культурной работы». Однако примирить сторонников «малых дел» и политических радикалов во втором «Русском богатстве» им уже не удалось, главным образом из-за резкого противодействия Михайловского.

В дореволюционной литературе центристское течение в легальном народничестве получило название «практическое», или «созидательное» народничество, что отражало его стремление к созданию материальных и духовных предпосылок для будущего культурно-исторического подъема страны³³. Современные историки также находят, что Воронцов и Кривенко понимали культурно-просветительскую миссию русской интеллигенции гораздо шире, чем публицисты «Недели»³⁴. И все же в исторической литературе по-прежнему господствует концепция, согласно которой идейная позиция этих бывших сотрудников «Отечественных записок» эволюционировала «слева направо» пока на рубеже 1880–1890-х гг. они окончательно не встали в ряды правого крыла легального народничества. Данному подходу во многом способствует полное отождествление исследователями «культурничества» с теорией «малых дел», что явно не соответствует действительности. (Одним из первых на это обратил внимание В. И. Харламов³⁵).

Есть и еще одна, чисто методологическая проблема, которая препятствует объективному изучению расстановки сил в легально-народническом лагере. Это убеждение большинства исследователей в существовании только одной истины и, соответственно, только одного «правильного» решения того или иного общественного вопроса

или исторической задачи. Отсюда ориентация исторических исследований на поиск теоретиков, сумевших приблизиться к единственно правильной постановке проблемы. В легально-народническом лагере на роль такого «апостола истины» традиционно предлагается Н. К. Михайловский как «истинный демократ», который якобы никогда не смыкался ни с «оппортунистами-культурниками» (идеологами «либерального» народничества), ни с крайними фракциями революционных народников³⁶.

На наш взгляд, деление народников-реформистов на «правых» и «неправых» разрушает диалектику развития народнического дискурса³⁷. В лучшем случае исследователи видят в нем «тезис» и «антитезис», которые время от времени меняются местами, создавая замкнутый цикл развития легально-народнической мысли, движение ее по кругу³⁸. А как же «синтез», который, собственно, и обеспечивает «рывок» вперед? Наличие в легальном народничестве среднего течения как раз и есть отражение устойчивой тенденции к примирению его крайних позиций, к их синтезу и рождению новых идей и подходов.

Вместо биполярной типологии правого народничества мы предлагаем трехполярную, которая позволяет:

во-первых, по-новому взглянуть на ход его истории, который можно интерпретировать как результат взаимодействия двух противоположных тенденций – центробежной, т. е. ведущей к распаду народничества, и центростремительной, пытающейся помешать развитию этого процесса;

во-вторых, констатировать наличие в народническом дискурсе двух способов разрешения противоречий (первый из них – абсолютизация одной из крайностей, второй путь – их взаимопроникновение и синтез нового знания);

в-третьих, поставить вопрос о необходимости разработки диалектической модели эволюции легально-народнической мысли – на наш взгляд, ее развитие шло от дифференциации идейных течений (ведущая тенденция 1870-х гг.) к попыткам их интеграции (определяющая тенденция второй половины 1880-х – середины 1890-х гг.).

До сих пор многие историки объясняют эволюцию легального народничества причинами преимущественно внешнего характера (развитие капитализма, расслоение крестьянства, изменения во внутренней политике правительства и т. п.). Разумеется, их нельзя сбрасывать со счетов, однако не стоит забывать и о другом. Анализ новейшей литературы о радикальной русской интеллигенции убеждает в том, что двигательной пружиной ее истории (от «рождения» и до «смерти») стало развитие ее собственной мысли, влияние на которое реальной политической и социальной обстановки носило опосредованный характер. Вероятно, и в кризисе легального народничества середины 1890-х гг. основную роль сыграли тактические разногласия между сторонниками и противниками

идеи практического сближения интеллигенции с народом (т. е. нового «хождения в народ», но уже без веры в быстрое политическое перевоспитание крестьянства).

Итак, термин «легальное народничество» был введен в употребление Г. В. Плехановым в самом начале 1880-х гг., чтобы показать различия в средствах и методах деятельности между социалистами-революционерами и социальными реформаторами. О необходимости «легальной» работы тогда же писали и сами народники. Причем под мирной деятельностью на пользу народа подразумевалась не только пропаганда народнических идей в легальной печати, но и практическая деятельность культурно-просветительского и политического характера.

По своему содержанию «легальное народничество» – это, прежде всего, идеология общественных преобразований, основанная на доктрине эволюционного социализма. Решающее влияние на формирование и развитие данного варианта народнического учения о самобытной (некапиталистической) модернизации России оказали представления народников-реформистов о задачах, движущих силах и механизме социального прогресса. При этом все важнейшие проблемы русской жизни (капитализма, народа, власти и т. д.) разрабатывались сквозь призму их особого (общественного или наднационального) типа сознания, представляющего собой причудливый симбиоз элементов религиозно-авторитарного и рационалистического мировоззрения пореформенной демократической интеллигенции.

Примечания

- 1 См.: *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. М., 1997; *Мокшин Г. Н.* Русское легальное народничество 60–90-х годов XIX века. Очерки истории и историографии. Воронеж, 2005.
- 2 *Л. О.* [Оболенский Л. Е.] Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Мысль. 1880. № 9. С. 89, 94.
- 3 См.: *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. По личным воспоминаниям. 2-е изд. Пгр., 1924. С. 308; *Дейч Л.* 16 лет в Сибири. СПб., 1906. С. 237; *Ковалик С. Ф.* Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. С. 65.
- 4 См.: *Лавров П. Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы : в 8 т. М., 1934–1935. Т. 2. С. 36–39.
- 5 См.: *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939. С. 247, 251, 328.
- 6 В этом значении термин «легальное народничество» употребляется в англо-американской историографии. См., напр.: *Mendel A.* Dilemmas of progress in Tsarist Russia. Legal Marxism and Legal Populism. Massachusetts, 1961. P. 265; *Naimark N.* Terrorists and Social Democrats. The Russian Revolutionary Movement Under Alexan-

- der III. Cambridge, 1983. P. 4, 28, 214–215 ; *Биллингтон Д. Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 510.
- 7 См.: *Н. Н. [Оболенский Л. Е.]* Беллетристика в журналах 1880 г. // Мысль. 1880. № 11. С. 78–79.
- 8 См.: *В-н А. [Пытин А. Н.]* Народники и народ // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 672–674 ; *Тихомиров Л.* Что такое народничество // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 920 ; *Бердяев Н.* Народническое и национальное сознание // Русская мысль. 1917. № 7–8. С. 94.
- 9 См.: *Яковлев М. В.* Идеология. М., 1979. С. 20 ; *Ильин В. В.* Идеология // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. М., 2005. С. 170.
- 10 См.: *Троицкий Н. А.* Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 69.
- 11 См., напр.: *Хорос В. Г.* Народничество // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 397.
- 12 См.: *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 364.
- 13 См.: *Балуев Б. П.* Указ. соч. С. 259.
- 14 В литературе первое поколение народников обычно идентифицируется с революционерами конца 1860-х – начала 1880-х гг., а второе – с легальными народниками 1880–1890-х гг. См.: *Кузьминов Я. И.* Предисловие к разделу «Народники» // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избр. произведения. М., 1994. С. 10–11 ; *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России : 1805–1905. М., 2008. С. 289.
- 15 См.: *А. Б. [Богданович А. И.]* Критические заметки // Мир божий. 1898. № 3. С. 6.
- 16 Подробнее см.: *Элбакян Е. С.* Религиозная идея в сознании народников // Кентавр. 1995. № 3.
- 17 См.: *Зверев В. В.* Народничество // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энциклопедический словарь. М., 2001. С. 229.
- 18 См.: *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 101.
- 19 Подробнее см.: *Баталов Э.* Социалистическая перспектива и утопическое сознание // Коммунист. 1988. № 3. С. 78–82.
- 20 См.: Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 188.
- 21 Одним из первых такое определение народа предложил Н. К. Михайловский. См.: *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 1. Стб. 828.
- 22 См.: *Кривенко С. Н.* Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 231, 256, 266.
- 23 Имеется в виду непосредственный переход к социализму из крестьянской общины.
- 24 См.: *Н. Н. [Оболенский Л. Е.]* Возможно ли работать только для прогресса // Мысль. 1880. № 12. С. 244–245 ; *Ред. [Оболенский Л. Е.]* Первое марта 1881 года. Куда идти теперь? // Мысль. 1881. № 3. С. 419.
- 25 См.: *Абрамов Я.* Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. № 7. С. 224, 227.
- 26 Об этом, в частности, свидетельствует огромное количество публикаций в легальной народнической печати по вопросу о роли в общественной жизни страны интеллигенции и народа.
- 27 Наиболее подробное обоснование этот тезис получил в трудах В. П. Воронцова. См.: *В. В. [Воронцов В. П.]* Наши направления. СПб., 1892. С. 66, 71, 95, 98–99, 111.
- 28 См.: *Каблиц И. И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 41–42, 107, 128, 145 ; *[Оболенский Л. Е.]* Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 173 ; *Абрамов Я.* Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. Стб. 501.
- 29 См.: *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 705, 730 ; Т. 5. Стб. 537–546 ; Т. 6. Стб. 393–394 ; *Южаков С. Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 12. С. 106–107 ; *Николай-он [Даниельсон Н. Ф.]* Теория трудовой стоимости и некоторые из ее критиков // Русское богатство. 1902. № 2. С. 47–51.
- 30 См.: *Блюм Р. Н.* Некоторые методологические вопросы изучения революционной мысли // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 599. Тарту, 1982. С. 82, 84, 89.
- 31 См., напр.: *Мокшин Г. Н.* Проблема типологии идейно-тактических направлений в легальном народничестве // Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени : сб. ст. Воронеж, 2005.
- 32 Термин принадлежит В. П. Воронцову. См. его «Попытки обоснования народничества» (Русское богатство. 1892. № 2).
- 33 См.: *В-н А. [Пытин А. Н.]* Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 709–710, 745–746 ; *Слобожанин М.* Из истории созидательного народничества. Черты из журнальной деятельности С. Н. Кривенко // Жизнь для всех. 1910. № 7, 8–9, 11.
- 34 См.: *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 202 ; *Жванция Д. Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 103 ; *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй пол. XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 42–43 ; и др.
- 35 См.: *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 110.
- 36 Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* К вопросу о «культе» Н. К. Михайловского в новейшей историографии русского легального народничества // Россия: история, наука, культура. М., 2003.
- 37 Народнический дискурс – способ ведения народниками дискуссии о путях и средствах осуществления идеалов русского социализма.
- 38 Видимо, по этой причине многие историки не могут обнаружить *поступательного* развития легально-народнической мысли в 1880–1890-е гг. и по-прежнему считают их временем общего кризиса народничества.

УДК 94 (47)

ИДЕОЛОГИЯ НЕОНАРОДНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ПРОГРАММНО-ТАКТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ ЭСЕРОВ И ЭНЕСОВ

В. В. Назаров

Саратовский государственный университет,
Балашовский институт (филиал)
E-mail: nvv1975RSB@mail.ru

В статье рассматриваются программно-тактические разногласия, возникшие между партией социалистов-революционеров (ПСР) и партией народных социалистов по вопросам развития аграрного сектора, во взглядах на социальное и политическое устройство российского общества, их отношение к политическому террору. Основной вывод статьи сводится к тому, что программно-тактические разногласия неонародников не позволили им сформировать единой идеологии. Противоречия оказались столь глубокими, что привели к окончательному размежеванию двух близких друг другу партий по многим вопросам и переходу энесов фактически в лагерь либеральных политических сил.

Ключевые слова: идеология, неонародничество, политические партии, социалисты-революционеры, народные социалисты, социализация, политический террор.

The Ideology of Neo-populist Parties: Disagreements in Policy and Tactics between Socialist-Revolutionaries and National Socialists

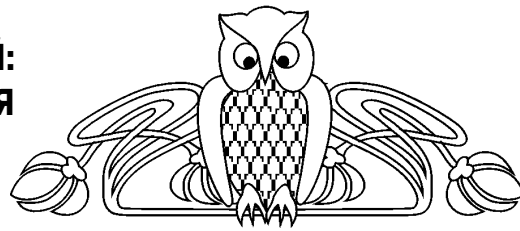
V. V. Nazarov

In this article we study disagreements in policy and tactics that arose between the parties of Socialist-Revolutionaries and National socialists. These disagreements involved the development problems of agrarian sector, some differences in understanding of social and political structure of Russian society and the attitude to political terror. The major conclusion of the article is the following: disagreements in policy and tactics of neo-populists prevented them from formulating common ideology. The conflict appeared to be so deep that in many aspects it led to the separation of two close parties and resulted in actual conversion of National socialists to liberal political forces.

Key words: ideology, neo-populism, political parties, socialist-revolutionaries, national socialists, socialization, political terror.

Неонародничество представляет собой комплекс политических, социологических и мировоззренческих представлений преимущественно представителей интеллигенции, сложившийся на рубеже XIX–XX вв. на основе политических концепций А. И. Герцена, Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова¹. Как идейное движение оно возникло на фоне внутреннего кризиса народничества, оформившись в качестве программ политических партий (эсеров, энесов, трудовиков, эсеров-максималистов и др.)².

Проблемы идеологии неонароднических партий нашли отражение в целом ряде работ отечественных и зарубежных историков³. Однако по-прежнему остается не до конца изученным

вопрос об идейных расхождениях внутри неонародничества, глубине политического размежевания между политическими партиями, последствиях идейных разногласий для развития политического процесса в России в начале XX века. В предлагаемой читателю статье речь идет о программно-тактических разногласиях между эсерами и энесами.

Партия социалистов-революционеров занимала одно из ведущих мест в партийной системе России начала XX века. Она была наиболее многочисленной и самой влиятельной неонароднической партией. Вершинами политической активности партии стали 1905–1907 и 1917 годы. В короткий срок после Февральской революции эсеры превратились в крупнейшую политическую силу, их численность достигла миллиона. Социалисты-революционеры заняли лидирующее положение в органах местного самоуправления и большинстве общественных организаций, одержали победу на выборах в Учредительное собрание. Представителям партии принадлежал ряд ключевых постов в правительстве. Весьма популярными в обществе были эсеровские идеи демократического социализма и мирного перехода к нему. Ведущими идеологами партии являлись В. М. Чернов, М. Р. Гоц, Н. Д. Авксентьев⁴.

Эсеры являлись последователями народничества 70-х гг. XIX в., считавшими возможным переход России к социализму некапиталистическим путем. Однако в народническую доктрину об особом пути России к социализму они внесли существенные коррективы, обусловленные изменениями, произошедшими как в России, так и в мировом социалистическом движении к началу XX века.

Важнейшим условием социализма эсеры считали политическую свободу и демократию. В программе партии говорилось об установлении демократической республики, гарантированности прав человека и гражданина: свободы совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища, всеобщего и равного избирательного права для всех граждан, достигших двадцатилетнего возраста, без различия пола, религиозной и национальной принадлежности, прямой системы выборов с закрытой подачей голосов. Эсеры предлагали широкую автономию для регионов страны, применение федеративных отношений между отдельными национальными регионами при признании за ними права на самоопределение. Социалисты-революци-

онеры выдвинули требование федеративного устройства Российского государства⁵.

Классовая принадлежность, в соответствии с эсеровскими представлениями, определялась не отношением к собственности, а источником дохода. Для одних классов таким источником служила эксплуатация чужого труда, для других – их собственный труд. К последним относились пролетариат, трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция.

Крестьянство являлось предметом особого внимания эсеровских идеологов. Именно поэтому важное место в программных документах партии социалистов-революционеров занимал аграрный вопрос. Он нашел отражение в программе партии, в многочисленных резолюциях, обращениях. Большой вклад в разработку аграрной программы эсеров внес В. М. Чернов⁶.

Как справедливо заметил М. И. Леонов, аграрная программа эсеров «была результатом интеллектуального поиска нескольких поколений»⁷. Она предполагала превращение земли в общенародное достояние при ликвидации частной собственности на нее, конфискацию помещичьего землевладения, передачу земли органам самоуправления (демократически организованным общинам и союзам общин), уравнильно-трудовое пользование ею на основе приложения собственного труда. Полезные ископаемые предполагалось оставить в ведении государства⁸.

Аграрная программа эсеров, в которой сохранилось основополагающее положение о социализации земли, впервые была представлена в написанном К. Р. Кочаровским с последующей редакционной правкой В. М. Чернова обращении «От Крестьянского союза партии социалистов-революционеров ко всем работникам революционного социализма в России», опубликованном в партийной газете «Революционная Россия» 25 июня 1902 г. «Для крестьянства мы в первую очередь ставим социализацию земли, – отмечалось в обращении, – т. е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся, а во-вторых, развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала и для приготовления грядущего коллективного земледельческого производства»⁹. В проектах партийной программы 1903 и 1904 г. она подверглась дальнейшей доработке, а затем в 1905 г. была принята на первом съезде партии. Аграрные законопроекты эсеры вносили на обсуждение I и II Государственной думой.

Необходимо отметить, что некоторые члены партии не видели принципиальной разницы между социализацией и национализацией земли. Так, например, в программе 1903 г. употребляется термин «национализация»¹⁰, а в программе 1904 г. – «социализация»¹¹. В дальнейшем именно последний термин получил наибольшее распространение в эсеровских документах и публицистике и

означал «изъятие чего-либо из-под власти частной собственности и передачу в общественные руки». «Социализация земли есть такая форма поземельных отношений, которая предполагает уничтожение частной собственности на землю», – отмечал В. М. Чернов¹².

Социализация земли являлась главной составной частью эсеровского социализма, разработанного В. М. Черновым. Его учение стало синтезом народнической концепции рубежа XIX–XX вв., идеалов российского крестьянства и достижений западноевропейской социалистической мысли. Социализация, по его мнению, была универсальным средством, которое должно было помешать развитию в деревне капиталистических отношений и гарантировать защиту интересов трудящихся, так как землей должна была распоряжаться не центральная власть, а органы местного самоуправления – общины и территориальные союзы общин.

Существенным признаком социализации земли являлось установление общенародных, или общегражданских прав на землю. Так, В. М. Чернов утверждал, что «каждый член народа, населения, каждый гражданин является <...> не пассивным объектом воздействия поземельной политики государства, а управомоченным, т. е. лицом, право которого соответственно закреплено гражданским строем страны, ее конституцией»¹³.

Важнейшим принципом социализации земли была децентрализация права на землю, при которой сам народ обладает правом трудового пользования землей. Понятие «общественное владение» в проекте программы от 1904 г. на первом съезде партии эсеров, проходившем в декабре 1905 – январе 1906 г., было заменено на положение, согласно которому земля обращается в общенародное достояние и переходит в «руки демократических, т. е. бессловесных общин и других территориальных, общественно-правовых союзов»¹⁴. «Социализация земли есть первейший шаг на пути к трудовому государству», – подчеркивал В. М. Чернов¹⁵.

Другим важным принципом социализации земли было уравнильное землепользование. В проекте программы 1904 г. еще ничего не говорилось о нормах владения землей, но уже на первом съезде партии эсеров было принято положение о минимальной «потребительской» норме, предусматривавшей предоставление в пользование одной семье такого количества земли, которое обеспечивало бы прожиточный минимум, и «трудовой» норме, которая означала такое количество земли, которое мог обработать трудящийся, не прибегая к найму рабочей силы.

Социалисты-революционеры рассматривали поземельную крестьянскую общину как форму трудовой кооперации, как сочетание двух различных прав – права на труд, обеспечиваемого общиной путем предоставления каждому своему члену, на равных условиях с другими, участка

земли, и права труда, раз вложенного в землю и не отделимого от нее, слившегося с землей в процессе улучшения почвы.

Эсеры также отмечали, что должно быть установлено право на пользование землей, предоставлены гарантии землевладельцу, что плоды его труда до тех пор будут обеспечены за ним, пока он в состоянии будет трудиться на этой земле. По убеждению эсеров, никому не может быть предоставлено юридическое право на пользование землей без обязательства обрабатывать ее лично. Чернов подчеркивал, что почва должна служить средством эксплуатации природы, но никак не эксплуатации человека человеком¹⁶.

Эсеровская программа социализации земли представляла собой оригинальную концепцию решения аграрного вопроса в России. Она была привлекательна и популярна широким массам. О ее популярности свидетельствует тот факт, что в 1906 г. эсеровский законопроект в Государственной думе собрал 33 подписи крестьянских депутатов, а в 1907 г. – 104, в основном от черноземных губерний¹⁷. Ю. П. Суслов справедливо заметил: «Демократизм эсеровской программы заключался в том, что она правильно отразила стремление крестьянской демократии к полному уничтожению остатков крепостничества, к ликвидации помещичьего землевладения»¹⁸.

В дальнейшем крестьянство России поддержало именно эсеровскую программу социализации земли. Большевики после захвата власти в стране отказались от своей собственной аграрной программы и приняли на вооружение эсеровскую. Как известно, она легла в основу ленинского Декрета о земле.

В области тактики партийная программа эсеров ограничивалась положением о том, что борьба будет вестись «в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности». Арсенал тактических приемов, методов и средств борьбы партии эсеров был довольно разнообразным. Он включал в себя пропаганду и агитацию, парламентскую работу, формы внепарламентской борьбы (стачки, бойкот, вооруженные демонстрации, вооруженное восстание и др.). Эсеры широко применяли индивидуальный террор как средство политической борьбы.

С момента образования партии большинство эсеров считало террор приемлемой формой революционной борьбы. В июне 1902 г. в программной статье «Террористический элемент в нашей программе» В. М. Чернов подчеркивал, что «террор есть могучее средство агитации и пропаганды, и не менее важен как оружие, позволяющее дезорганизовать работу власти». Особое значение агитационному террору придавалось партией до начала Первой русской революции 1905–1907 гг., когда каждый террористический акт приковывал к себе всеобщее внимание и получал поддержку масс¹⁹.

В. М. Чернов и другие лидеры ПСР неоднократно подчеркивали вынужденность, неизбеж-

ность применения насилия, уверяя, что для них более приемлемы мирные средства борьбы. Эсеры, рассматривая террор как средство защиты от правительственных репрессий, всегда старались говорить о жестокости по отношению к широким слоям населения, ставя себя на второе место или не упоминая вообще.

Террор стал терять агитационное значение по мере спада революционных настроений. Многочисленные политические убийства обесценивали в глазах общества как человеческую жизнь, так и значение теракта. Террор был привлекателен для российского общества начала XX в., когда новые экономические отношения привели к заметным противоречиям, в том числе и на уровне массового сознания. Падение престижа партии, связанное со снижением эффективности террора, началось с 1907 г., особенно после разоблачения провокационной деятельности Е. Ф. Азефа²⁰.

В числе неонароднических партий, наряду с эсерами, определенное место занимала Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, или энесы). Как отмечает исследователь истории партии энесов Н. Д. Ерофеев, она «не входила в число крупных и влиятельных российских политических партий начала XX в.»²¹. Однако при этом, несмотря на малочисленность, «энесам удалось провести во II Думу ряд депутатов и создать в ней свою фракцию из 16 членов и 3 депутатов, к ней тесно примыкавших. Представительство энесов в Думе было более внушительным в сравнении с численностью партии, чем представительство эсеров (65 депутатов, численность партии ок. 150 тыс.) или эсеров (37 депутатов, численность партии ок. 50–60 тыс.)»²².

Видными идеологами энесов являлись профессор и публицисты – А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, П. Ф. Якубович, – сплотившиеся вокруг журнала «Русское богатство» и принадлежавшие к «левому флангу» легального народничества²³.

С идеей создания легальной партии публицисты «Русского богатства» впервые выступили осенью 1905 г. Попытка создания такой партии была предпринята совместно с руководством партии эсеров. Подобная идея не выглядит странной. С одной стороны, с началом революции развернулось массовое общественное движение, с другой – последовали аресты членов боевой организации эсеров, в результате чего она практически вышла из политической борьбы. В то же время Манифест 17 октября открывал возможности легальной деятельности. Встал вопрос о создании открытой партии. Инициаторы ее создания обратились в ЦК ПСР с официальным предложением об образовании открытой, легальной, демократической партии того же направления что и эсеры, только с другим названием, поскольку ассоциации с эсеровским террором могли стать серьезным препятствием для дальнейшего развития партии. Вопрос обсуждался на I съезде ПСР в конце де-

кабря 1905 – начале января 1906 г. Не встретив поддержки со стороны делегатов съезда, группа «Русского богатства» покинула съезд и выступила инициатором создания самостоятельной партии. В итоге 14 июня 1906 г. состоялось учредительное собрание народно-социалистической партии²⁴. Поэтому, как справедливо заметила О. Л. Протасова, «не соответствует истине встречающееся в литературе утверждение, будто народные социалисты выделились из правого крыла партии эсеров. На самом деле они в нее никогда не входили»²⁵.

Партия впервые официально заявила о себе в сентябре 1906 г., когда вышел в свет первый, программный выпуск ее бюллетеня «Народно-социалистическое обозрение». Окончательно партия оформилась в ноябре 1906 года. К 1907 г. в ней числилось 56 местных организаций, в которых состояло в общей сложности не более 2–2,5 тыс. членов. В основном это были городская интеллигенция, земские служащие и незначительное число крестьян.

В основе политической доктрины Трудовой народно-социалистической партии, так же как и партии социалистов-революционеров, лежала идеология народнического социализма. Эволюция последнего к концу XIX в. привела к тому, что сформировавшееся в нем течение либерального народничества²⁶ поставило перед собой задачу синтеза социальной и либеральной идеи, причем сама постановка этой задачи была обусловлена, по мнению лидеров энесовской партии, как практическим, так и теоретическим опытом освободительного движения в России в предшествующие десятилетия. При этом позиция идеологов либерального народничества, сгруппировавшихся вокруг журнала «Русское богатство», возглавляемого с начала 1890-х гг. Н. К. Михайловским, сводилась к постановке перед российским обществом цели достижения гражданских и политических свобод.

Свою роль как оппозиционного самодержавию движения идеологи «Русского богатства» видели в том, чтобы путем просвещения и образования народных масс воспитывать в них неприятие общественного и государственного устройства России, призывать их к протесту и действиям по отстаиванию своих прав и свобод, а также оказывать воздействие непосредственно на власть с тем, чтобы она пришла к выводам о необходимости государственного преобразования.

Народ, в представлении энесов, выступал как совокупность всего трудящегося населения. Дистанцируясь от классового подхода, они были противниками термина «рабочий класс». Народные социалисты опирались одновременно на промышленный пролетариат, крестьянство и трудовую интеллигенцию, т. е. всех, кто добывал средства к существованию своим трудом, не прибегая к использованию наемной рабочей силы. Приоритет отдавался, естественно, трудовому

крестьянству. Энесы отрицали мелкобуржуазный характер крестьянства и не признавали факта его классового расслоения. Поскольку численность крестьянства значительно превосходила численность промышленного пролетариата, народные социалисты говорили об особой российской модели социализма и пути к нему²⁷.

Энесы особые надежды возлагали на «надлежащую государственную организацию», видя в государственно-правовой сфере единственно возможную область преобразований. Иными словами, переход общества к социализму энесы предполагали осуществить с помощью государства, в рамках правового поля. Со временем государство должно было стать подлинно демократическим, основанным на широком участии общества в политической жизни.

Идея государственности, убеждение в необходимости и важности государственных институтов в преобразовании общества отличали энесов от других российских социалистических партий (в первую очередь от эсеров) и в известной мере сближали их с кадетами. Переход к социализму, по их мнению, должен был осуществляться исключительно в государственно-правовой форме. Государственные институты должны были демократизироваться, опережая демократизацию социально-экономических отношений. Энесы считали, что государство, прежде чем стать социалистическим, пройдет в своем развитии несколько этапов и выступит в нескольких формах: буржуазно-демократической, демократической, демократически-социалистической и т. д. Народные социалисты в своей теории эволюционного социализма представляли государство как механизм, отражающий различные интересы в обществе. Поэтому для них был неприемлем узкоклассовый эсеровский подход, в соответствии с которым государство отражает интересы правящего класса, т. е. буржуазии, до того момента, пока не произойдет социалистическая революция. В этом энесы видели влияние марксистских идей на эсеров и критически относились к данному тезису²⁸.

Что касается аграрной программы энесов, то основным мероприятием в области аграрных преобразований они считали национализацию, т. е. передачу всей земли в собственность государства. Согласно А. В. Пешехонову, национализация должна проводиться государственными органами и только они должны обладать полномочиями распределения земель как на общегосударственном, так и на местном уровне. Земли сельскохозяйственного назначения предполагалось предоставлять в пользование только тем, кто будет обрабатывать их собственным трудом, без привлечения наемной рабочей силы. Казенные, удельные, кабинетские, церковные, монастырские, частновладельческие, превышающие трудовую норму земли подлежали немедленной национализации. Национализация земель, на которых велось трудовое хозяйство, должна была осуществляться постепенно, с

учетом интересов трудового крестьянства. По справедливому замечанию Н. Д. Ерофеева, энесы «не были принципиальными противниками эсеровской социализации земли, отменявшей разом всякую частную собственность на землю, но считали, что она является лишь декларацией идеального строя, не учитывающей сложность и специфические особенности существовавшего аграрного строя. В частности, не принималось во внимание наличие определенного числа собственников среди крестьян, которые имели уже свои интересы и правосознание»²⁹. Они восприняли бы социализацию как попытку отобрать у них землю, что поставило бы под вопрос саму аграрную реформу. Правда, на первом же своем съезде в июне 1917 г. энесы выступили за национализацию всей земли, в том числе и крестьянской. В новой редакции говорилось, что национализация земли осуществляется путем немедленного перехода государству права распоряжения всеми землями, недрами и водами. Бывшие владельцы получали лишь право пользования этими землями. Народные социалисты выступили противниками эсеровской идеи анархического захвата земли крестьянами, считая это противоречащим социалистическим принципам.

Вполне определенным было отношение энесов к политическому терроризму. Первоначально их непосредственные предшественники (группа «Русского богатства») вслед за эсерами придавали террору важное значение. Симпатизируя эсеровским террористам, они оказывали определенное содействие Боевой организации ПСР. В период Первой русской революции народные социалисты сочувственно относились к террору как к допустимому средству борьбы против правительственной системы, однако сами никогда к нему не прибегали, отдавая предпочтение мирной тактике. После поражения Первой русской революции 1904–1905 гг., разоблачения предательства Азефа и убийства Столыпина энесы твердо стали на позиции полного отрицания террора.

Таким образом, программно-тактические разногласия неонародников не позволили им сформировать единой идеологии. Противоречия оказались столь глубокими, что привели к окончательному размежеванию двух близких друг другу партий по многим вопросам и переходу энесов, фактически, в лагерь либеральных политических сил.

Примечания

- 1 См.: *Троцкий Н. А.* Крестноносцы социализма. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. С. 67–94 ; *Кутаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. С. 270–304.
- 2 См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001.

- 3 См.: *Алексеева Г. Д.* Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М. : Наука, 1989 ; *Она же.* Народничество в России в XX в. Идеинная эволюция. М. : Наука, 1990 ; *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 134–153 ; *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. Л. : Наука, 1977 ; *Он же.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л. : Наука, 1983 ; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998 ; *Гусев К. В., Ерицын Х. А.* От соглашения к контрреволюции. М. : Мысль, 1968 ; *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. М. : Мысль, 1975 ; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М. : МГУ, 1979 ; *История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева.* М. : Высш. шк., 1994. С. 143–193, 312–346 ; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 86–147 ; *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903–1917 гг. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978 ; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 278–326, 484–507 ; *Пайнс Р.* Русская революция : в 3 ч. Ч. 2. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1994 ; *Политические партии России: история и современность.* М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000 ; *Спирин Л. М.* Россия 1917 : Из истории борьбы политических партий. М. : Мысль, 1987 ; *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999 ; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. М. : Наука, 1972 и др.
- 4 См.: *История политических партий России.* С. 143–193, 312–346 ; *Леонов М. И.* Указ. соч. ; *Морозов К. Н.* Указ. соч.
- 5 См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте. М., 2001. С. 17–26.
- 6 См.: *Коновалова О. В.* В. М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров // *Отечественная история.* 2002. № 2. С. 43–60.
- 7 *Леонов М. И.* Указ. соч. С. 111.
- 8 Там же.
- 9 *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы :* в 3 т. Т. 1. 1900–1907 гг. М., 1996. С. 101.
- 10 Там же. С. 116.
- 11 Там же. С. 124.
- 12 *Чернов В. М.* Земля и право. Петроград, 1917. Вып. 1. С. 124.
- 13 *Чернов В. М.* Трудовое крестьянство. М., 1906. С. 61.
- 14 *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Т. 1. С. 282.
- 15 *Чернов В. М.* Земля и право. С. 197.

- ¹⁶ См.: Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 120–121.
- ¹⁷ См.: Леонов М. И. Указ. соч. С. 125.
- ¹⁸ Сулов Ю. П. Аграрный вопрос в программных документах левых партий // Проблемы политологии и политической истории : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1996. Вып. 7. С. 77.
- ¹⁹ См.: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: доп. учеб. пособие для вузов / авт.-сост. О. В. Будницкий. 2-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д : Феникс, 1996. С. 161–308.
- ²⁰ См.: Николаевский Б. Н. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М. : ТЕРРА, 1991.
- ²¹ Политическая история России в партиях и лицах / сост. : В. В. Шелохаев (руководитель), Н. Д. Ерофеев, И. Е. Задорожнюк и др. М. : ТЕРРА, 1994. С. 74.
- ²² Там же. С. 89.
- ²³ См.: Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М. : МГУ, 1979.
- ²⁴ См.: Сытченко А. В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1996. С. 23–26.
- ²⁵ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 39.
- ²⁶ См.: Мокшин Г. Н. Идеиная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2010.
- ²⁷ См.: Политическая история России в партиях и лицах. С. 81–82.
- ²⁸ Там же. С. 82.
- ²⁹ Там же. С. 86.

УДК 355.486(470.5) | 1914/1918 |

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 годы)

С. В. Картагузов

Саратовский государственный университет
E-mail: simonoffsgu@mail. ru

Объектом исследования в статье является офицерский корпус Уральского казачьего войска накануне и в годы Первой мировой войны. Впервые рассматриваются вопросы подготовки казачьих офицерских кадров, их образовательный и профессиональный уровень, приводятся сведения о потерях, награждении и судьбах некоторых офицеров после окончания войны.

Ключевые слова: Уральское казачье войско, офицерский корпус, Первая мировая война, военное образование, подготовка казачьих офицерских кадров.

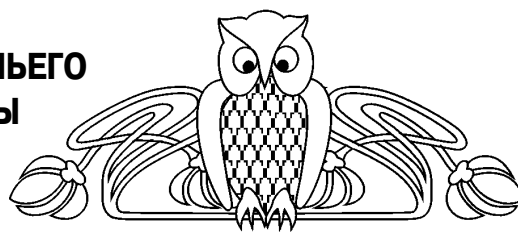
The Officer's Staff of the Urals Cossack Troops During the First World War 1914–1918

S. V. Kartaguzov

The article focused on the research of the officer's staff of the Ural Cossack's infantry during the 1st World War. It is the first attempt to examine of some aspects of training of the officers in the Cossack military embodiment, their educational and professional growth. The reader could find some interesting facts of the losses, decorations and faith of some officers after the end of the First World War.

Key words: Ural Cossack army, officer's staff, First World War, military education, Cossack officer's training.

Основу армии составляет ее офицерский корпус. От его качественной подготовленности в полной мере зависит боевая готовность подчиненных частей и подразделений, а во время войны – успех боя. Во второй половине XIX в. вооруженные силы Российской империи пребывали в явно кризисном состоянии, назрела острая необходимость создания более эффективных структур и

управленческих форм в войсках как в мирное, так и в военное время. Военные кампании последних десятилетий выявили большие проблемы с кадровым составом армии. Все это можно было решить только проведением всеобщей военной реформы.

В 60–70-х гг. XIX в. такая реформа была осуществлена под руководством Д. А. Милютин. Страна была поделена на 13 военных округов. На их территории с целью подготовки офицерских кадров для русской армии начали открывать окружные юнкерские училища. Создание военно-учебных заведений нового типа решило проблему нехватки офицерских кадров и значительно повысило их образовательный уровень.

Благодаря военной реформе было обращено внимание на подготовку офицерских кадров для казачьих войск. В 1867 г. было открыто казачье юнкерское училище в Оренбурге, в 1869 г. в Новочеркасске и в 1870 г. – в Ставрополе¹.

На Оренбургское училище было возложено обучение казачьих юнкеров Оренбургского, Уральского и Семиреченского казачьих войск, на Новочеркасское – Донского и Астраханского, на Ставропольское – Терского и Кубанского казачьих войск.

4 июня 1890 г. Высочайшим повелением был издан приказ по Военному ведомству за № 156 об «... учреждении в Николаевском кавалерийском училище казачьей сотни на 120 юнкеров, для приготовления их к службе в офицерском звании в конных казачьих частях».

Кроме того, несколько юнкерских училищ имели отделения для обучения казачьих юнкеров. Виленское пехотное училище имело отделение

на 35 казачьих юнкеров, Варшавское пехотное училище – на 85, Иркутское юнкерское училище – на 30 пеших казачьих юнкеров и отделение на 30 конных казачьих юнкеров².

С 90-х гг. XIX в. началось преобразование юнкерских училищ в военные, завершившееся в 1910 г. К началу Первой мировой войны оставалось два казачьих военных училища – Новочеркасское и Оренбургское³.

Несмотря на проводимые преобразования, ситуация с кадровым офицерским составом Уральского казачьего войска накануне Первой мировой войны оставляла желать лучшего. Хотя военная служба считалась престижной, тем не менее увеличился контингент казачьей молодежи, желающей получить образование в учебных заведениях гражданского ведомства Империи. Об этом свидетельствуют данные 1914 г., согласно которым общее число учащихся Войска составляло 5847 молодых казаков, из них в военно-учебных заведениях обучалось 111 человек войскового сословия, что составляло всего лишь 1,8% от общего количества получающих образование⁴. Наряду с имевшимися войсковыми стипендиями на военные училища, а их, по данным на 1913 г., выделялось из войсковой казны на казаков-юнкеров 12 000 руб. в год, а на кадетов – 17 000 руб., предусматривались стипендии на гражданские учебные заведения (включая и средние). Таковых в 1913 г. было выделено по смете около 10 000 руб.

Подтверждают низкие показатели стремления поступить в военные училища данные о выпускном курсе Уральского войскового реального училища весной 1914 г., опубликованные осенью того же года в «Уральских войсковых ведомостях». Семь классов училища окончили 34 ученика (трое экстерном). Из них в высшие учебные заведения гражданских ведомств поступили 24 человека.

Кроме того, один выпускник выдержал конкурсные испытания в Харьковский технологический институт, но не был принят по национальному признаку (еврей). Из оставшихся 9 человек двое поступили в военные училища (Оренбургское и Московское Алексеевское), один на зубоветеринарные курсы в г. Саратове, один – на службу (учителем в начальную школу), двое готовились по латинскому языку для поступления на медицинский факультет университета и лишь двое остались дома без определенных занятий⁵.

В мирное время высшее образование по гражданской специальности старались получить одновременно с военным и строевые офицеры. Данная возможность предоставлялась в специализированных военных училищах (инженерных, артиллерийских и др.), в которые наблюдался значительный отток казаков. Кроме того, для офицеров, окончивших пехотные военные училища, открывалась возможность штабной службы. Некоторые выпускники этих училищ не возвращались

в комплект Войска, а направлялись в регулярные части армии. Это было обусловлено тем небольшим разнообразием, которое могло предложить Войско своей служивой молодежи. Полки Уральского казачьего войска первой очереди дислоцировались в Киеве (1-й полк), Самарканде (2-й полк) и Липно (3-й полк), а также л.-гв. 1-я Уральская казачья сотня л.-гв. Сводно-казачьего полка в Санкт-Петербурге. Было понятно стремление офицеров попасть в большие города, поближе к цивилизации. Для всех такой возможности не было. Но благодаря тому, что служба казачьего офицера в корне отличалась от службы офицера регулярной армии частой ротацией, казаки имели возможность, прослужив несколько лет в одном из полков, после льготы быть направленными в другой.

В свою очередь, и Войсковое начальство старалось назначать офицера в разные полки, чтобы тот мог пройти хорошую офицерскую школу в разных регионах, различных условиях. Наиболее достойные офицеры, а также выходцы из старинных казачьих родов Войска назначались в л.-гв. Уральскую сотню, но тоже только после испытательного срока в один год и с согласия офицерского собрания полка.

Выходя на льготу, офицеры исключались из списка полка, и часть из них прикомандировывалась к Уральской учебной сотне. Это было не праздное проведение времени между службой в первоочередных полках. На офицеров налагались обязанности в Войсковом хозяйстве. Они обучали казаков на сборных пунктах, направлялись в служебные командировки в пределах Войска (организация рыбного промысла, проверка и отбор конского состава, сопровождение исследовательских экспедиций и т. д.).

Таким образом, службу состоящего по Уральскому казачьему войску офицера можно градировать на четыре вида:

- состоящие на службе в строевых частях Войска;
- состоящие на льготе в комплекте уральских казачьих полков;
- состоящие по Уральскому казачьему войску, занимают должности;
- состоящие в запасе по Уральскому казачьему войску.

Такой порядок службы офицеров Войска оставался неизменным вплоть до краха Российской империи.

К началу Первой мировой войны ситуация с комплектованием офицерского состава Уральского казачьего войска складывалась следующим образом.

Во всех строевых частях Уральского казачьего войска к 1 января 1914 г. по штатам мирного времени полагалось иметь 107 офицеров⁶.

Соответственно, по штатам военного времени (с учетом разворачиваемых второочередных и третьоочередных) в строевых частях полагалось:

генералов, штаб- и обер-офицеров – 197 человек. В это число входил личный состав штаба дивизии и управления бригады (генералов – 2, штаб-офицеров – 1, обер-офицеров – 2), а налицо к тому времени состояло по Войску лишь 159 офицеров, или 80,71% к штатному составу военного времени. В процентном отношении офицеров в числе всех чинов Войска было только 2,02%⁷.

Кроме указанного выше числа офицеров, согласно штатам, Войску необходимо было содержать дополнительно 21 генерала, штаб- и обер-офицеров в различных управлениях и учреждениях, а именно в Войсковом штабе, Войсковом хозяйственном правлении с подведомственными им учреждениями и заведениями, управлениях атаманов военных отделов.

Следовательно, Уральское казачье войско по штатам военного времени в 1914 г. обязано было иметь в готовности 218 офицеров.

К началу войны в списочном составе Войска находилось лишь только 188 генералов, штаб- и обер-офицеров, т. е. некомплект составлял 30 офицеров. Следует обратить внимание на высокую степень однородности офицерского состава. Среди общего числа офицеров только 7 не относились к войсковому сословию, составляя лишь 3,87%. Среди них наказной атаман Уральского казачьего войска генерал-лейтенант С. С. Хабалов и начальник Войскового штаба генерал-майор Н. М. Острянский. Кроме того, высочайшими приказами зачислены в Уральское казачье войско генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин (в 1899 г.), генерал-адъютант генерал от кавалерии К. К. Максимович (в 1899 г.), генерал от кавалерии К. Н. Ставровский (в 1905 г.).

В списочный состав Войска входили все генералы, штаб- и обер-офицеры, состоявшие на службе, находившиеся на льготе и числившиеся по Войску.

Приказом по Уральскому казачьему войску от 17 июля 1914 г. № 647 были мобилизованы второочередные и третьоочередные части, т. е. штаб дивизии с управлением бригады, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й полки, первая, вторая и третья запасные сотни, первое, второе и третье отделения конского запаса⁸. Этим же приказом в новые части назначались командиры.

С началом мобилизации одной из основных задач как штаба Казанского военного округа, которому в военном отношении было подчинено Войско, так и Войскового штаба Уральского казачьего войска стало комплектование льготных частей офицерскими кадрами.

Первоочередные полки в мирное время содержали два комплекта офицеров, один из которых и был отозван по мобилизации для формирования льготных частей.

Из-за недостаточного количества офицеров Войска для укомплектования штата льготных частей военной округ спешно отзывает офицеров запасных батальонов. 4 августа 1914 г. Казань

телеграфирует в Самару: «Прошу распоряжения [о] немедленном командировании находящихся [в] запасных батальонах офицеров кавалерии [в] Уральск [в] распоряжение Наказного Атамана: сто четвертого поручиков Пирогова, Камилова, прапорщика Медведева, сто третьего прапорщика Сипайлова, Фабрициуса сто пятого поручика Зоркевича, прапорщика Покровского, сто девятого прапорщиков Рошинского, Шабельского»⁹.

Для комплектования полков офицерским составом командование округа и войсковое начальство вынуждено было на начальном этапе войны:

- призвать из запаса – 3 офицера;
- призвать из отставки – 16 офицеров;
- призвать зауряд-прапорщиков и подхорунжих со льготы – 9 человек;
- произвести в прапорщики из зауряд-прапорщиков, подхорунжих и урядников – 36 человек;
- перевести из других родов войск – 16 человек;
- произвести в зауряд-хорунжие из подхорунжих – 22 человека¹⁰.

Большинство офицеров Уральского казачьего войска, выступивших на поля сражений Первой мировой войны, можно назвать «послереформенными», так как эти кадровые офицеры были подготовлены уже в новых условиях, в новых учебных заведениях.

В годы Первой мировой войны Войско выставило более 710 генералов и офицеров. В это число входят непосредственно прошедшие горнило войны, а также выполнявшие свой долг в тылу. По возрастному составу (из известных по дате рождения) это родившиеся в:

- 1840-х гг. – 2 чел. – 0,4%;
- 1850-х гг. – 8 чел. – 1,6%;
- 1860-х гг. – 31 чел. – 6,2%;
- 1870-х гг. – 76 чел. – 15,2%;
- 1880-х гг. – 136 чел. – 27,2%;
- 1890-х гг. – 247 чел. – 49,4%.

Около половины офицеров в годы войны имели возраст до 30 лет, четверть – до 40 лет. Возрастной показатель свидетельствует о том, что офицерский состав был сравнительно молодым.

Несмотря на это часть офицеров имела боевой опыт. 66 офицеров (или 9,3%) принимали участие в войнах, среднеазиатских походах, а также в поддержании порядка в государстве в период Первой революции 1905–1907 гг., когда все Войско было мобилизовано. В Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) участвовало четыре офицера (Любавин Г. П., Логинов А. М., Толстов С. Е. и Жигалин Л. И.), в Китайской кампании (1900–1901 гг.) – два офицера (Кабанов П. А. и Логинов А. М.) и Русско-японской войне (1904–1905 гг.) – 65 офицеров.

К началу Первой мировой войны будущие офицеры прошли в основном одинаковый карьерный путь. За их плечами были кадетские корпуса, военные и юнкерские училища. Совсем небольшой процент составляли окончившие шко-

лы подпрапорщиков. После окончания службы в нижних чинах они сдавали офицерский экзамен и переходили в категорию прапорщиков запаса, относясь к лицам I разряда по образованию. Основная масса этого контингента к 1914 г. находилась на льготе или в запасе. В запасе прапорщик находился 12 лет с последующим зачислением в ополчение, из которого он мог быть призван только в военное время.

Кроме того, 28 подхорунжих Войска, призванных по мобилизации в период Первой мировой войны, сдали экзамен на офицерский чин, составив 4% от офицеров-фронтовиков.

Образовательный ценз войсковых офицеров был довольно высоким. Начальное образование они получали в основном в Уральске в Войсковом реальном училище, духовном училище и семинарии, сельскохозяином училище, учительской семинарии. Часть офицеров имела домашнее образование.

Начальное военное образование, полученное в кадетских корпусах, имели 123 офицера (17,3%). Основная масса обучалась в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, где у Войска были свои вакансии и стипендии. Количество их менялось, но никогда не опускалось ниже 10. Не все поступившие завершали учебу, часть отсеивалась по состоянию здоровья, домашним обстоятельствам и другим причинам. Так, в 1905 г. корпус окончил 9 уральцев, в 1906 – 8, в 1907 – 3, 1908 – 10, 1909 – 11¹¹. Из числа офицеров-уральцев, участвовавших в Первой мировой войне, Оренбургский Неплюевский кадетский корпус окончил 100 человек.

Но некоторые офицеры получили начальное образование в других кадетских корпусах – Александровском (3 чел.), Владимирском Киевском (1 чел.), Михайловском Воронежском (1 чел.), 3-й Московском (2 чел.), Нижегородском графа Аракчеева (1 чел.), 2-м Оренбургском (1 чел.), Сибирском (3 чел.), Симбирском (5 чел.), Сумском (1 чел.), Ташкентском (1 чел.), Ярославском (2 чел.) и Санкт-Петербургской военной гимназии (2 чел.). Обучение уральцев в других кадетских корпусах было связано в основном с тем, что войсковых вакансий в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе не хватало и детей устраивали в ближайшие к месту службы родителей учебные заведения. Так, будущий советский писатель Б. С. Неволов – сын есаула С. П. Неволова, проходившего службу в 3-м Уральском казачьем полку в Польше, – был устроен в Варшавский кадетский корпус, а затем в связи с началом Первой мировой войны переведен в Московский Суворовский кадетский корпус.

Подготовка молодежи в кадетских корпусах продолжалась и в военное время. По состоянию на 1914 г. в них обучалось 90 уральцев¹².

Следующим этапом становления большинства будущих офицеров являлись военные и юнкерские училища.

Общее количество офицеров, получивших в них образование перед войной и во время нее,

составило 456 человек (64,7%). Основная масса, учитывая специфику казачьей службы, стала кавалеристами, окончив кавалерийские и казачье училища, – 292 офицера (64% имевших военное образование).

Кузницей кадров для Уральского войска оставалось Оренбургское казачье училище. В 1901 г., еще в бытность юнкерским училищем, оно было реорганизовано из двухклассного в трехклассное. В его состав перевели казачий отдел Иркутского юнкерского училища и установили штат в 120 юнкеров всех казачьих войск, кроме Донского. Отсюда молодые люди выпускались офицерами в чине хорунжих. В 1905 г. училище вышло из ведения начальника штаба Казанской военной округа и перешло в подчинение наказного атамана Оренбургского казачьего войска. В 1908 г. оно было передано Главному управлению военно-учебных заведений. В 1910 г. все окружные юнкерские училища были преобразованы в военные училища. Оренбургское училище получило наименование Оренбургского казачьего училища. В организационном отношении училище составляло сотню из 120 юнкеров. Каждое войско имело в нем определенное число вакансий: Оренбургское – 36, Уральское – 24, Кубанское – 18, по 12 из Терского, Сибирского, Забайкальского и по три – из Астраханского, Семиреченского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Они обязаны были отчислять средства из войскового капитала на содержание своих юнкеров (обмундирование, снаряжение, лошадей, питание и т. д.).

Второй по количеству подготовленных для Уральского казачьего войска офицерских кадров являлась казачья сотня Николаевского кавалерийского училища. В 1915 г. казачьей сотне Николаевского кавалерийского училища исполнилось 25 лет. За этот период из нее вышло 1498 казачьих офицеров, в том числе 329 человек за один год войны, из них уральцев – 74 человека. Для сравнения: Донское войско получило 605 офицеров, Кубанское – 350, Терское – 103, Оренбургское – 158, Сибирское – 71, Забайкальское – 54, Уссурийское – 22, Амурское – 20, Астраханское – 20, Семиреченское – 21¹³.

Кроме того, войсковые офицеры оканчивали пехотные и специализированные военные училища. В 1916 г. свободная войсковая стипендия была выделена даже в Севастопольском морском корпусе¹⁴.

По военно-учебным заведениям выпускники-уральцы распределялись следующим образом: кавалерийские училища – Николаевское (52 чел.), Елисаветградское (2 чел.), Тверское (1 чел.); казачьи – Оренбургское (238 чел.); артиллерийские – Константиновское (18 чел.), Михайловское (6 чел.), Сергиевское (1 чел.); инженерные – Николаевское (14 чел.); морские – Морской корпус (4 чел.); пехотные – Александровское (20 чел.), Алексеевское (8 чел.), Виленское (11 чел.), Владимирское (4 чел.), Иркутское (10 чел.), Казанское (18 чел.), Киевское (7 чел.), Павловское (4 чел.), Ташкентское (1 чел.), Чугуевское (36 чел.), Паже-

ский корпус (1 чел.). Военное образование еще десяти офицеров пока установить не удалось.

Четыре офицера-уральца пополнили плеяду летчиков зарождавшегося воздушного флота. Выпускниками Воздухоплавательной и Гатчинской авиационных школ стали два офицера. Еще двое окончили Севастопольскую военную авиационную школу. При этом необходимо отметить, что один из них – уралец Георгий Георгиевич Горшков – стоял у истоков русской тяжелой авиации. Обучаясь в Париже, Варшаве и в Воздухоплавательной школе, он освоил практические полеты на самолетах «Блерио», «Ньюпорт», «Фарман». С началом войны он командовал кораблем «Илья Муромец-Киевский», почти год руководил Гатчинской военной авиационной школой. В 1919 г. георгиевский кавалер Г. Г. Горшков был расстрелян по приговору Одесской ЧК.

В авиационных частях также служил Михаил Львович Каплин. «Отличный летчик, любит дело авиации и всецело ему предан», – значилось в его аттестации. В 1918 г. он вернулся в родное войско. Воевал в составе IX авиационного отряда Восточного фронта, приданного Уральской армии. Впоследствии М. Л. Каплин стал начальником воздушного флота Юго-Западного фронта ВСЮР.

В предпочитании некоторых военных специальностей заметна определенная семейственность. Например, из четырех братьев Митрясовых трое окончили Николаевское инженерное училище. Правда, в инженерных частях в армии служил только Дмитрий. Александр, Андриан и Михаил состояли в комплекте Уральских казачьих полков. Братья Сергей и Владимир Бошенятовы также пошли по инженерной стезе. Братья Константин и Сергей Кирилловы окончили артиллерийское училище. Гурьевцы братья Акакий и Евтихий Толстовы служили офицерами флота на одном корабле.

Морскому делу посвятили свою жизнь братья Хорошхины. Борис Владимирович прошел славный путь от мичмана императорского флота до советского контр-адмирала. Выполняя задание командования, он погиб под Сталинградом в 1942 г., подорвавшись на бронекатере вместе с экипажем. Могилей героя стала волжская вода, а своеобразным памятником – названный в его честь минный тральщик «Контр-адмирал Хорошхин». Жизнь его брата Владимира трагически оборвалась еще до начала Первой мировой войны, в 1913 году.

Артиллерист, георгиевский кавалер генерал-майор Борис Иванович Хорошхин участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. В Гражданскую он встал в ряды Уральской армии, позднее был направлен от Войска в ставку А. В. Колчака. Во Временном правительстве в Омске он состоял помощником военного министра по делам казачьих войск. Закончил свои дни Б. И. Хорошхин в эмиграции во Франции.

По имеющимся сведениям, в частях регулярной армии и на флоте проходили службу в годы Первой мировой войны 32 офицера-уральца:

- в артиллерийских частях – 8 офицеров (Абрамичев И. М., Астраханкин П. С., Даеничев П. Д., Дынников П. А., Ерыкинцев Н. Г., Кириллов С. П., Осипов Н. П., Хорошхин Б. И.);
- на военно-морском флоте – 7 офицеров (Жигалин В. Л., Селезнев Л. Л., Телятов С. С., Толстов А. А., Толстов Е. А., Щёлоков П. Х., Хорошхин Б. В.);
- в авиационных частях – 3 офицера (Горшков Г. Г., Жигалин М. Л., Каплин М. Л.);
- в инженерных частях – 4 офицера (Бошенятов В. Г., Бошенятов С. Г., Коловертнов В. В., Митрясов Д. А.);
- в воздухоплавательных частях – 1 офицер (Торбин Н. Т.);
- в подразделениях юстиции – 1 офицер (Бородин А. В.);
- в Корпусе жандармов – 1 офицер (Ерёмин А. М.);
- в Отдельном корпусе пограничной стражи – 7 офицеров (Бородин Л. Н., Бородин И. П., Буренин Д. Е., Кириллов П. Е., Парфёнов К. И., Чечин Н. Т., Чечин А. Т.).

Девять офицеров-уральцев имели высшее военное образование, окончив перед войной или во время нее военные академии: Николаевскую академию Генерального штаба – 5 офицеров (Мартынов А. Е., Мартынов М. Ф., Мартынов Н. Н., Толстов А. С., Щепихин С. А.), Михайловскую артиллерийскую академию – 1 офицер (Дынников П. А.), Николаевскую инженерную академию – 2 офицера (Коловертнов В. В., Сетчиков Л. Е.), Александровскую военно-юридическую академию – 1 офицер (Бородин А. В.).

Легендарной личностью был Матвей Филаретович Мартынов. Несмотря на окончание им пехотного училища, его служба прошла в Уральском казачьем войске. Даже после обучения в Академии Генерального штаба он остался в строевой части. Неказистый с виду, человек широкой натуры, он вселял в своих земляков веру в победу. Его отчаянная храбрость вызывала уважение бывалых казаков. Став в годы войны кавалером ордена Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия – высших офицерских наград, – генерал-майор М. Ф. Мартынов сложил свою голову в родных степях в годы Гражданской войны.

Генштабист Алексей Евгеньевич Мартынов, получив инженерное образование, служил в казачьих полках. Во время войны он был переведен на штабную работу в пехотную часть. В конце войны А. Е. Мартынов возглавил штаб отряда генерала Л. Ф. Бичерахова, который в то время, когда уже разгоралась Гражданская война, боролся с советской властью в Дербенте, Баку и других городах Кавказского региона.

Во время войны офицерский корпус пополнили несколько выпускников и бывших

студентов гражданских учебных заведений. Так как в Уральском войске отсутствовали высшие образовательные учреждения, соответствующую квалификацию казаки получали за пределами области. Специально для них Войско содержало стипендии в рядах университетов, институтов, училищ и лицеев России. В 1914 г. в их стенах получали высшее образование 72 студента войскового сословия, и 24 из них – по войсковым стипендиям¹⁵.

15 офицеров Войска на период войны имели гражданские дипломы о высшем образовании или обучались в вузах: Лазаревском институте восточных языков (1 чел.), Санкт-Петербургском археологическом институте (2 чел.), Императорском Московском университете (3 чел.), на медицинском факультете Императорского Казанского университета (1 чел.), в Императорском Петроградском университете (3 чел.), Московском Константиновском межевом институте (1 чел.), на экономическом отделе Петроградского политехнического института (1 чел.), в Художественной студии профессора Кордовского по классу живописи (1 чел.), Самарском коммерческом училище (1 чел.) и Демидовском юридическом лицее (1 чел.).

Сергей Васильевич Мартынов, окончив Петроградский политехнический институт, был мобилизован в 6-й Уральский казачий полк. В начале 1915 г. был произведен в прапорщики, а позднее сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище. Находясь в рядах Уральской отдельной армии, попал в плен. В 1921 г. был расстрелян в Архангельской области вместе со своими земляками-офицерами.

Добровольцем пошел на фронт студент Московского Константиновского межевого института казак Н. А. Лоскутов. За отличие по службе он был произведен в прапорщики. Судьба его после войны неизвестна.

Самых опытных, добросовестных офицеров направляли на преподавательские и командные должности в военные училища. Десять будущих фронтовиков-уральцев в разное время преподавали в военно-учебных заведениях:

Николаевское кавалерийское училище – 5 чел. (Гордеев Г. Г., Колпаков Н. А., Логинов А. М., Мартынов Н. Н., Толстов А. С.);

Пажеский корпус – 1 чел. (Коловертнов В. В.);

Гатчинская авиационная школа – 1 чел. (Горшков Г. Г.);

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус – 1 чел. (Кокорев Л. А., позднее в 1-й Тифлисской школе подготовки прапорщиков пехоты);

Оренбургское казачье юнкерское училище – 2 чел. (Мартынов Л. Г., Раннев П. П.);

Томское военное училище – 1 чел. (Толкачев Ф. Д.).

Будущий генерал Александр Матвеевич Логинов был первым сменным офицером «Царской сотни» Николаевского кавалерийского училища. В течение семи лет передавал А. М. Логинов бу-

душим казачьим командирам боевой опыт, полученный в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг.

Георгий Григорьевич Гордеев почти 10 лет перед войной был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу, состоя в списках л.-гв. 1-й Уральской сотни Сводно-казачьего полка. Достоинно пройдя войну, он был зверски убит толпой солдат на улице Саратова в 1918 г., отказавшись снять погоны.

В 1910 г. связал свою военную судьбу с Оренбургским казачьим училищем Леонид Гаврилович Мартынов, прибыв на должность сменного офицера. В 1916 г. с должности адъютанта училища он добровольно ушел на фронт, возглавив казачью сотню 1-го Уральского казачьего полка. В Гражданскую войну сражался на Уральском фронте. В 1918 г., вернувшись в училище, с юнкерами защищал Оренбург, участвовал в Сибирском «ледяном» походе. В 1920 г. генерал-майор Л. Г. Мартынов состоял штаб-офицером для поручений при штабе главнокомандующего всеми вооруженными силами восточной окраины России.

Георгиевский кавалер полковник Феоктист Демидович Толкачев в Гражданскую воевал в белых войсках на Восточном фронте. В январе 1920 г. он возглавил Томское военное училище, участвовал в Сибирском «ледяном» походе.

С началом Первой мировой войны все военные училища были переведены на ускоренное обучение по сокращенному курсу. Офицер готовился в течение 3–4 месяцев, а в специальных училищах – полгода. Такие выпускники с декабря 1914 г. производились не в хорунжие (подпоручики), а в прапорщики.

Юнкера военной поры, несомненно, отличались от довоенных. Резко возросшая в военное время потребность в офицерских кадрах привела к снижению количества казачьей молодежи, получившей гражданское образование. Образовательный уровень юнкеров был достаточно высоким, потому что в училища определялись в основном лица 1-го разряда по образованию, т. е. те, кто имел за плечами не менее 6 классов. Газета «Уральские войсковые ведомости» 5 сентября 1914 г. писала: «В Оренбургское казачье училище был объявлен прием на 1 октября и 1 декабря 1914 года. Без экзаменов принимались лица с высшим и законченным средним образованием, а также с правами вольноопределяющегося, т. е. окончившие 6 классов среднего учебного заведения. Имеющие права по образованию 2-го разряда обязаны были сдавать вступительные экзамены»¹⁶.

Из 22 человек, выдержавших в январе 1915 г. экзамен при Уральском войсковом реальном училище на право по образованию 2-го разряда, держать экзамен в Оренбургское военное училище никто не поехал, так как войсковых вакансий к февралю освободилось только четыре, а желающих с правами по образованию 1-го разряда было гораздо больше¹⁷.

К концу 1915 г. из-за неудач на фронте армия потеряла значительную часть командного состава. В связи с этим необходимость его срочного пополнения заставила военное руководство упростить условия приема в военные училища. Согласно Приказу по Военному ведомству от 10 октября 1915 г. за № 548 был значительно поднят возрастной порог для юнкеров, не учитывалось семейное положение, да и требования к здоровью кандидатов на поступление не были такими строгими¹⁸.

Для пополнения офицерского состава в начале войны было открыто несколько десятков школ прапорщиков. Сроки обучения в них были такими же, как и в училищах. Основной контингент этих школ составляли лица, имевшие 2-й разряд по образованию.

Войсковой штаб Уральского казачьего войска, вероятно, заботясь уже о кадрах для мирного времени, старался направлять казаков в военные училища, поэтому школу прапорщиков за время войны окончило сравнительно мало офицеров – 33 человека, или 4,4% всех офицеров-фронтовиков. В этой категории офицеров были выпускники следующих школ прапорщиков пехоты: 1-й Иркутской (5 оф.), 2-й Иркутской (3 оф.), 3-й Иркутской (2 оф.), 1-й Казанской (5 оф.), 1-й Киевской (4 оф.), 2-й Московской (2 оф.), 1-й Одесской (2 оф.), 1-й Омской (1 оф.), 2-й Ораниенбаумской (1 оф.), Оренбургской (3 оф.), Ташкентской (1 оф.), 1-й Тифлисской (3 оф.), Чистопольской (1 оф.). После открытия Екатеринодарской школы подготовки прапорщиков казачьих войск уральцы также получили в ней две вакансии¹⁹. Эту школу за время войны окончили 5 представителей Войска.

Широкое распространение получило во время войны производство в офицеры без окончания военно-учебных заведений, непосредственно в частях, из вольноопределяющихся, т. е. лиц, имеющих право на производство по гражданскому образованию, и лиц без необходимого образовательного ценза. К последней категории относились подхорунжие и урядники, получившие это право за боевые отличия. Так, за время войны в частях Уральского казачьего войска по образовательному цензу было произведено в офицеры 36 человек, что составило 5%, а за боевые отличия 157 человек – 21,8% общего числа офицеров-уральцев. Многие произведенные в офицеры за боевые отличия сделали за время войны достойную военную карьеру.

Произведенный в прапорщики Аким Прокофьевич Добрынин к концу Гражданской войны уже командовал полком в звании войскового старшины. Леонид Клементьевич Ерёмин, заслужив в Русско-японскую за подвиги три Георгиевских креста, в Первую мировую был произведен в прапорщики, а в Гражданскую также дослужился до войскового старшины. Подхорунжий Филипп Стахеевич Чинарёв был представлен к званию прапорщика за отличное проведение разведывательных выходов. Служил в дивизионном партизанском отряде, стал полным георгиевским кавалером. Погиб подбесаул

Ф. С. Чинарёв в родных Уральских степях в Гражданскую войну. Его родной брат Тимофей также получил свой первый офицерский чин «за отличия в делах против неприятеля».

Полный георгиевский кавалер за Русско-японскую войну подхорунжий Осип Гурьянович Голованов в самом начале Первой мировой войны отличился при атаке с полусотней на неприятеля, взяв в плен 60 человек, захватив много военного имущества и освободив при этом 16 раненых пленных русских солдат. Погиб О. Г. Голованов, прикрывая артиллерийскую батарею, и уже по-смертно получил звание прапорщика.

Рука об руку сражались за Отечество братья, отцы и сыновья. Четыре брата-офицера Кокоревых прошли Первую мировую войну, вернувшись домой живыми. Виктор и Сергей служили в одном полку, в 1917 г. добровольно были направлены в один из организованных для удержания фронта «батальонов смерти». Вместе с двумя другими братьями – Леонтием и Николаем (кавалером ордена Св. Георгия 4-й ст.) – он в годы Гражданской войны встал в ряды Уральской отдельной армии. Сергей погиб, защищая родную землю, Виктор и Николай попали в плен к красным. Дальнейшая судьба братьев неизвестна.

В одном полку со своим отцом, войсковым старшиной Петром Ивановичем Корчагиным, воевали сыновья Александр и Василий. Александр прибыл на фронт в 1914 г. после ускоренного выпуска из училища. Василий начал войну урядником, за отличие был произведен в чин прапорщика. Их судьба сложилась трагически. Отец в начале 1915 г., попав тяжело раненным в плен, сгинул на чужбине. Александр не вернулся с полей Первой мировой, следы Василия теряются в годы Гражданской войны.

Братья Косаревы – Александр, Анатолий и Михаил – люди гражданской специальности. До войны, получив педагогическое образование, планировали посвятить себя воспитанию подрастающих казаков, работали учителями в станичных школах. По зову долга они встали в ряды родного Войска и заслужили офицерские звания. Пройдя вместе с земляками Гражданскую войну, после ее окончания они вернулись к своей довоенной профессии в родных краях. В 1930-е гг. все трое попали под жернова сталинских репрессий.

Герой Русско-турецкой и Русско-японской войн генерал-лейтенант Гавриил Павлович Любавин проводил сыновей-офицеров Виктора и Сергея на фронт. Находясь в комплекте Войска, он и сам не стоял в стороне от его насущных проблем. Виктор за боевые отличия стал кавалером Георгиевского оружия. В Гражданскую войну Гавриил Павлович был членом Военного совета Уральской отдельной армии, а сыновья командовали полками, и все трое навечно остались лежать в полынных степях.

В то время когда полковник Василий Иванович Скворкин формировал 5-й Уральский

казачий полк для отправки на фронт, его сыновья-хорунжие – Андрей в составе 1-го полка и Владимир в составе 3-го полка – уже сражались в действующей армии. Владимир стал первым офицером Войска, погибшим в великой войне. Это произошло 30 июля 1914 г. По трагическому совпадению именно в этот день его отец командовал церковным парадом в Уральске в честь рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича²⁰. Андрей Скворкин пропал в водовороте революционных событий. Василий Иванович умер во время отступления Уральской отдельной армии из пределов Войска.

Из семьи войскового врача ушли на фронт в один полк братья Забродины – Николай и Александр. Сотник 3-го Уральского казачьего полка Николай Забродин погиб в Польше во время отступления 1915 г. Вещи и лошадей погибшего брата доставил в Уральск Александр – урядник того же полка. Позднее, окончив военное училище, он вернулся в родную часть уже офицером. В 1917 г. военное училище окончил и третий брат, Константин.

Братья-близнецы Соловьёвы – Борис и Глеб – стали офицерами уже в конце войны. Отец, отставной полковник, был расстрелян красными в Уральске в марте 1919 г. Через три месяца скончался от ран его сын Глеб, судьба тяжело раненного Бориса неизвестна.

Нельзя не упомянуть боевых офицеров Толстовых. Сергей Евлампиевич воспитал достойных сыновей – защитников Родины. Гвардейский офицер Павел в звании полковника умер во время войны. Михаил после ранения, лишившись глаза, вернулся в строй, но в 1920 г., будучи в эвакуации по болезни, был расстрелян красными в Баку. Георгиевский кавалер, командир полка Владимир Сергеевич Толстов, вернувшись с войны с группой офицеров, возглавил Гурьевский участок фронта. В самое тяжелое для Войска время, уже после потери столицы – Уральска, – в марте 1919 г. он единодушно был избран атаманом и встал во главе Уральской отдельной армии. Тяжелая ноша легла на его плечи: сначала отстаивать родные станицы и поселки, а затем уводить своих боевых товарищей с семьями «в отступ» и на чужбину. Старший брат Алексей умер в блокадном Ленинграде. Сам отец офицеров, Сергей Евлампиевич, не пожелав покидать Родину, погиб в советских застенках.

Представители старого казачьего рода Акутиных – Василий Иванович и три его сына, Константин, Иван и Владимир, – пройдя дорогами Первой мировой войны, с достоинством воевали и в Гражданскую. Судьба не пощадила и их. В одном бою еще в начале войны, в мае 1918 г., погибли братья Иван и Владимир. В этом тяжелом бою казаки даже не смогли вынести с поля боя их тела. Василий Иванович умер от тифа, а чудом выжившего израненного и эвакуированного Константина машина репрессий добила в 1938 г. в Киеве.

Несколько офицеров-фронтовиков из уральцев в разные годы проходили службу в частях других казачьих войск, прикомандировывались к ним или направлялись во вновь формируемые части. Например, артиллерист Петр Арефьевич Щепихин прошел боевой путь в конно-артиллерийских батареях Оренбургского казачьего войска и только в конце войны возглавил сформированный в Войске Уральский артиллерийский дивизион.

В конце октября 1914 г. началось формирование уникального боевого соединения – Кавказской туземной дивизии, в которую набирались добровольцы из горских народов Кавказа. В «Дику дивизию», как ее вскоре стали называть на фронте, попали и два офицера-уральца. Георгий Николаевич Завьялов командовал пулеметным взводом в отряде Балтийского флота при Черкесском конном полку. За боевое отличие он был награжден Георгиевским оружием, получил тяжелое ранение и умер от ран. Другой офицер – Георгий Анфиногенович Чуреев – командовал сотней Чеченского конного полка.

Еще один уралец – сотник Ротнов Виктор Владимирович – после тяжелого ранения, потеряв ногу, по собственному желанию остался на строевой службе в составе специального авиационного отряда для воздушной обороны императорской резиденции в должности летчика-пулеметчика.

В особую категорию офицеров, проходивших службу в частях Уральского казачьего войска в период Первой мировой войны, следует выделить представителей других казачьих войск и офицеров не казачьего происхождения. По спискам полков в них проходило службу 43 офицера – «не уральца». Среди них 10 офицеров – представители других казачьих войск, 33 человека – не казачьего происхождения.

Офицеры четырех казачьих войск:

- Донского казачьего войска – 7;
- Амурского казачьего войска – 1;
- Астраханского казачьего войска – 1;
- Семиреченского казачьего войска – 1.

В августе 1914 г. начал войну старшим адъютантом по строевой части Уральской казачьей дивизии дворянин Области войска Донского, Генерального штаба капитан Святослав Варлаамович Денисов.

В самом конце войны Уральскую казачью дивизию возглавил донской казак по происхождению генерал-майор Иван Андреевич Никулин.

В рядах Уральской казачьей дивизии проходило становление молодого офицера-донца Андрея Александровича Грекова, ставшего в рядах уральцев кавалером Георгиевского оружия.

Представитель Астраханского казачьего войска подьесаул Константин Иванович Аратовский с июля 1914 г. состоял в должности обер-офицера л.-гв. 1-й Уральской казачьей сотни л.-гв. Сводно-казачьего полка. Свою фамилию прославил

впоследствии сын Константина Ивановича Николай – известный советский шахматист. Сам офицер подвергся впоследствии репрессиям и умер в ссылке в Казахстане.

Всю войну поддерживал своим огнем Уральскую казачью дивизию приданный ей 7-й Донской казачий дивизион под командованием полковника Вениамина Алексеевича Грекова.

Офицеры не казачьего происхождения в частях Войска в основном несли штабную и тыловую службу или занимали должности по узким военным специальностям.

Уральскую казачью дивизию со дня формирования и до апреля 1917 г. возглавлял генерал-лейтенант Алексей Михайлович Кауфман-Туркестанский – сын «завоевателя» Туркестана, участник похода в Китай и Русско-японской войны, кавалер высших военных наград – Золотого оружия «За храбрость» и ордена Св. Георгия 4-й степени.

В начале Первой мировой войны на должность младшего офицера во 2-ой Уральский казачий полк был прикомандирован правнук императрицы Марии-Луизы, жены Наполеона I, подъесаул граф Альфред Сигизмундович Велепольский.

К 5-му Уральскому казачьему полку Уральской казачьей дивизии был прикомандирован полковник барон Борис Борисович Кене – офицер, прошедший Русско-японскую войну и побывавший в японском плену.

В сентябре 1914 г. ординарцем начальника Уральской казачьей дивизии был назначен хорунжий барон Христофор Иванович Дерфельден. Его супруга княгиня М. Э. Пистолькорс «прославилась» участием в убийстве Григория Распутина.

Почти всю войну в должности командира 1-й бригады Уральской казачьей дивизии прошел генерал-майор граф Петр Михайлович Стенбок.

Героической личностью являлся гусарский штаб-ротмистр барон Дмитрий Владимирович Фельдман, возглавлявший партизанский отряд Уральской казачьей дивизии, а в годы Гражданской войны являвшийся начальником штаба 5-й дивизии Уральской отдельной армии.

Так же как и Фельдман, некоторые офицеры не казачьего происхождения, служившие с уральцами в годы Первой мировой войны, после ее окончания продолжили свою службу в Уральской отдельной армии. Это бывший начальник штаба Уральской казачьей дивизии полковник Владимир Иванович Моторный, уроженец города Гурьева Иван Абросимович Медведев, уроженец города Уральска артиллерист Николай Алексеевич Околович.

В период Первой мировой войны в комплекте полков Уральского казачьего войска состоял один подданный иностранного государства – Лев Рафаилович Гулион (Leon de Huillona), закончивший войну во Франции в составе 1-й Особой пехотной бригады («Русский корпус»). Пронеся через всю жизнь любовь к уральцам, согласно завещанию

похоронен в форме есаула Уральского казачьего войска.

Порядок прохождения службы офицера в подразделении во время боевых действий в основном соответствовал правилам мирного времени. Однако война внесла ряд нововведений и изменений. Регламент службы казачьих офицеров приблизился к службе регулярных частей армии.

Во-первых, был прекращен выход казачьих офицеров на льготу, введен очередной отпуск офицера или отпуск по ранению (болезни) без исключения из списков личного состава части и без отстранения от должности в течение двух месяцев.

Во-вторых, значительно сократился срок присвоения очередных воинских званий, офицеры получили право производства в очередной чин за отличие.

Изменился порядок представления к боевым орденам. Офицер представлялся к награждению очередным орденом за участие в конкретных «делах», атаках и т. д., что позволяло не брать во внимание дату получения предыдущей награды. Порядок награждения по восходящему статусу орденов был сохранен. Вне статуса офицер мог за особо выдающиеся заслуги быть представлен к награждению орденами Св. Георгия, Св. Владимира и Георгиевским оружием. К полученным в мирное время орденам офицеры получали мечи и банты.

Высшей офицерской наградой считались орден Св. Георгия и Георгиевское оружие. За годы войны эти награды вручались уральцам 47 раз. Кавалерами ордена Св. Георгия стали 15 офицеров, Георгиевского оружия – 32 офицера. Общих наград были удостоены 5 офицеров (Зеленцов М. Т., Курин С. Г., Лифанов Н. А., Мартынов М. Ф. и Хивинцев П. А.).

С целью улучшения подготовки молодого пополнения казачьих полков в феврале 1916 г. последовало указание Атамана всех казачьих войск: «В виду неоднократных жалоб войсковых начальников казачьих частей на театре войны, на плохую во многих отношениях подготовку прибывающих пополнений, предлагаю теперь же командировать в запасные сотни, на срок не менее 2-х месяцев по одному офицеру от соответствующих полков в помощь командирам сотен. Офицеры должны назначаться из числа прослуживших в полку по возможности не менее года и побывавшие уже в боях»²¹. Более 50 офицеров-фронтовиков направлись до окончания войны в запасные сотни, а затем в сформированный в 1917 г. 10-й Уральский запасной полк.

В 1915 г. в связи с большой убылью офицеров в пехотных частях отмечались случаи временного прикомандирования казачьих офицеров в пехотные полки на должности командиров рот.

За годы Первой мировой войны Уральским казачьим войском безвозвратно были потеряны

46 офицеров, что составило 6,6% принимавших участие в боевых действиях:

- погибло в боях, умерло от ран – 28;
- умерло от болезни – 7;
- покончило жизнь самоубийством – 2;
- попало в плен – 5;
- пропало без вести – 4.

Сравнительно небольшой процент погибших офицеров в целом соответствует потерям в кавалерийских частях регулярной армии за тот же период. Судьба 48 офицеров после окончания войны остается не выясненной. Не выявлено сведений об их возвращении на родину, участии в Гражданской войне, а также пребывании в эмиграции. Цифры потерь, полученные путем анализа приказов и послужных списков, совпадают с официальными данными на 1 января 1917 года.

Относительно тех, чьи судьбы прослеживаются после окончания Первой мировой войны, мы располагаем следующими данными. В Гражданской войне приняло участие 578 офицеров-уральцев, прошедших дорогами Первой мировой войны. Подавляющее большинство из них – 564 офицера – оказалось в рядах Уральской отдельной армии и других «белых» формирований. В составе Красной армии служило 14 бывших офицеров.

Из числа участвовавших в Первой мировой войне офицеров-уральцев в Гражданскую войну:

- погибло в боях (умерло) – 85;
- предано военно-полевному суду УОА – 4.

В основном трагически сложились и судьбы офицеров, выживших в братоубийственной войне. Изнуренная боями, болезнями, холодом и голодом отступающая Уральская отдельная армия 26 декабря 1919 г. получила через парламентариев от Военно-революционного совета 4-й армии (красной) Туркестанского фронта обращение к командованию вооруженными силами Уральского казачьего войска о прекращении сопротивления. В документе, в частности, касаясь дальнейшей судьбы казаков, отмечалось: «... необходимо немедленно ни дня положить конец войне на Уральском фронте и начать всеми силами бороться с эпидемией, голодом, холодом и устройством разоренных хозяйств. Однако, мы прекрасно понимаем, что мрачное прошлое лежит между нами и вами, что вы опасаетесь за свою участь и что ждете жестоких расправ за все сделанное. Но Рабоче-крестьянская власть, опирающаяся на широкие слои трудящихся масс, не нуждается в мести. Наоборот, она искренне стремится к миру и щедрой рукой рассыпает милости всем, прямо и чистосердечно примыкающим к ней»²².

Не поддавшись на посулы новой власти, казаки сражались до последнего, перенесли тяжелый ледяной поход в начале 1920 г. «Щедрую руку милости» ощутили вскоре все попавшие в плен. Имеются сведения, подтвержденные документами Красной армии, о 26 офицерах, взятых в плен под Гурьевом в конце 1919 года²³.

В форте Александровском из 79 взятых в плен чинов командного состава Уральской отдельной армии – 64 уральских офицера, 8 иногородних и 7 чиновников²⁴.

Пленные после предварительного опроса были отправлены в армейские особые отделы в города Самару, Саратов и Москву, затем распределены по различным трудовым лагерям. Судьба многих из них неизвестна. 19 офицеров были расстреляны в марте-апреле 1921 г. по постановлению Особой тройки отдела охраны границ Северной области (председатель тройки – Зиновий Кацнельсон). Белоэмигрантские архивы донесли до нас воспоминания одного чудом уцелевшего узника лагерей смерти в Архангельской области: «... постановления ЧК приводят в исполнение особой командой внутренней охраны, состоящей в значительной части из бывших военнопленных мадьяр, чехословаков и других иностранцев, причем их перед этим напивают. Сначала расстреливали на Мхах, в последнее же время с увеличением числа жертв, их стали отправлять на остров Голодай, в 20-ти верстах от Холмогор, где до сих пор убито около десяти тысяч человек. Туда, между прочим, были отправлены из Москвы офицеры, взятые в плен на Северном фронте (около 1200 чел.), а также пленные с Южного фронта, с Кубани и их Московского лагеря. Приговоренных отправляют туда партиями в 200–300 чел., раздевают донага и нагайками выгоняют из баржи в особую канаву, обнесенную колючей проволокой, там их расстреливают, а полуживых добивают топорами»²⁵.

В дальнейшем по стране прокатилась волна репрессий, которая не обошла и захлестнула и многих бывших уральских офицеров. Самым громким в отношении них является процесс 1931 г., когда 25 бывших офицеров во главе с полковником П. И. Хорошкиным были осуждены «за организацию в городах Уральске и Саратове контрреволюционных повстанческих групп с задачей подготовки вооруженного восстания для свержения Советской власти в момент интервенции против СССР со стороны западных капиталистических государств и белоэмигрантов»²⁶.

В общем, судьбы офицеров после окончания Гражданской войны и в дальнейшем сложились следующим образом:

- находилось в эмиграции – 53 человека, из них служили в иностранных частях в эмиграции – 6 человек (во Французской армии – 2 человека (Митрясов Д. А., Назаров Б. П.), в Китайской армии – 1 человек (Портнов Б. А.), в Персидской казачьей дивизии – 3 человека (Климов И. И., Мизинов А. Н., Фаддеев П. А.));
- вернулось из эмиграции – 2 человека;
- репрессировано (расстреляно) советскими властями – 158 человек, из них в 1918 г. – 3 человека, в 1919 г. – 5 человек, в 1920-х гг. – 70 человек;
- репрессировано в 1930-е гг. – 98 человек;
- служило в Красной армии после окончания Гражданской войны – 5 человек;

- неизвестна судьба после Гражданской войны – 305 человек;
- погибло в Великую Отечественную войну – 3 человека.

Первая мировая война стала последней войной для армии Российской империи и ее офицерского корпуса и фактически предопределила его трагическую судьбу. Прошедшие Первую мировую войну в большинстве своем сгинули в годы гражданской войны и эмиграции. Часть оставшихся в советской России была сразу казнена, часть использована для становления молодой Красной армии, другие заняли мелкие хозяйственные и административные должности. Но и сохранившие жизнь в основной своей массе за ненадобностью были уничтожены в годы репрессий по сфабрикованным делам как «негодные элементы старого мира».

Аничкины, Бородины, Бочкарёвы, Буренины, Быковы, Емурановы, Железновы, Жигалины... Этот список славных уральских фамилий можно продолжать долго. Все эти люди-воины достойны памяти. К сожалению, нет на уральской земле рукотворного памятника героям Первой мировой войны. Но пусть она сохранится в сердцах благодарных потомков.

Примечания

- ¹ Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатилетия благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича, 1700–1880 : в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1880. С. 191.
- ² Бобровский П. О. Двадцатипятилетие юнкерских училищ (20-го сентября 1864 по 1889 г.). СПб., 1889. С. 34.
- ³ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 10 т. М. : Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1996. Т. 2. С. 431.

УДК 02:9(с):32 с.

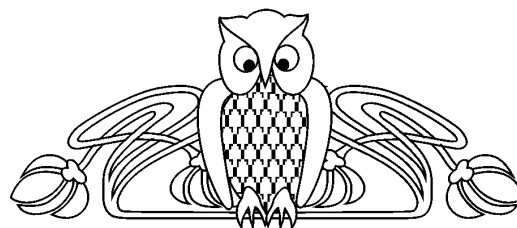
РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ЗАДАЧИ ВЛАСТИ И СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ 1920-х ГОДОВ

Н. В. Шалаева

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Работа посвящена проблемам формирования нового образа власти посредством советской печати 1920-х гг. В статье выделены проблемы, в рамках которых происходило становление нового образа власти; обозначены репрезентативные задачи власти. Автор проводит классификацию журналов, отражавших интересы советской власти в процессе формирования властного образа. Анализируя каждую группу журналов, автор показывает их специфическую направленность, подчеркивая общность задач советской печати.

- ⁴ См.: Уральское казачье войско. Наказной атаман. Всеподданнейший отчет Наказного атамана о состоянии Уральского казачьего войска по гражданской части. Уральск, 1915. С. 21.
- ⁵ См.: Уральские войсковые ведомости. 1914. № 86.
- ⁶ См.: Всеподданнейший доклад атамана Уральского казачьего войска за 1913 год. По военному ведомству. Уральск, 1914. С. 3.
- ⁷ Там же. С. 1.
- ⁸ См.: Уральские войсковые ведомости. 1914. 20 июля.
- ⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 3. Д. 215. Л. 146.
- ¹⁰ См.: Всеподданнейший доклад атамана Уральского казачьего войска за 1914 год. По военному ведомству. Уральск, 1915. С. 8.
- ¹¹ См.: РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 291. Л. 2–7.
- ¹² См.: Уральское казачье войско. Наказной атаман. Всеподданнейший отчет... С. 21.
- ¹³ Уральские войсковые ведомости. 1915. 23 июля.
- ¹⁴ Там же. 1916. 17 марта.
- ¹⁵ Уральское казачье войско. Наказной атаман. Всеподданнейший отчет... С. 16.
- ¹⁶ Уральские войсковые ведомости. 1914. 5 сентября.
- ¹⁷ См.: Уралец (Уральск). 1915. 4 февраля.
- ¹⁸ См.: Разведчик (Петроград). 1915. № 1303.
- ¹⁹ См.: Уральские войсковые ведомости. 1916. 21 февраля.
- ²⁰ См.: Уральские войсковые ведомости. 1914. 6 августа.
- ²¹ Приказы по Уральскому казачьему войску. 1916. С. 18.
- ²² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 381. Л. 45.
- ²³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 184. Оп. 9. Д. 20. Л. 37.
- ²⁴ РГВА. Ф. 184. Оп. 9. Д. 20. Л. 39–41.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 94 об.
- ²⁶ Архив УФСБ РФ по Саратовской области. Архивное уголовное дело ОФ-18707 (архивная справка).

Ключевые слова: культура, власть, образ власти, репрезентация, печать.

Representative Tasks of Power in Soviet Massmedia in 1920th

N. V. Shalaeva

In this article the author considers the problem of organization and development of soviet massmedia of the 1920, through the

representative tasks of power. Besides, we learn the peculiarities of massmedia development conditions. The author picks out the journals, which realize political tasks. He gives the characteristics of all the groups.

Key words: culture, power, authority image of authority, representative, press.

В своём развитии государство, обладая высшей политической властью, персонифицированные носители власти всегда стремились воздействовать на общество, на его сознание и психологию, конструируя собственный образ и представление о нем. При этом любое государство, в том числе и советское, на разных исторических этапах своего развития ставило перед культурой специфические задачи, реализация которых способствовала и формированию в сознании общества образа власти, и созданию новой идентичности – «советский народ». Носители власти, выстраивая сценарии и образы, способствовали формированию не только целостности их восприятия, но и механизмов формирования, что требовало активного обращения к культуре, привлечению ее на свою сторону, делало культуру одним из каналов влияния власти на общество. Наиболее продуктивной составляющей воздействия на общество стала массовая советская печать, в которой художественно-литературные журналы, отражавшие культурные процессы 1920-х гг., занимали лидирующие позиции.

Новая печать была призвана показывать на своих страницах начинания советской власти, формировать и пропагандировать посредством культуры советскую идеологию и представление о власти, способствовать конструированию советской идентичности, отвечающей ее потребностям, готовить собственные пролетарские писательские и художественные кадры и т. д. Репрезентативные задачи власти нашли своё отражение в необходимости посредством художественно-литературной печати представить власть в многообразии и масштабности её деятельности по строительству нового общества.

В условиях революционно-государственных преобразований и Гражданской войны лидеры партии, и в первую очередь Ленин, искренне считали, что немедленная национализация всех музеев, культурных памятников, издательств и газет поможет установить контроль над антиправительственными силами и будет способствовать утверждению новой культуры. Но реальность оказалась иной. В первые годы существования советской власти печать, как и вся культура, развивалась далеко не по советскому сценарию, отражая многообразие культурных процессов начала XX в., с одной стороны, и неоднозначность восприятия новой власти – с другой.

Во-первых, в конце 1910-х гг. в культуре ещё сохранялись традиции Серебряного века, которые по своим идейным позициям и методам художественной выразительности далеко не всегда

совпадали с потребностями и задачами власти, затрудняя большевикам формирование новых культурно-политических сценариев и выработку советской иконографии. Художественная, культурная жизнь страны в годы Гражданской войны во многом развивалась самостоятельно, зачастую вне зависимости от власти, и была инициирована самой революцией. В период революции в обеих столицах появляются новые творческие объединения – «Серрапионовы братья», «Понедельники» Дома искусства в Петрограде, «УНОВИС» (Утвердители нового искусства), – отражавшие во многом скорее тенденции начала века, чем задачи новой власти. Э. Багрицкий, написавший знаменитое когда-то стихотворение «Смерть пионерки», признавался, что его «повседневная работа – писание стихов к плакатам... была только обязанностью, способом добывать хлеб», тогда как истинные помыслы и художественные интересы были связаны с Серебряным веком, с легендой о граде Китеже¹.

Во-вторых, деятельность оппозиционно настроенной творческой интеллигенции противоречила лозунгам советской власти, разрушая формирующийся миф о ней и революции. Издательская деятельность М. Горького и его газета «Новая жизнь» критиковали большевиков, их лидеров Ленина и Троцкого за стремление ввести в России «социалистический строй по методу Нечаева», за их нетерпимое «отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия»². Декреты советского правительства о национализации библиотек и книгоиздательского дела вызывали у писателя резкое неприятие³. Горький считал, что эти действия новой власти приводят к фактическому разграблению и уничтожению библиотек и издательств. Обращаясь к тезису о том, что «пролетариат – творец новой культуры», он задается вопросом: в чем же выражается это творчество? Самосуд, грабежи, общий упадок культуры – вот что видит писатель в результате наметившейся культурной политики большевиков⁴. Для Горького революция, которую осуществили большевики, – грязь, голод, разруха, падение нравов, саморазрушение и уничтожение культуры. Эта неприглядная картина мира совершенно не совпадала с представлением писателя о революции. Горький, идеалы которого были, скорее, близки к политическим установкам Временного правительства, для большевиков оказывается гораздо умереннее, чем он представлялся до осени 1917 г. Позиция писателя была связана с традиционным для русской культуры представлением о революции как духовном, культурно-нравственном обновлении общества. Для большевиков Горький оказался еретиком, а не «певцом революции», чьи мысли, высказанные в печати, были убийственными для новой власти, что заставило её летом 1918 г. закрыть газету «Новая жизнь».

Помимо «Новой жизни» в революционный период в России 1920-х гг. выходили такие жур-

налы, как «Арс», «Абракас», «Дом искусств», «Знамя», «Россия» (в дальнейшем «Новая Россия») и др. Большая часть из них просуществовала год-два и была закрыта из-за отсутствия государственной поддержки и невозможности самостоятельно выжить. Другая часть журналов претерпела смену руководства, была взята под контроль государства, потеряв свою творческую самостоятельность и художественную индивидуальность. При этом надо отметить, что журналы не были в прямом смысле оппозиционными государству и власти. Но они и не отвечали интересам и потребностям власти и времени, не освещали событий времени. Так, например, «Арс» или «Записки мечтателей» публиковали произведения русских символистов и их последователей, что делало эти журналы далекими от революционной действительности.

Многие журналы возникли как реакция на утвердившуюся в годы Гражданской войны литературную монополию Пролеткульта. Но, несмотря на высокую активность литературно-политических, общественных и художественно-теоретических журналов, они не выполняли основную задачу в области литературы – создание образа новой власти и государства. Редакции и авторы этих журналов слишком увлеклись борьбой против художественной монополии Пролеткульта в творческой жизни страны, мало уделяя времени и места образу власти. Во всех журналах, пропагандировавших её интересы, активно публиковались новые поэты и писатели, творчество которых противостояло русской культурной традиции начала века.

В-третьих, деятельность советского правительства инициировала к жизни ряд объединений, которые Ленин определил как крайне левые – Пролеткульт, ЛЕФ и т. д. Длительное сохранение в культурно-художественной среде этих объединений, выпускавших одноимённые журналы, было обусловлено острой идейно-художественной дискуссией 1910–20-х гг., повлиявшей на формирование культурной концепции советской власти, активно участвующей в их разработке.

В целом это была достаточно пёстрая публицистическая печать, которая не в состоянии была полностью отразить репрезентативные потребности власти. Поэтому в период Гражданской войны и постепенного утверждения политической власти большевиков возникают, исходя из понимания роли культуры, журналы не только контролируемые, но призванные конструировать её образ в сознании и психологии общества, формировать новую ментальность и идентичность.

Все обозначенные тенденции художественного становления советской России развивались в первые годы пролетарского государства вполне самостоятельно, как результат внутренних культурных, творческих и политических процессов. При этом так называемое самодеятельное творчество народных масс в начале 1920-х гг. стало

настолько широким, а издательская деятельность – неподконтрольной, что, как следствие, перед властью встала проблема соотношения всего творческого многообразия с задачами собственной репрезентативности.

Уже в 1921 г. была окончательно введена монополия на издательскую деятельность. Постепенно всё художественное и журнально-газетное разнообразие к концу 1920-х гг. стало приобретать унифицированный характер. Следом за монополизацией издательского дела возникли первые цензурные организации, созданные при Наркомпросе: Главное управление по делам литературы и издательства, Главное управление по делам искусства и Главное управление политического просвещения. Постепенно эти организации стали контролировать культурную жизнь страны, определяя не только книгоиздательские процессы, но и репертуар театров, содержание постановочных пьес, сценариев кинофильмов и т. д. Так, в одном из журналов А. В. Луначарский представил схему управления культурой, которая стала типичной для советской власти в 1920-е гг. и разрасталась по мере унификации культурной жизни⁵.

Какие бы функции ни выполняла каждая из структур Наркомпроса, основная задача и цель их деятельности была связана с выявлением всего нового, что возникало в искусстве, и установлением руководства над этими процессами. Пристальному контролю подвергались даже произведения и киносценарии А. В. Луначарского. Так, например, ведя переписку с Госкино, он получил рецензию, где по пунктам был сделан анализ всех героев его киносценария, давались советы по сюжетным линиям, по характерам и деятельности героев⁶. Нарком не только соглашался с указаниями, данными цензорами, но и исправлял свои сценарии в соответствии со сделанными замечаниями. Столь пристальный контроль культуры способствовал выработке определенных канонов и образа власти, ее деятельности как в литературе, так и в изобразительном искусстве. В одной из своих статей Луначарский, говоря о сценарном кризисе, отметил, что любой сценарий должен быть «политически актуален, т. е. соответствовать социальному заказу и требованиям, которые предъявляет к современному кинематографу партия и советская общественность...»⁷.

Одним из первых механизмов регулирования художественно-литературной жизни страны стала организация художественных и литературных изданий, инициированных властью. Так появляются журналы «Звезда», «Искусство трудящимся», «Знамя», «Кино-фронт», «Кино-неделя» и др. В большинстве случаев должности главных редакторов или издателей данных журналов занимали либо видные представители партии, либо пролетарские писатели, поэты. Так, например, под редакцией А. В. Луначарского выходило сразу несколько журналов («Искусство трудящимся»,

«Красная Нева», «Новый мир»). В других журналах он был членом редколлегии и активно в них печатался. В качестве главных редакторов в журналах работали известные поэты Д. Бедный, В. Маяковский, О. Брик («ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ») и др. На страницах журналов велись дискуссии по вопросам предназначения нового искусства, которые были достаточно далеки от простого читателя, мало разбирающегося в сложностях литературной теории; здесь публиковались постановления Совнаркома по вопросам культуры и материалы о международном рабочем движении и Коминтерне («Знамя»); большое внимание уделялось самодеятельному творчеству трудящихся.

В начале 1920-х гг. появляются специализированные журналы, которые можно классифицировать по социальной направленности, виду художественной деятельности, уровню теоретизации, художественным организациям и концептуально-художественной деятельности. По своей внутренней структуре журналы периода становления советской власти были однотипны. Все издания обязательно включали в качестве первого раздела – не всегда выделенного как такового, иногда обозначенного как редакционные статьи, – материалы партии по вопросам культурной политики. Этот раздел фактически задавал тон всему номеру. В журналах литературно-общественного характера обязательно содержались разделы, посвященные общественно-политической жизни страны, публиковались статьи теоретиков марксизма, в некоторых («Знамя» и «Звезда») – материалы о международном рабочем движении и т. д. Если это были журналы социально-ориентированные, то в них печатались материалы о жизни крестьян или рабочих, освещались достижения в области социальной политики, что придавало литературно-художественным публикациям весомость. Они как бы подтверждали на эмоциональном уровне масштабность политических процессов, правильность партийно-государственного курса.

Издательская деятельность в 1920-х гг. носила нерегулярный характер, поэтому не было четкости и периодичности выпуска номеров. Так, например, журнал «Дом искусств» выходил активно только в 1920–21 гг. Журнал «Жизнь» издавался в 1922 и 1924 г. под разными редакциями – В. Язвицкого и Д. Бедного, – каждый из вариантов просуществовал примерно около года. «Новый мир» в первой половине 1920-х гг. выходил под редакцией В. Бахметьева (единственный номер вышел в 1922 г. в Москве) и только под редакцией наркома А. Луначарского в 1925 г. и В. Полонского в 1926 г. получил право на длительное существование, став в дальнейшем ведущим журналом страны. Журнал «Звезда», до сих пор издаваемый в Петербурге, первоначально также не был регулярным. Но в середине 1920-х гг. «Звезда» приобретает характер марксистского журнала, что дало ей право на государственную поддержку

и периодичность издания. Те журналы, которые либо сохраняли позиции чистого искусства, либо по своему характеру были далеки от государственных интересов и задач, выходили на средства самих авторов и не могли просуществовать долго. Так, в начале 1920-х гг. прекратили свое существование журналы «Записки мечтателей», где публиковались русские символисты, «Маковец», «Наш путь» (журнал левых эсеров), «Петербург» (выходивший под редакцией В. Шкловского), «Россия» («Новая Россия», главный редактор И. Лежнев), «Творчество» (главные редакторы А. Серафимович и В. Фриче). Последний журнал, хотя и редактируемый советскими писателями, был снят с государственной дотации в 1922 г. и оказался неспособным выдержать экономические проблемы времени и др.

Инициированные самой властью журналы были призваны отражать только успехи власти, единство народа в восприятии и реализации государственных задач. Оппозиционность преподносилась не как образ сомневающегося человека, не во всём согласного с партией, а как образ врага, с которым надо бороться. Поэтому если на страницах журналов и публиковался какой-либо материал, то под заголовком «Убийство селькора!», а сам факт убийства преподносился как деятельность внутреннего врага. Попытаться же проследить изменение настроений в обществе, колебание и изменения простых людей по этим журналам не представляется возможным. Те издания, которые в той или иной степени высказывали сомнения по проблемам состояния и развития современной культуры, литературы, как правило, долго не существовали. Примером тому могут послужить и газета М. Горького «Новая жизнь», и журнал «Дом искусства». Последний фактически был закрыт (хотя и вышел еще один номер) после публикации статьи Е. Замятина «Я боюсь», где автор высказал свои сомнения по вопросам развития литературы: «Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь – я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: её прошлое»⁸.

К первой группе советской прессы относятся журналы, ориентированные на рабочих, крестьян или красноармейцев⁹. Эти журналы были далеки от теоретизации, восприятие их материала должно было соответствовать культурно-образовательному уровню читателей. В то же время они были призваны реализовать образ государства, заботящегося о развитии творческого потенциала простого человека, в духе лозунга времени: «Искусство – в массы!». Поэтому на их страницах активно печатались начинающие поэты и писатели, выходцы из рабоче-крестьянской среды, причем становится практически не важно, какой художественный уровень имеют эти произведения. Цель одна – вызвать читательские симпатии

и сформировать идею заботы о людях со стороны государства.

Особое место в этом ряду занимают журналы, отражающие творчество трудящихся. Определенный интерес представляют издания рабоче-крестьянской направленности, одним из которых является «Жернов. Крестьянский литературно-общественный журнал». Власти нужна была не только пресса определенной идеологической направленности, но и авторы, которые смогли бы посредством художественного слова ярко, просто и доступно донести до сознания людей образ советской власти. Необходимы были крестьянские и пролетарские поэты и писатели. Журналы «Жернов», «Новый мир», «Звезда» и другие должны были на своих страницах вести поиск талантливых самородков-писателей и поэтов из рабоче-крестьянской среды. С этой целью в 1924 г. было создано Всероссийское общество крестьянских писателей. Его деятельность была связана с «объединением Крестьянских писателей, проживающих на территории РСФСР <...>, созданием наилучших условий для идеологического оформления под руководством ВКП(б) творческой деятельности крестьянских писателей. В большинстве своем выходящих из рядов сельских корреспондентов; усовершенствование Крестьянских писателей в литературном художественном творчестве; направление творческой деятельности Крестьянских писателей на воспитание и культурное обслуживание деревни и на подготовку её к выполнению исторических задач, стоящих перед революционным пролетариатом и крестьянством»¹⁰. С учетом того что устав общества был опубликован в 1927 г., совершенно очевидной становится установка партии на подготовку крестьянства к необходимости проведения коллективизации. Данная задача была завуалирована и не прослеживалась так явно. Очевидным было то, что деревню захлестнула волна графомании. В журнале печатались практически любые статьи, рассказы, поэтические произведения селькоров. Неумело и коряво написанные, эти статьи и стихи несли в себе элементы нового понимания власти, её задач и образа.

На страницах журналов данного типа с середины 1920-х гг. через личностное восприятие постепенно начинает формироваться персонафицированный образ власти, связанный с культом Ленина и нашедший свое отражение во многих художественных журналах. Всплеск интереса к Ленину как некоему образу для поклонения начинается с его болезни и постепенного отхода от активного руководства государством. Но истоки формирования культа вождя можно увидеть как в более раннем периоде истории Советского государства, так и в его предыстории¹¹. Уже в 1918 г. Троцкий и Зиновьев наделяли Ленина титулами «провидец», «апостол мировой революции», а фраза американского фантаста Г. Уэллса о «кремлевском мечтателе» стала символом устремлений советской власти, сконцентрированных в воле

одного человека. Формирующаяся советская литература также приложила немало усилий к формированию образа Ленина-вождя. В дискуссиях о пролетарской советской культуре базовой точкой являлись статьи Ленина, оперирование цитатами из них, подводившие к пониманию того, что только Ленин точно знал, какая нужна литература, культура в целом. Тем самым создавалось понимание и энциклопедичности «вождя мирового пролетариата», его всеобъемлющего знания, которое начинает восприниматься как истина в последней инстанции.

Своего апогея культ Ленина достиг в период его тяжелой болезни и после смерти основателя Советского государства. Массированный поток информации о болезни Ленина, постоянно публикуемые бюллетени самочувствия вождя, демонстрация документальных кинолент, запечатлевших его здоровым, не могли не сказаться на психологии простого человека. Образ величайшего человека, сумевшего заглянуть в будущее (как, например, был выписан Ленин в «Хождении по мукам» А. Толстого), или великого рулевого (в стихотворении С. Есенина «Письмо к женщине»), гения, поднявшего на борьбу мировой пролетариат, становится ведущим в понимании образа власти.

Но если при жизни, пока ещё это было возможно, Ленин сопротивлялся подобной репрезентативности собственного образа, то его смерть открыла неограниченные возможности для развития культа вождя¹². В газетах и журналах объявляются конкурсы по созданию мавзолея и лучшего скульптурного портрета Ленина, ход которых широко освещался в прессе и при помощи селькоров в деревне, агитотрядов и т. д. При этом на первый план выходит задача создания образа не только вождя мирового пролетариата, но и простого, близкого и понятного разуму полуграмотного рабочего или крестьянина человека. Впервые эта идея прозвучала в одной из статей Е. Сосновского, опубликованной после смерти Ленина в газете «Правда» от 27 января 1924 г. Ленин, по его мнению, имел два лица – «одно – обращенное к грядущим десятилетиям <...> Второе – это Ильич»¹³. Этой статьей во многом было положено начало развитию образа Ленина в двух ипостасях, одна из которых представляла официальную партийную позицию, а другая должна была отражать бытовое понимание вождя, столь характерное для незатейливого сознания рабочего и крестьянина. Достижению этой цели служили конкурсы. Так, например, журнал «Искусство трудящимся» не просто освещает конкурс скульптур, но и обосновывает выбор той или иной работы. «В скульптурной работе М. А. Менделевича обращает на себя внимание удачной передачей той интимной теплоты облика, того неповторяемо своеобразного “освещения” лица <...>. Отсюда и <...> та концепция живого, обыденно-близкого <...> портрета»¹⁴.

Таким образом, власть практически открыто словами своих корреспондентов говорит о необходимости создания образа-легенды, который максимально отражал бы «привычное представление о Ленине масс». Это приводит к тому, что портреты Ленина присутствуют как оформление на страницах журналов, появляются первые монументальные скульптурные портреты, которые ставят на улицах многих городов. Возникает и кинография Ленина, кадры из которой печатаются в тех же журналах. Постепенно формируется хорошо знакомое нам каноническое представление о Ленине – вожде, кормчем, великом теоретике и практике революции, завершившееся к концу 1920-х гг. В дальнейшем встала задача увязать образы Ленина и Сталина в единое целое и выстроить иконографические каноны нового лидера партии и государства.

Журналы активно помещают стихи о вожде мирового пролетариата. Анализируя периодическую печать, можно заметить одну любопытную деталь: с середины 1920-х гг. стихи, посвященные Ленину, и статьи И. Сталина публикуются в номерах вместе. Продуманный Сталиным механизм воздействия на сознание крестьян приводит к тому, что в массах рождается уверенность в единстве мыслей и действий этих лидеров партии, в их преемственности.

Образ Ленина, формируемый на страницах журналов, достаточно разнообразен и многовариантен. Это свидетельствует о том, что официальная иконография еще не устоялась и не были выработаны единые каноны образа Ильича. После смерти Ленина в различные газеты и журналы шли огромным потоком посвященные ему стихи. Так, например, в «Жернове» была напечатана поэма «Володимер Ильич», написанная в жанре былины, где Ленин предстает могучим русским богатырем наподобие Ильи Муромца, радующегося о земле русской и не побоявшегося пойти на «вою проклятого».

Как во городе Симбирск, за Волгой-рекой
У матерего мужика, – у Ульянова
Родился сынок – Володимер звать –
Ильичем величать по изотчеству.
И стал Володимер расти-матереть,
Набираться стал ума-разума
Ума-разума, да силы богатырския.
И видит Ильич как народ живет,
Как князья со боярыми его мучают,
Обирают мужиков вплоть до ниточки¹⁵.

Среди потока рассказов и стихов о Ленине постепенно формируются два основных иконографических типа изображения Ленина: великий вождь мирового пролетариата и «самый человеческий человек».

Знакомый рупор Капитана
Пловцов к бесстрашью призывал.
И каждый знал: рукой упорной,
Родной рукой ведет к земле...¹⁶

Знаменательным с точки зрения понимания ленинианы является рассказ И. Горюнова «Никишкины волнения», в котором рассматривается вторая ипостась образа Ленина. В рассказе Ленин выступает в роли доброго, мудрого, всепонимающего учителя и друга всех крестьянских детей. Главный герой рассказа очень напоминает толстовского Филиппка, которому снится сон, будто в избу к нему пришел сам Ленин. «Слышал учиться хочешь бросить? Ай, как плохо <...>. Вся надежда была на тебя. Радовался: помощь растет <...>. Пропадут мои труды даром <...>»¹⁷. На страницах журнала рассказ сопровождался иллюстрациями работы художников из Ассоциации художников революционной России – АХРР (Н. Струшников «Октябрята», Н. Терпсихоров «Ликвидация неграмотности в деревне»). Эти приемы психологического воздействия на сознание малограмотного крестьянина-читателя создавали, таким образом, законченное образное восприятие персонифицированной власти. Ленин постепенно становится в сознании человека образом не каким-то отвлеченным, а близким, понятным и родным.

Другим крупным журналом власти был «Искусство трудящимся». Большую роль в развитии такого издания сыграла резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», опубликованная в «Правде» от 1 июля 1925 г. Сохраняя революционную фразеологию, объявляя главной целью работу о развитии творчества трудящихся и охрану от монополизации культурной деятельности какой-либо литературной группой (в первую очередь имелся в виду Пролеткульт), власть в лице партии обозначила один из механизмов влияния и контроля над культурой – «марксистскую критику», осуществляемую партией¹⁸. К концу 1920-х гг. появляется журнал Главискусства «Искусство», где уже в первом номере в редакционной статье, написанной А. Луначарским, определена цель издания – «руководить в государственном порядке художественной жизнью страны»¹⁹. Луначарский прекрасно понимает, что искусство – механизм «выработки собственного своего образа и в деле мощного воздействия на другие классы», поэтому партия должна взять на себя роль помощника искусства. «Наша партия, устами своего ЦК, создает <...> вполне живую платформу в области литературы, которая легко может быть применена к искусству»²⁰.

Многие общественно-художественные журналы (в данном случае показательным является сам характер этих изданий, степень общественного воздействия которых ценилась и имела большее значение, чем художественная сторона) на своих страницах активно разъясняли роль постановления ЦК ВКП(б) как «вносящего ясность и определенность по отношению к пролетарской и крестьянской литературе и выявляющего отношение партии к молодым подлинно-классовым советским писателям»²¹.

Это был шаг по установлению контроля и регламентации художественной жизни страны, было четко показано превращение культуры, с одной стороны, в часть государственного механизма функционирования, а с другой – в механизм социального контроля над обществом и, в первую очередь, над интеллигенцией. Культура как механизм социального контроля советского общества должна была отныне предусматривать привитие этому обществу определенных жизненных ценностей, необходимость консолидировать его вокруг этих ценностей, одной из которых был образ власти и ее лидера-вождя.

Журналы второй группы, выделенные по художественной направленности, активно появляются в середине 1920-х гг.²². Наиболее распространенными были журналы, посвященные кино- и изобразительному искусству. Информация, помещенная в них, способствовала эмоционально-образному восприятию власти. Но в то же время власть активно вмешивается в процесс собственной репрезентативности. Поэтому через подобные журналы прослеживается определенный диктат партии как носителя государственной власти. Так, например, борясь за чистоту киноискусства, власть начинает достаточно настойчиво рекомендовать сюжеты кинокартин или художественных полотен. При этом создавался механизм активного участия зрителя в создании кинокартины. Так, например, в середине 1920-х гг. «Культ-кино» попыталось внедрить в свою практику механизм создания кинофильмов для деревенского зрителя. Для этого из разных областей и республик приглашались в Москву ходоки-крестьяне из низовых организаций. Перед крестьянами зачитывался доклад, разъясняющий суть сценария, в ходе дискуссии выявлялись художественные пристрастия выходцев из народа (так, например, комические сюжеты ими воспринимались лучше, чем драматические). Итогом такого собрания было одобрение сценария фильма. Правда, эта практика коллективного обсуждения для власти оказалась громоздкой и нерентабельной, поэтому она не получила широкого применения, хотя такие попытки делались регулярно. Но как факт стремление к соединению собственных репрезентативных задач и контроля крестьянской среды, безусловно, присутствует²³.

На страницах журналов публикуются рассказы о новой жизни, о первых стройках индустриализации, о новых фильмах, выходящих на киностудиях СССР. Это приводит к тому, что появляются новые издания («Кино-фронт», «Кино-неделя» и др.), посредством которых государство начинает контролировать и кинопродукцию. На страницах журналов освещались новинки кино, помещались критические статьи. К 1927 г. прослеживаются достаточно жесткие установки на то, как и что надо снимать, рассматриваются вопросы социальной значимости киноработ (например, фильма «По закону»). На страницах изданий помещаются лозунги, напоминающие

творческой интеллигенции на кого и как им необходимо работать: «Режиссёры, операторы, актеры, сценаристы, кинокритики – все советские киноработники! Не забывайте об основном потребителе кино – рабочем и крестьянине. Помните, что кино должно быть активным участником строительства социализма в нашей стране!»²⁴. В середине 1920-х гг. начали снимать достаточно большое количество социально и идеологически значимых картин: «Мать», «По закону», «Октябрь», «Москва», «Предатель», «Мис-Менд» и др.

Постепенно именно кино становится основой механизма пропаганды и сценария власти. «Кино – важнейшее из всех искусств <...>. Нужно продвигать здоровое кино в городе, и особенно в деревне. Нужен внимательный подбор кино-лент и изучение зрителя <...>. Важно значение кино в пропаганде и индустриализации страны»²⁵. Для власти необходимо было формирование образа, связанного с заботой о народе, стремящегося к единению с ним, к народной поддержке. Поэтому если говорить о периодике этого времени в целом, то на страницах журналов публиковались фото массовых сцен – «Утренник АРК. Вокруг педагога», «С мамашей» – или кадры из жизни и быта рабочих и крестьян России.

Журналы третьего типа – теоретического характера – были инициированы властью с целью формирования методологической базы культуры, художественного и литературного творчества. Редактором или членом редколлегии таких журналов непременно был А. В. Луначарский²⁶.

Самой же власти необходимы были журналы, со страниц которых она проводила бы свою политику в области культуры, воздействуя на неё, давала бы четкие установки и могла выстраивать контроль многообразия культурной жизни страны. Столь утилитарный подход к культуре, в частности к литературе и искусству, отражал понимание властью места и роли культуры в жизни общества. По мнению советского руководства, которое во многом было сформировано под влиянием идей Ленина, культура есть нечто ненужное, лишнее с точки зрения революционной необходимости. Культура должна приносить конкретную практическую пользу обществу как пропагандист идей власти.

С этой целью в 1923 г. в свет выходит первый номер ежемесячного теоретического журнал «Искусство» Российской академии художественных наук, в издании которого большую роль сыграл Луначарский, – именно здесь он публиковал свои теоретические работы по искусству, обосновывая превосходство большевистской марксистско-ленинской идеологии как основы художественного творчества и методологии. В первом номере им были определены задачи академии и журнала: «быть экспертно-консультативным органом при высшем государственном учреждении. Руководить художественной жизнью страны...»²⁷. Их возникновение Луначарский обосновывал «потребностью в глубоком подходе ко всем проблемам искусства, идее создания компетентного

органа, который мог бы стать центром художественной мысли страны, эта идея и эта потребность могли получить реальное осуществление с того момента, когда советское правительство, отстояв свою независимость..., получило возможность подойти к задачам культурной жизни в полном понимании»²⁸. В этой фразе, по сути, заключается объявление курса правительства на установление определенного контроля художественной жизни страны. Журнал стал одним из первых реальных проводников формирования механизма воздействия на общество и реализации репрезентативных потребностей власти.

Последнее направление периодической печати представляют журналы, отражающие интересы и эстетические концепции различных литературных объединений, существовавших в 1920-е гг. (Пролеткульт. 1919–1921 гг., Красная новь. 1921–1922 гг.; Кузница. 1920–1923 гг.; ЛЕФ. 1923–1925 гг.; Новый ЛЕФ. 1925–1927 гг.). Необходимость исследования данной группы журналов была обусловлена поиском и отражением объективности событий 1920-х гг. На страницах этих журналов шла острая полемика по различным вопросам: о содержании и задачах искусства, о понимании задач партии по культурному строительству, о формировании собственных эстетических позиций и «борьбы» с властью за культурно-политическую самостоятельность журналов. Во многом это были теоретические дискуссии, способствовавшие формированию литературных концепций и моделей того времени, отражавших острую борьбу за литературное лидерство, которое давало определенные возможности для утверждения собственного положения в культуре в целом.

Борьба, развернувшаяся вокруг позиции Пролеткульта и его литературной концепции, была сведена к борьбе этой организации с Совнаркомом за определение лидерства. Пролеткульт стал порождением и отражением левых тенденций в самой партии, посягнув на ее первенство в литературе. Фактически каждый из журналов был отражением и защитником той или иной культурной концепции. Пролеткульт, отстаивая материальную модель культуры, оказался наиболее «непреодолим и в определенном смысле вечен, ибо вещное – один из атрибутов культуры»²⁹. Устранив Пролеткульт как мощного соперника, власть постепенно свела на нет и издательскую деятельность других журналов, участвовавших в этой дискуссии, свернув всё многообразие издательской деятельности в 1920-х гг. и придав ей унифицированный характер.

Примечания

- ¹ Багрицкий Э. Автобиография // Советские писатели. Автобиографии : в 7 т. М., 1966. Т. 3. С. 34.
- ² Горький М. Несвоевременные мысли. М., 2004. С. 254, 247.

- ³ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 14, 31, 39, 52, 86 и др.
- ⁴ См.: Горький М. Указ. соч. С. 264–167.
- ⁵ Луначарский А. В. Не пора ли организовать Главискусство // Искусство трудящимся. 1921. № 3. С. 4.
- ⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 142. Оп. 1. Д. 585. Л. 3 (далее – РГАСПИ).
- ⁷ Там же. Д. 521. Л. 54.
- ⁸ Замятин Е. Я боюсь // Дом искусства. 1921. № 1. С. 43–45; Литературная критика. Публицистика. Биографии и мемуары. М., 1999. С. 169.
- ⁹ Жернов. Ежемесячный литературный и художественный журнал. 1920-е гг.; Искусство трудящимся / под ред. А. В. Луначарского. 1920-е гг.; Карусель. Журнал юмора, сатиры и литературы. 1924 г.; Красноармейская эстрада. 1920-е гг.
- ¹⁰ Устав Всероссийского Общества Крестьянских Писателей // Жернов. 1927. № 8. С. 25.
- ¹¹ Правда. 1924 г. 27 января.
- ¹² См. Энкер Б. Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5. С. 191–205.
- ¹³ Искусство трудящимся. 1924. № 4–5. С. 19.
- ¹⁴ Луначарский А. В. О задачах академии и ее журнала // Искусство. 1923. № 1. С. 7.
- ¹⁵ Новоконионов И. Володимир Ильич // Жернов. 1926. № 4. С. 10. В журнале дана пометка, что «былина исполняется сказителем тов. Северского под гусли».
- ¹⁶ Кочетков А. Капитан (памяти Ленина) // Жернов. 1927. № 9–10. С. 1.
- ¹⁷ Горюнов И. Никишкины волнения // Там же. С. 5.
- ¹⁸ Правда 1 июля 1925 г.; Власть и художественная интеллигенция. Документы 1917–1953 г. М., 1999. С. 53–57.
- ¹⁹ Искусство. 1929. № 1. С. 3.
- ²⁰ Там же. С. 4.
- ²¹ Деев-Хомяковский Г. О политике партии в области художественной литературы // Жернов. 1925. № 2. С. 2.
- ²² Жизнь искусства. 1920–30-е гг.; Кино-неделя. 1925 г.; Кино-фот. Журнал кинематографии и фотографии. 1922–1923 гг.; Кино-фронт. 1926–1927 гг.; К новым берегам. Журнал музыкального искусства. 1923 г.; Музыка и быт. Массовый музыкальный журнал. 1927 г. и т. д.
- ²³ Опыт создания научной фильма для крестьянского кино-зрителя // Кино-фронт. 1927. № 1. С. 6–7.
- ²⁴ Болтянский Г. Кино, наследство Ленина и наши задачи // Кино-фронт. 1927. № 2. С. 2.
- ²⁵ Энкер Б. Указ. соч. С. 191–205.
- ²⁶ Искусство. Журнал Российской академии художественных наук. 1920–1930-е гг.; Литература и искусство. Журнал марксистской критики и методологии. 1930–1931 гг.; Литература и марксизм. Журнал теории и истории литературы. 1928–1930 гг.
- ²⁷ Луначарский А. В. О задачах академии... С. 7–8.
- ²⁸ Богданов А. Очерки организационной науки. М., 1919. С. 10.
- ²⁹ Богданов А. Вопросы социализма. М., 1990.

УДК 9: 333С

ОСОБЕННОСТИ КОЛХОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1950–1960-е годы

О. В. Шлыкова

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: shlykova-olga1@mail.ru

Статья охватывает период 1950–1960-х гг. как время перехода сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Опираясь на работы отечественных историков, используя обширный источниковый материал, автор стремится осветить неоднозначность и противоречивость государственной политики в области колхозного производства.

Ключевые слова: история, колхозное производство, сельское хозяйство.

Features of Collective Farming, 1950–1960

O. V. Shlykova

The article covers the period 1950–1960. how the transition of agriculture to intensive development. Drawing on the work of local historians, using a wide of source material, the author seeks to highlight the ambiguity and contradictions of state policy in the collective-farm production.

Key words: history, collective production, agriculture.

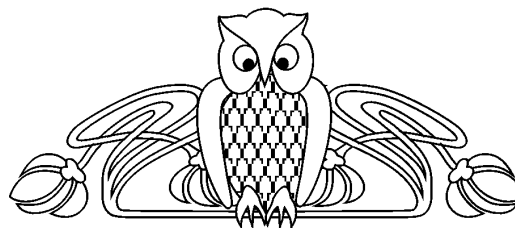
Крестьянский вопрос всегда был необычайно важным для России: она веками оставалась аграрной страной, а крестьянство – ее жизненной основой.

В контексте советской истории отправной точкой для новой аграрной эволюции стало формирование колхозно-совхозной системы, где колхозы выступали разновидностью сельскохозяйственной кооперации.

Серьезный урон сельскому хозяйству – основе жизнеобеспечения страны – нанесло военное лихолетье 1941–1945 гг. К первому мирному году деревня, особенно в центральных районах страны, пришла экономически ослабленной, изнемогающей под тяжестью налогов и мобилизаций военного времени. Резко упал уровень ее материально-технического обеспечения. Невосполнимой была потеря миллионов сельских тружеников – представителей первого поколения колхозного крестьянства. Основной рабочей силой в колхозах стали женщины, подростки и старики¹.

В 1945 г. валовая продукция сельскохозяйственного производства не превышала 60% довоенного уровня. Усугубила и без того тяжелое положение на селе засуха 1946 г., ставшая причиной сильного голода².

Положение в сельском хозяйстве требовало серьезной программы его реформирования. Однако государство не располагало достаточными ресурсами для осуществления масштабных преобразований. В государственной политике стра-

ны сельскохозяйственная отрасль по-прежнему рассматривалась как источник для выкачивания средств, поступающих в промышленность. За счет неэквивалентного обмена из деревни в 1946–1953 гг. изымались огромные средства. В сельском хозяйстве за эти годы был получен национальный доход на сумму 298 млрд рублей, а использовалось на нужды деревни из этой суммы только 193 млрд рублей³.

Усиление административного и налогового нажима на деревню порождало недовольство со стороны колхозников. Однако это не сказывалось негативно на трудовой активности крестьянства. Стимулом к активизации усилий колхозников не был только страх, сохранялись надежда на скорое улучшение положения в деревне, понимание послевоенных трудностей.

Вместе с тем в 1949–1953 г. сельское хозяйство страны продолжало оставаться в бедственном состоянии, что отрицательно сказывалось на развитии экономики в целом. В этих условиях реформирование аграрного сектора становилось неотложной задачей.

В последние годы сталинского правления предпринимались попытки придать новые импульсы развитию экономики за счет укрепления ее социальной направленности, ускоренного развития легкой промышленности и сельского хозяйства. Однако в условиях сталинского видения роли сельского хозяйства как источника развития промышленного производства реализовать модернизационные мероприятия было затруднительно.

Весной 1953 г. после смерти И. В. Сталина «окно возможностей» для социально-экономических перемен в стране расширилось. Определенную новизну несли в себе инициативы нового председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова, связанные с необходимостью перенесения центра тяжести на развитие аграрного сектора и легкой промышленности, что могло в короткий срок улучшить благосостояние населения.

В августе 1953 г. Г. М. Маленков, опираясь на предложения Министерства финансов СССР, поддержанные Министерством сельского хозяйства СССР, первым публично объявил о снижении налогов с крестьян. По его докладу сессия Верховного Совета страны приняла закон о сельхозналоге по твердым ставкам с 0,01 га приусадебной земли «независимо от общей суммы

доходов хозяйств колхозников»⁴. Одновременно со снижением налога в 2,5 раза были повышены заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель, овощи, «сдаваемые колхозами государству в плане обязательных поставок»⁵. Эти решения, принятые с участием Н. С. Хрущева, предвосхитили основополагающие идеи аграрной программы, одобренной в сентябре 1953 г.⁶ Как справедливо подчеркивают исследователи, именно в этот период были заложены основы успехов первых лет хрущёвского времени⁷.

Многие инновации последних сталинских лет – в развертывании строительства коммунизма, подъеме колхозной собственности до уровня общенародной, ликвидации жилищной нужды, необходимости укрепления благосостояния народа – в годы хрущёвского правления обрели «второе дыхание»⁸.

Новый курс аграрной политики страны, принятый на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, нацеливал не только на организационно-хозяйственное, но и на экономическое укрепление сельского хозяйства. Эти решения стали основой для последующего значительного роста суммы и доли капиталовложений в развитие колхозного производства.

Пленум также впервые поставил вопрос о материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в развитии производства. В соответствии с его решениями были существенно повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, снижены нормы обязательных поставок продукции личными подсобными хозяйствами, предусмотрены твердые суммы их налогообложения.

В докладе на пленуме Н. С. Хрущёв отметил необходимость преодоления бюрократических методов руководства сельскими коллективами, наделения колхозов хозяйственными правами. Эти меры, безусловно, способствовали укреплению экономики колхозов.

Расширению хозяйственной самостоятельности колхозов способствовало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятое в марте 1955 г., «Об изменении практики планирования сельского хозяйства», согласно которому из множества плановых показателей до сельскохозяйственных предприятий должны были доводиться только планы заготовки продуктов полеводства и животноводства⁹. Эта мера в исследуемое время воспринималась в качестве революционной.

В 1949–1953 гг. централизация руководства сельским хозяйством достигла апогея. Жизнь колхозников регулировалась Примерным уставом сельхозартели 1935 г., которым регламентировались практически все хозяйственные работы. Председатель колхоза был объектом для бесконечных взысканий, угроз предать суду, брани. Ни о какой самостоятельности, свободе выбора решений председатель, органы колхозного управ-

ления и думать не могли. Колхозы буквально задыхались от многочисленных предписаний, однако плоды этих административных мер были мизерными. Производительные силы сельского хозяйства наглядно демонстрировали, что насилие им противопоказано¹⁰. Система планирования сельского хозяйства с чрезмерной централизацией и большим количеством показателей, установленных для колхозов, приводила к нерациональному ведению хозяйства.

В марте 1956 г. был сделан еще один шаг. Колхозам было предоставлено право самим дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артели устава с учетом местных конкретных условий¹¹. Появление некоторой самостоятельности у колхозов благоприятно отразилось на росте сельскохозяйственного производства.

В 1957 г. стартовала управленческая перестройка, инициированная Н. С. Хрущёвым. В ходе ее реализации были образованы экономические районы, управляемые совнархозами. Эта мера должна была также способствовать децентрализации, дебиюкратизации экономики страны, расширению полномочий местных органов управления.

Новый курс открывал перспективы для перехода сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Однако этот курс в исследуемый период не был реализован. Выбор пути ведения хозяйства на практике определялся реальными возможностями страны. Хозяйствование на интенсивной основе требовало больших материальных затрат, а также накопления знаний и опыта. Для перехода на него требовался достаточно продолжительный период времени¹².

Между тем в стране по-прежнему остро ощущалась нехватка зерна. Неплохо зная сельское хозяйство, Н. С. Хрущёв считал невозможным дальнейшее развитие экономики без первоочередного решения продовольственной проблемы. Вместе с тем он отдавал себе отчет в том, что перераспределение ресурсов за счет ВПК и тяжелой индустрии в пользу сельского хозяйства не допустит военное и промышленное лобби.

Этим обстоятельством современные исследователи объясняют перемещение вектора аграрной политики Советского государства в сторону освоения целинных земель – меры экстенсивного характера¹³. По своему замыслу эта программа была призвана в сжатые сроки решить проблему производства зерновых. На февральско-мартовском (1954 г.) пленуме ЦК увеличение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель на востоке страны – в Казахстане, Западной Сибири, в Поволжье, на Урале – было признано основным направлением развития сельского хозяйства.

Ныне сохраняет дискуссионный характер вопрос об экономической целесообразности данной меры. По мнению ряда исследователей, прирост

в сельском хозяйстве можно было получить за счет повышения урожайности на уже освоенных землях¹⁴. Существенно изменить ситуацию могло применение минеральных удобрений, других средств для обработки полей и сохранения урожая. Однако в 1950-е гг. СССР производил лишь 1236 тыс. тонн минеральных удобрений. Такое количество удобрений, по мнению специалистов, считалось недостаточным для решения зерновой проблемы и создания прочной кормовой базы животноводства¹⁵.

Примечания

- ¹ См.: Волков И. М. Деревня СССР в 1945–1953 гг. в новейших исследованиях историков // Отечественная история. 2000. № 6. С. 116.
- ² См.: Пыжиков А. В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущёвских реформ // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 36.
- ³ См.: Волков И. М. Указ. соч. С. 119.
- ⁴ Маленков Г. М. О неотложных мерах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа // Заседания Верховного совета СССР (Пятая сессия). 5–8 августа 1953 г. : стенограф. отчет. М., 1953. С. 269.

- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001. С. 52.
- ⁷ См.: Зубкова Е. Ю. После войны: Маленков, Хрущёв и «оттепель» // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 284.
- ⁸ См.: Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 40.
- ⁹ См.: КПСС в резолюциях партийных съездов. 8-е изд. Т. 7. М., 1971. С. 52–53, 55.
- ¹⁰ См.: Денисов Ю. П. Аграрная политика Н. Хрущёва: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 117.
- ¹¹ См.: КПСС в резолюциях партийных съездов. 8-е изд. Т. 7. М. 1971. С. 187.
- ¹² См.: Шестаков В. А. Политика Н. С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 116.
- ¹³ См.: Шестаков В. А. Указ. соч. С. 114 ; Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 83.
- ¹⁴ См.: Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 307.
- ¹⁵ См.: Шестаков В. А. Указ. соч. С. 116.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (398) (093)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОДНОГО ИЗ «СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ» У ИОРДАНА (GET., 116)

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет
E-mail: APM 1950@yandex.ru

В статье рассматривается этническая ситуация в глубинных районах Восточной Европы на рубеже древности и средневековья в той мере, как она отразилась в сочинении Иордана «Гетика». Показаны возможности и пределы традиционного филологического и исторического анализа этого источника. Наибольшие сомнения вызывают этнонимы, упомянутые в перечне после Merens («меря»), Mordens («мордва») и Imniskaris («черемисы»). Автор демонстрирует возможности нового подхода к проблеме путем привлечения данных археологии. В статье предлагается идентификация населения, оставившего памятники IV–V вв. «типа Лбище» на Самарской Луке с *Rogas Tadsans* Иордана. Последний этноним, скорее всего, восходит к гот. *Raúastadians с весьма прозрачным значением «обитатели берегов Ра», то есть Волги.

Ключевые слова: Иордан, Эрманарих, Восточная Европа, готы, северные народы, археология, позднеримское время.

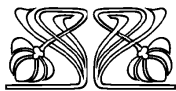
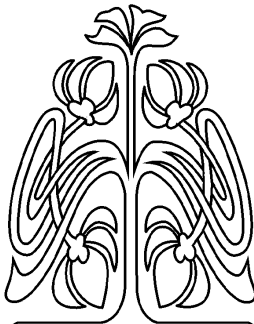
On Historical-Archaeological Identification of One 'Northern People' in Jordan (Get., 116)

I. V. Zin'kovskaya

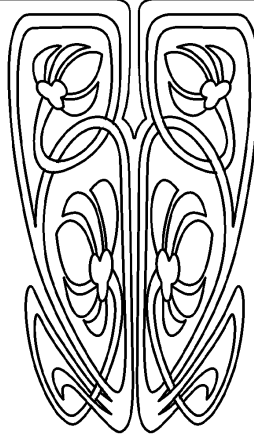
The article considers the ethnical situation in remote regions of Eastern Europe at the edge of Antiquity and Middle Ages as it was reflected in Jordan's *Getica*. It shows limits and capabilities of traditional philological and historical analysis of this source. The most doubtful are the ethnonyms mentioned in the list after Merens ('Merya'), Mordens ('Mordva') and Imniskaris ('Cheremis'). The author demonstrates capabilities of a new approach to the problem with the use of archaeological data. The article offers the identification of people who left the 'Lbishche type' sites of the 4th–5th centuries AD located in the Samara Bend region with Jordan's *Rogas Tadsans*. The last ethnonym probably ascends to the Gothic *Raúastadians with quite a transparent meaning of 'those who dwell on the banks of the Ra', i. e. the Volga.

Key words: Jordan, Ermanarich, Eastern Europe, Goths, northern peoples, archaeology, Late Roman age.

В статье рассматривается этническая ситуация в глубинных районах Восточной Европы на рубеже древности и средневековья в той мере, как она отразилась в сочинении Иордана «Гетика». Речь пойдет о списке так называемых северных народов (*arctoi gentes*), которые якобы покорил воинственный остrogотский король Эрманарих и которые составляли северную периферию его «державы». Следует напомнить, что Иордан приводит этот список в сочинении, написанном в середине VI в., но увязывает его с этнополитическими реалиями IV века. Однако еще в «Римской истории» Аммиана Марцеллина упоминается «королевство» могущественного остrogотского правителя Эрменриха, «которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов» (Amm. Marc., XXXI, 3, 1). К сожалению, римский историк, хотя и был их современником, не оставил нам их названий. Зато их детально перечисляет Иордан, также не раз отмечавший, что Эрманарих подчинил немало племен (Get., 116–120). Среди них были родственные готам воинственные герулы, многочисленные венеты (праславяне?) и даже прибалтийские эсты (балты). Каждому из этих

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

трех народов готский историк посвятил небольшой пассаж, разъясняющий, каким образом они покорились Эрманариху. К сожалению, не так обстоит дело с «северными народами» – все они идут одним списком в виде простого перечисления их имен в винительном падеже без каких-либо пояснений. Тем не менее, на наш взгляд, этот источник, корректируемый данными археологии, представляет немалые возможности для уточнения этнического окружения того потестарного образования, которое скрывалось за названием «королевство» Эрманариха¹. Однако несмотря на многократные попытки западноевропейских и отечественных ученых правильно прочесть, интерпретировать и идентифицировать этнонимы из иорданова перечня «северных народов», его анализ пока не позволил прийти к сколь-нибудь однозначным выводам.

1. *Проблема полноты и достоверности источника.* Текст «Гетики» Иордана дошел до нас в нескольких раннесредневековых рукописях, которые, к сожалению, существенно расходятся как раз в передаче интересующего нас места. В зависимости от использования той или иной рукописи «Гетики» и авторского членения латинского текста §116 разные исследователи предлагают свои переводы, которые подчас весьма существенно различаются между собой. Так, в Гейдельбергском кодексе VIII в., изданном Т. Моммзенем, список «северных народов» выглядит следующим образом: *«habebat si quidem quos domuerat Golthescytha, Thiudos, Inaunxis, Vasinabroncas, Merens, Mordens, Imniscaris, Rogas, Tadzans, Athaul, Navego, Bubegenas, Coldas»*². В классическом переводе Е. Ч. Скржинской он звучит так: «Покорил же он [Эрманарих] племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов»³. Однако это далеко не единственный перевод интересующего нас свидетельства Иордана о «северных народах». А. Н. Анфертьев предложил свое членение и толкование обсуждаемого текста, в его понимании он выглядит следующим образом: «...*habebat si quidem quos domuerat Golthescytha thiudos: Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Navego Bubegenas Coldas*» – «...так как он владел теми народами (thiudos), которых усмирил Гольтескиф [по его мнению, Golthescytha – сам Эрманарих. – И. З.]: инаунксис, васинабронки, меренс, морденс, имнискарис, роги, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов»⁴.

Для изучения вопроса о «северных народах» существенное значение имеет Палермский кодекс (Codice Basile), открытый в 1927 г. и опубликованный в Италии⁵. На сегодняшний день он является самой ранней и лучшей из сохранившихся рукописей «Гетики» Иордана⁶. Для нашей темы весьма существенно то, что в Палермском кодексе некоторые названия «северных народов», в других рукописях записанные слитно, разделены на два слова, как, например, *Thiudos in Aunxis* (в Гей-

дельбергском кодексе – *Thiudos Inaunxis*). Поэтому воспроизведем латинский текст списка «северных народов» по изданию Джунта и Грильоне: «*Habebat siquidem quos domuerat, Golthescythas, Thiudos in Aunxis, Vasinabroncas Merens Mordens, Imniscaris Rogans Tazans Athaul, Navego Bubegenas, Coldas*». Перевод: «ведь он [Эрманарих. – И. З.] владел (теми народами), каких покорил: гольтескифов, тиудов в Аунксе, вас в Абронке, мерю, мордву в Мещере (вариант – мещеру), роганс тазанс, атаул, навего, бубугенов, колдов».

Для удобства выявления расхождений в написании этнонимов в Гейдельбергском и Палермском списках составим таблицу и подчеркнем их.

Гейдельбергский кодекс	Палермский кодекс
Golthescytha	Golthescythas
Thiudos	Thiudos
Inaunxis	in Aunxis
Vasinabroncas	Vasinabroncas
Merens	Merens
Mordens	Mordens
Imniscaris	Imniscaris
Rogas	Rogans
Tadzans	Tazans
Athaul	Athaul
Navego	Navego
Bubegenas	Bubegenas
Coldas	Coldas

Но даже после публикации Палермского кодекса, содержащего написание имен более близкое протографу, список «северных народов» у Иордана во многом продолжает оставаться загадкой. Главное препятствие для его понимания заключается в том, что §116 «Гетики» явно неисправен – в ряде мест он мог быть искажен, иногда, к сожалению, до полной неузнаваемости, уже в сочинениях предшественников Иордана, Аблавия и Кассиодора, или самим Иорданом, или его позднейшими переписчиками. И все это при практически полном отсутствии сколь-нибудь близкого сравнительного этнонимического материала в синхронных нарративных источниках, которые бы позволили предложить сколь-нибудь надежные эмендации непрозрачным названиям вроде *Navego* или *Bubegenas*.

1. *Проблема источников сведений Иордана о «северных народах».* Во многом трудности понимания § 116 «Гетики» обусловлены проблемой источников сведений о «северных народах», которые мог использовать Иордан или его предшественник Аблавий⁷. Проведенный источниковедческий и историографический анализ показал, что ими могли быть:

а) торговый итинерарий, включавший как местные названия, так и готские экзоэтнонимы, в том числе и сложносоставные описательные⁸;

б) фрагмент готского героического эпоса, где последовательно перечислялись подданные

Эрманариху народы для того, чтобы подчеркнуть величие остроготского короля⁹;

в) оба вышеназванных источника¹⁰.

В пользу первой гипотезы говорит специфический греческий оборот *arctoi gentes*, вклинившийся в латинский текст «Гетики»¹¹. Но несомненно и то, что список включал явные готицизмы, просматривающиеся в некоторых латинизированных формах этнонимов. Последние определенно свидетельствуют о том, что сведения о «северных народах» попали к Иордану через его соплеменников-готов. Поэтому в качестве источника Иордан мог использовать обычный итинерарий – дорожник, составленный, скорее всего, готскими (менее вероятно – римскими) купцами, ходившими в северные земли Восточной Европы.

Но нельзя исключить и того, что в основе иорданова списка «северных народов» мог лежать фрагмент готского эпоса с обычным для этого литературного жанра перечислением покоренных героем народов. Таким образом, он очерчивал границы мира, в той или иной степени известного остроготам, подобно тому как задолго до Иордана Геродот перечислил этносы по сторонам «скифского квадрата» для того, чтобы обозначить театр военных действий грандиозной, с точки зрения «отца истории», скифо-персидской войны (Herod., IV, 100, 102–110, 119, 123–125). Как в первом, так и во втором случае это, разумеется, вовсе не означает, что все названные историками народы определенно входили в состав скифской (у Геродота) или готской (у Иордана) державы. Но вполне вероятно, что они находились в определенных отношениях со степными владыками, которые могли включать и торговлю, и данничество, и какие-то иные формы дистанционной эксплуатации.

2. *Проблема датировки списка «северных народов».* Иордан писал свое сочинение в середине VI в., но вполне определенно связывал перечень северных народов с IV в., когда их, по его рассказу, покорил остроготский король Эрманарих. Поэтому невозможно согласиться с теми исследователями, которые предполагают, что список *arctoi gentes* отражает освоение готами побережья Балтийского моря еще в северный период их истории, то есть до конца II в., или, более того, восходит к полуполюгендарному греческому путешественнику IV в. до н. э. Питею из Массалии¹². Таким предположением противоречит хотя бы тот факт, что в перечне *arctoi gentes* прямо называются «меря» и «мордва» – народы, в историческое время определенно обитавшие в Среднем Поволжье, куда Питей, конечно, не плывал. Также не подтвердилось и другое предположение В. П. Будановой о том, что в основе его лежит знакомство Аблавия или Кассиодора с «Дорожником Александра» IV в.¹³ Е. Ч. Скржинская полагала, что итинерарием, положенным Иорданом в основу списка, могли пользоваться в VI в.¹⁴ Однако в то время в Восточной Европе была совершенно иная этнополитическая ситуация, которая не благоприятствовала между-

народной торговле. До минимума сократилось поступление импорта и монет¹⁵. Но главное, в Северном Причерноморье уже не было готов, язык которых нашел отражение в итинерарии. Поэтому сам перечень «северных народов» был актуален, скорее всего, для эпохи Эрманариха, то есть для IV в., так как конец списка (после *Athaul*) со временем был так сильно искажен, что спустя два века стал непонятен самому Иордану. Как уже говорилось выше, мы не исключаем и того, что список покоренных Эрманарихом «северных народов» не был записан в виде итинерария, но мог «пропеваться» в форме героической песни (готской висы) со всеми присущими фольклору искажениями племенных названий.

3. *Результаты филологического анализа.* История изучения *arctoi gentes* насчитывает уже более двух столетий. Еще в 1772 г. датский ученый Петер Фридрих Сум рассмотрел имена «северных народов» и предложил их интерпретацию¹⁶. Тем самым он заложил основы всей последующей традиции изучения этнонимии иорданова списка. В начале XIX в. Каспар Цойсс разработал свой вариант идентификации ряда народов из иорданова списка, который основывался на простом созвучии с этнонимами и топонимами, встречающимися в античной или средневековой литературной традиции. Но именно он обратил внимание на латинизированные окончания ряда этнонимов на *-ens/ans* и возвел их к готскому *-jans*¹⁷. Этим важным наблюдением будет пользоваться не одно поколение немецких ученых. В середине XIX в. шведский историк Й. Линдстрём сделал еще один важный шаг в понимании некоторых иордановых названий. Он усмотрел в слове *Inaunxis* предлог *in* + название местности *Aunks* и сопоставил последнее с финским названием Олонецкого края – в итоге получилась «чудь в Олонце»¹⁸. Это предположение шведского ученого впоследствии нашло подтверждение в Палермском кодексе «Гетики», где *Thiudos in Aunxis* записано раздельно. В дальнейшем такой подход к сложносоставным непрозрачным названиям из списка «северных народов», когда первым называется этноним, а потом местность с предлогом *in*, получит развитие в науке XX века.

В конце XIX в. Теодор фон Гринбергер попытался прочитать по-готски весь перечень племен, якобы покоренных Эрманарихом¹⁹. Он одним из первых высказал идею о том, что в основе иорданова списка «северных народов», вероятно, лежит фрагмент готского героического сказания о деяниях могущественного остроготского короля. На этом основании ученый попытался перевести некоторые этнонимы из перечня *arctoi gentes* с готского языка, например *Scytha Thiudos* – просто как «скифские народы». Он считал лингвистически невозможным широко распространенное сопоставление второй основы *Thiudos* с летописной «чудью» и возводил его к готскому *þiude* – «народы». При этом Т. Гринбергер видел в начальном

«*Golthe*» искаженное переписчиком латинское слово «*Gothe*» в дательном падеже, поэтому всю реконструированную фразу понимал как «он (Эрманарих) правил скифскими народами, которых подчинил готу». Тот же принцип «перевода с готского» он применил и к другим этнонимам, правда, на наш взгляд, неудачно: *Inaunxis* ← **Inahsuggeis* – буквально «живущие в повозках»; *Vasinabroncas* ← как одно готское слово **Wasinabrokans* – «обитатели лугов»; *Imniscaris* ← гот. **Ibniskans* – «равнинные жители», а не черемисы или мещера, как считалось ранее. Нужно отметить, что, несмотря на очевидную искусственность некоторых готских этимологий и их явное несоответствие ландшафтам лесной полосы Восточной Европы, идеи Т. Гринбергера получили развитие в германской и отечественной историографии XX века.

4. *Проблема понимания и идентификации этнонимов.* Уже более двух веков ученые пытаются понять иорданов список *arctoi gentes* и идентифицировать отдельные его этнонимы с конкретными этносами древности и раннего средневековья на обширных пространствах Восточной Европы. Но успешной работе по расшифровке этого перечня препятствует уникальность этого источника при полном отсутствии в тексте «Гетики» (или в других, близких по времени источниках) какой-либо дополнительной информации о каждом из названных народов. Поэтому, по существу, до сих пор исследователи были ограничены возможностью использовать лишь этимологический метод, исходя из формы этнонима, записанной в той или иной рукописи «Гетики» Иордана, а также в большей или меньшей степени близкие по звучанию названия народов из более поздних средневековых или более ранних античных источников. В итоге мы имеем множество вариантов интерпретации имен *arctoi gentes*, из которых обычно не менее половины – не поддающиеся надежной верификации. Весьма скептический взгляд на эту проблему выразил американский ученый, специалист по эпохе Великого переселения народов Отто Менчен-Хелфен. По его мнению, сомнительные толкования и редкие формы этих этнонимов сделали их идеальной «ривьерой» для охотников за именами²⁰.

Недостатки традиционного филологического направления в изучении этого источника в полной мере проявились в книге финской исследовательницы Ирмы Коркканен, посвященной лингвистическому и этимологическому анализу *arctoi gentes* Иордана²¹. Она привела некоторые новые аргументы в пользу того, что в основе списка «северных народов» лежал прототекст на готском языке. Однако, к сожалению, для анализа ею была избрана рукопись А (*Codex Mediolanensis Ambrosianus*), которая сейчас считается наименее подходящей для достижения поставленной цели. В отношении к начальному термину *Scythathiuo(s)*

И. Коркканен придерживается старого подхода, предложенного Т. Гринбергером²². Она считает доказанным наличие в протографе композита **Skyba-þiudōs* – «скифские народы»²³. Укажем, что чуть позже идеи этой книги принял и развил дальше А. Н. Анфертьев²⁴.

На наш взгляд, в поисках готских прототипов названий «северных народов» И. Коркканен зашла слишком далеко. Развивая идею Т. Гринбергера об этнониме *Inaunxis* (от готского **Inahsuggeis* – «на оси [живущие]»), она превратила их в *νομάδες*, то есть в «кочевников», «пас-тухов», что вряд ли уместно в отношении народа, явно проживавшего в глубине лесной зоны. Иордановых *Rogas* финская исследовательница идентифицировала с ругами – восточногерманским племенем эпохи Великого переселения народов. В *Tadsans* она усмотрела имя сарматского кочевого племени языгов²⁵. Последнее сопоставление более чем произвольно, и не только с филологической стороны. Напомним, что сарматы-языги уже в начале I в. откочевали далеко на запад, в степные районы Среднего Подунавья, поэтому в интересующую нас эпоху их в Восточной Европе давно уже не было. Еще более существенные отличия от традиционных толкований имеет ее версия в чтении и понимании четырех последних слов иорданова списка²⁶. На наш взгляд, слова *Athaul* и *Navego* переведены ею с готского более чем произвольно, в результате получился искусственный перевод в библейском духе, что-то вроде «[он подчинил] род Гога, потомков Ноя». И уж совсем непонятно, каким образом в глубине Восточной Европы появились два последних этнонима: *Bubegenas* стали «певкинами» (*peucinas*), а *Coldas* – «кельтами» (*celtas*), хорошо известными античным авторам на юге Западной и Центральной Европы. Это исследовательница даже не пытается объяснить.

Представляется, что предложенные И. Коркканен новые этимологии «восточной части» *arctoi gentes* во многом являются плодом умозрительного анализа. Нам кажется, что они получены в результате явного перенапряжения текста исторического источника. В целом книга И. Коркканен серьезно поколебала представление о возможности соотнесения «северных народов» Эрманариха с исторически засвидетельствованными группами²⁷.

Недавно В. Я. Петрухин обратился к непростым эпистемологическим проблемам понимания текста «Гетики» Иордана²⁸. По его мнению, большая часть этнонимов из списка «северных народов» не поддается ясной интерпретации, но «выборочные» и, на первый взгляд, понятные этнонимы провоцируют на исторические реконструкции, раздвигающие пределы державы Эрманариха от Черного моря до Балтийского и от Средней Европы до Волги. Исследователь весьма скептически отозвался не только о возможности сближения иордановых *Thiudos* и *Vas* с летописными чудью и весью, но также *Mordens* и *Merens* – с

мордой и мерей со ссылкой на то, что последние экзоэтнонимы иранского происхождения и, скорее всего, более поздние. Однако этот аргумент нам представляется весьма слабым, так как не только в древности, но и сейчас мы по большей части пользуемся не самоназваниями, а иноназваниями народов, часто неясного происхождения. Казус с совпадением этнонима летописной чуди и иордановых *Thiudos*, а последних с гот. *þiuda(s)* – «народ(ы)» – не основание для отрицания такого совпадения, тем более, что «чудь» – классический экзоэтноним. Гораздо важнее другое – при таком, в общем-то, гиперкритическом подходе мы не получим удовлетворительного объяснения бесспорному факту совпадения почти половины этнонимов из иорданова списка «северных народов» с соответствующими именами племен в «Повести временных лет».

Сомнения и возражения В. Я. Петрухина сторонникам реальности «северных народов» – концептуального порядка. Представляется, что они никак не связаны с анализом самих этнонимов иорданова списка, а, по существу, проистекают лишь из неприятия ученым, как, впрочем, и многими его предшественниками, тех огромных размеров остроготской «державы», которые неизбежно получаются при признании соответствия иордановых и летописных этнонимов, вполне определенно локализуемых средневековыми источниками не только в центральной, но и в северной части Восточной Европы²⁹. Но в таком случае это уже вопрос не науки, а «веры».

Итак, даже беглый обзор литературы показывает, что среди специалистов нет единства мнений даже по вопросу о числе упомянутых Иорданом северных народов, так как в рукописях «Гетики» их список идет без однозначного разделения имен. Поэтому разные исследователи выделяют в нем от 9 до 14 этнонимов. А. Н. Анфертьев усмотрел в рукописи «Гетики» числительное *undecim* (одиннадцать) в отношении количества весьма воинственных, но покоренных Эрманарихом «северных народов»³⁰. Однако другие специалисты не без оснований считают это числительное позднейшей вставкой средневекового переписчика, который по своему разумению посчитал их³¹. В результате анализа список «северных народов» сократился до десяти имен. Такие расхождения происходят потому, что одни ученые видят за сложносоставными этнонимами по одному народу (например, *Rogastadsans*), другие – по два (например, *Rogas Tadsans*). Но все исследователи сходятся на том, что это место у Иордана сильно испорчено, а некоторые этнонимы искажены до неузнаваемости.

Уже в отношении «первого» этнонима *Golthescytha(s)*, открывающего список «северных народов», среди переводчиков существуют непримиримые расхождения. При всем многообразии точек зрения, высказанных за два века изучения

этого источника, их можно свести к трем основным вариантам толкования.

1. Слово *Golthescytha(s)* понимают как общее название всех покоренных Эрманарихом «северных» («скифских») народов, которое далее раскрывается путем перечисления их конкретных этнонимов³².

2. Чаще всего в имени *Golthescytha(s)* видят один из многих покоренных Эрманарихом этносов – «гольтескифов», то есть обычный этноним того же ранга, что и остальные, с которого начинается список народов³³.

3. В третьем случае *Golthescytha* трактуется переводчиком не как рядовой этноним, а в качестве имени или титула самого короля Эрманариха – «Гольтескиф»³⁴.

В толковании этнонима *Golthescytha(s)*, открывающего список «северных народов», мы склоняемся к первой точке зрения и усматриваем в нем общее название всех, с точки зрения Иордана, покоренных готами «скифских» народов (в географическом смысле), которое далее конкретизируется историком до уровня отдельных этнонимов, иногда с указанием местности (хоронима). На это в Палермском кодексе определенно указывает окончание *-as* в асс. pl. Из факта упоминания *Golthescytha(s)* в самом начале списка вряд ли можно сделать вывод, что за этим названием мог скрываться большой народ, оставивший в центре Восточной Европы киевскую культуру, от которого в средневековье уцелели только его потомки под названием «люди голядь»³⁵. Но нельзя полностью исключить, что здесь речь идет все-таки о прибалтийских галиндах, открывающих список «северных народов», как это предполагал в свое время В. Н. Топоров³⁶. Наконец, при всех лингвистических ухищрениях в духе Й. Маркварта – Г. Шрамма и их последователей, из *Golthescytha(s)* никак не получается готское *Gulþabiudōs* = «золотые народы»³⁷. К тому же реально к золоту *arctoi gentes*, проживавшие в основном в зоне восточно-европейских лесов, вряд ли имели какое-либо отношение. Во всяком случае в культурах лесной полосы Восточной Европы середины I тыс., в том числе и в Приуралье, этот драгоценный металл практически не встречается.

5. Позитивные результаты историко-филологического анализа. Попытаемся кратко суммировать этнографическую информацию, полученную из списка «северных народов». Не вызывает сомнений географическая привязка большинства народов из этого списка к широкой лесной полосе от восточной Прибалтики до Волги. Можно считать достоверно доказанным соответствие *Merens* и *Mordens* Иордана «мере» и «мордве» в Первоначальной Русской летописи. Вполне допустимо сопоставление *Imniskaris* с древней мешерой, а скорее, с местностью Мещера, с которой Иордан связывал два вышеназванных племени («*Merens Mordens Imniskaris*» < in **Miskar*). Не до конца доказано, но вполне вероятно совпадение *Thiudos*

с чудью в местности *Aunks* («*Thiudos in Aunxis*»), а первой основы *Vasinabroncas* с летописной весью (народ вису у арабских авторов), также проживающей в определенной местности («*Vas in Abroncas*» – «весь в Абронке»). Недавно даже предложен гидроним на Русском Севере, близкий второй основе в слове *Vasinabroncas*³⁸.

Встает вопрос: как удовлетворительно объяснить бесспорный факт совпадения почти половины этниконов из иорданова списка «северных народов» с соответствующими именами летописных племен? Видимо, в обоих источниках мы имеем дело с двумя пучками взаимосвязанных этнонимов, зафиксированных независимо друг от друга в разновременных источниках, к тому же явно имеющих разное происхождение. Уже само по себе это требует объяснения, а не только изолированного, «поштучного» анализа каждого этнонима в отдельности, как делали многие наши предшественники филологического направления.

Среди имен «северных народов» определенно были готские (*Thiudos, Rogas Tadsans* – но это вовсе не значит, что они на самом деле были готами), местные финно-угорские (*Vas, Merens, Mordens* – два последних восходят к древним иранским основам), тюркские (*Athaul*), возможно, балтские (*Golthe* в «гольтескифах»), а также названия неясной принадлежности (*Navego, Bubegenas, Coldas*). Но даже при современной, далеко еще не исчерпывающей их изученности нельзя не заметить удивительного лингвистического многообразия имен народов, попавших в список *arctoi gentes* Иордана. При этом обращает на себя внимание практически полное отсутствие этнонимов первых веков н. э., упомянутых Клавдием Птолемеем. Не исключено, что последнее обстоятельство свидетельствует о весьма радикальной перестройке этнической карты Восточной Европы к эпохе правления Эрманариха. С другой стороны, бросается в глаза то, что иорданов список содержит лишь перечень этносов и в лучшем случае местностей, где они обитали, – и никаких иных этнографических подробностей (ср. с этнографическим описанием народов Скандинавии в *Get.*: 21–24). То обстоятельство, что Иордан ничего конкретного не смог сказать ни об одном из этих племен, еще раз свидетельствует, что его источником, скорее всего, мог быть готский героический эпос с простым перечислением побежденных народов.

6. *Возможности археологического подхода к проблеме.* Историографический анализ идентификации «северных народов» в зарубежной науке – от первого труда П. Ф. Сума до последней монографии датского исследователя А. С. Христенсена 2002 г.³⁹ – показал, что решить эту проблему исходя лишь из скупого перечня их имен у Иордана не представляется возможным. «На данный момент мы не видим независимых данных, которые бы послужили ключом к раскрытию секретов этого списка», – так оценил современный уровень его изучения А. Н. Анфертьев⁴⁰. Однако одновремен-

но с появлением столь пессимистической оценки появилась статья М. М. Казанского, впервые попытавшегося проанализировать список «северных народов» у Иордана с точки зрения археолога⁴¹. В итоге он пришел к заключению, что только три народа – *Merens, Mordens* и *Imniscaris* – могут соответствовать средневековым летописным «морд-ве», «мере» и «мещере». Их археологические аналоги он ищет в культурах раннего железного века лесной зоны Центральной России. Но сейчас хорошо известно, что далеко не все названные им культуры «доживают» до времени иордановых «северных народов», например городецкая. Для установления этнической принадлежности других племен из этого списка, по мнению французского ученого, нет сколь-нибудь надежных данных и еще меньше соответствия с данными археологии. С последним выводом пока следует согласиться, но, на наш взгляд, за одним исключением.

7. *Rogastadsans.* Этот этноним встречается во второй части списка «северных народов», так или иначе связанных с Поволжьем. Он упоминается Иорданом сразу же за *Imniscaris* – «мещерой» и в различных рукописях передается в формах *Rogas Tadsans, Rogans Tazans*, но, что особенно важно, *Rogastadsans*.

Большинство исследователей видело в *Rogastadsans* какой-то финно-угорский народ (народы) или даже конкретно *угров* со ссылкой на наличие близкой по названию реки Урга в бассейне Суры⁴². Другие усматривают в *Rogas* имя известного восточногерманского племени ругов-ругиев, иногда входивших в готскую коалицию, но чаще действовавших самостоятельно⁴³. Некоторые находят в них готскую форму имени птолемеевых *робасков* или даже гибридное сложение из индоарийского **roca* – «светлый», «белый» и готского *stadsja* «берег» – «Белобережье»⁴⁴. Однако с таким же успехом может получиться и «Берег ругов».

8. *Памятники типа городища Лбище.* Нам кажется, сейчас появляется возможность более надежно археологически идентифицировать этот народ, исходя из известной лингвистической гипотезы Й. Маркварта⁴⁵, которого в последнее время поддержали другие исследователи⁴⁶, и данных современной археологии. Лингвисты допускают, что иордановы *Rogastadsans*, скорее всего, восходят к готскому слову **Raiastadians* с весьма прозрачным значением «обитатели берегов Ра», то есть Волги⁴⁷. Важно, что почти всегда последних локализируют в Среднем Поволжье или уже за Волгой. На этом основании нам представляется возможным идентифицировать *Rogastadsans* (гот. **Raiastadians*) – «обитателей берегов Волги» – с этносом, оставившим в Самарской Луке группу памятников позднеримского времени типа городища Лбище⁴⁸. Это, как, впрочем, и другие недавно открытые укрепленные и неукрепленные поселения на Средней Волге, было заселено пришлым с юго-запада населением. Судя по поздним хроноиндикаторам, они доживают здесь до начала V в.

Самарские городища типа Лбище содержали весьма своеобразный культурный комплекс, в котором несомненно присутствовали элементы не только позднезарубинецкой, но и центральноевропейских пшеворской и вельбаркской культур, прежде всего характерная посуда. Как известно, распространение последней в Восточной Европе так или иначе связывают с миграцией готов или других «восточных германцев» из южной Прибалтики в Северное Причерноморье⁴⁹. Так, на Старомайнском городище выявлены свидетельства существования германской домостроительной традиции, в том числе большой «длинный дом». Другие находки, неизвестные в предшествующих местных культурах (железные наральники от плугов, кузнечные инструменты, характерные биконические пряслица, булавки, фибулы, пряжки и др.), также вполне определенно указывают на западные и юго-западные истоки ядра культуры народа, оставившего на Самарской Луке древности IV – начала V в. Скорее всего, те же самые истоки имеет обряд трупосожжения на стороне, характерный для именьковской культуры и пока не обнаруживающий каких-либо местных корней⁵⁰.

Г. И. Матвеева и В. В. Седов приложили немало усилий, чтобы доказать славянство пришло-го населения Самарской Луки рубежа древности и средневековья. Весьма показательно то, что лингвисты, в частности В. В. Напольских, сейчас находят языковые свидетельства ранней миграции какой-то балто-славянской группы с юго-запада Восточной Европы в Среднее Поволжье около 500 года⁵¹. Но, как бы то ни было, присутствие в памятниках Самарской Луки вполне определенных вельбаркских и черняховских элементов позволяет допустить, что это население входило в круг культур «полей погребений». Во всяком случае оно не было чуждо той культурной традиции, которая появилась на юге Восточной Европы с приходом готских, а шире – восточногерманских племен. Как самая удаленная этническая группа она могла быть известна информаторам Иордана под описательным готским этнонимом, содержащим географическую привязку – древнее название Волги *Ravo* ← **Rayo* ← ир. *Rangha*. Отсюда и искомое готское **Ragostadjans* – «обитатели берегов Волги». Появление в Самарской Луке этого, несомненно, западного по своим культурным истокам населения могло быть связано не с завоеванием, а с переселением части подданных могущественного остроготского короля на восток с целью контроля важнейшей водной магистрали, какой с древности была Волга.

Если это так, то появляется дополнительный археологический аргумент для датировки списка «северных народов» с упоминанием *Rogas Tadsans*. Дело в том, что самарские древности типа городища Лбище ненадолго переживают «державу» Эрманариха – они прекращают свое существование на рубеже IV–V вв., когда на-

чинается массовое проникновение в Поволжье кочевников гуннского круга⁵². В таком случае *Rogas Tadsans* – это этнографическая реальность скорее позднеримского времени (IV в.), эпохи Эрманариха, но не Иордана (VI в.).

Приведенные здесь археологические аргументы для идентификации иордановых *Rogas Tadsans*, кажется, позволяют более оптимистично взглянуть на проблему *arctoi gentes*, но при одном условии – если исследователи не будут замыкаться в круге традиционных нарративных источников. Рано или поздно стремительно увеличивающийся фонд археологических материалов позволит реконструировать этнокультурную ситуацию в Восточной Европе IV–V вв. независимо от раннесредневековой литературной традиции. В целом современная археология приносит все больше свидетельств в пользу взглядов тех исследователей, которые не ограничивали владения Эрманариха сравнительно небольшой областью в степном Приазовье и Приднепровье, а распространяли их на более обширные пространства Восточной Европы. Во всяком случае недавно группы памятников, культурно близких черняховским, открыты не только в Поднепровье, но также на Верхнем Дону и даже в Среднем Поволжье⁵³. Сами по себе новейшие археологические открытия заставляют с гораздо меньшим скептицизмом относиться к свидетельствам Иордана, в том числе и к его списку «северных народов». Думается, что в контексте будущих археологических исследований этот источник со временем приобретет новое звучание.

Примечания

- 1 См.: *Зиньковская И. В.* О regnum Эрманариха // Норция. Вып. 6. Воронеж, 2009. С. 197–207.
- 2 *Mommsen Th.* *Jordanis Romana et Getica. Prooemium* // MGH, Auctores antiquissimi. T. V, pars 1. Berlin, 1882.
- 3 *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / пер. Е. Ч. Скржинской. СПб., 2000. С. 83.
- 4 *Анфертьев А. Н.* Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах (I–IV вв.): в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 110–111.
- 5 См.: *Iordanis.* *De Origine Actibusque Getarum* / ed. F. Giunta, A. Grillone. Roma, 1991.
- 6 См.: *Скржинская Е. Ч.* Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / пер. Е. Ч. Скржинской. СПб., 2000. С. 397.
- 7 См.: *Hachmann R.* *Die Goten und Skandinavien.* Berlin, 1970. S. 43–44.
- 8 См.: *Скржинская Е. Ч.* Комментарий... С. 266; *Вольфрам Х.* Готы. СПб., 2003. С. 131.
- 9 См.: *Grienberger T.* *Ermanariks Völker* // *Zeitschrift für deutsches Altertum.* 1895. Bd. 39. S. 151–184; *Hachmann R.* *Die Goten und Skandinavien.* Berlin, 1970. S. 43; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 165–166.

- ¹⁰ См.: Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999. С. 154.
- ¹¹ См.: Скржинская Е. Ч. Комментарий... С. 265.
- ¹² См.: Буданова В. П. Готы... С. 154–155.
- ¹³ См.: Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Северные народы середины IV – первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 38–39.
- ¹⁴ См.: Скржинская Е. Ч. Комментарий... С. 266.
- ¹⁵ См.: Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 115–117.
- ¹⁶ См.: Suhm P. Fr. Historie om de fra Norden Udvandrede Folk. København, 1772.
- ¹⁷ См.: Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. Heidelberg, 1924. S. 690–691.
- ¹⁸ См.: Lindström J. A. Försök till bewis, att Rurik och hans Wareger woro af Finsk härkomst. Tawastehus, 1852. P. 9.
- ¹⁹ См.: Grienberger T. Ermanariks Völker... S. 151–184.
- ²⁰ См.: Maenchen-Helfen O. The world of the Huns. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1973. P. 16–17.
- ²¹ См.: Korkkanen I. The peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116 // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. T. 187. Heksinki, 1975.
- ²² Ibid. P. 33–35.
- ²³ Ibid. P. 69.
- ²⁴ См.: Анфертьев А. Н. Иордан. С. 151.
- ²⁵ См.: Korkkanen I. The peoples of Hermanaric... P. 63–66.
- ²⁶ Ibid. P. 71–73.
- ²⁷ См.: Анфертьев А. Н. Иордан. С. 151.
- ²⁸ См.: Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 137–138.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: Анфертьев А. Н. Иордан. С. 149.
- ³¹ См.: Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Северные народы. С. 37.
- ³² См.: Grienberger T. Ermanariks Völker... S. 151–184 ; Korkkanen I. The peoples of Hermanaric... P. 33–35 ; Анфертьев А. Н. Иордан. С. 151.
- ³³ См.: Скржинская Е. Ч. Комментарий... С. 83 ; Топоров В. Н. Еще раз о Goltescytha у Иордана (Getica 116) // Славянское и балканское языкознание. М., 1982 ; Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Северные народы... С. 39–46.
- ³⁴ См.: Анфертьев А. Н. Иордан. С. 111, 151.
- ³⁵ См.: Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Северные народы... С. 39–46.
- ³⁶ См.: Топоров В. Н. Еще раз о Goltescytha у Иордана... С. 37.
- ³⁷ См.: Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (840–940). Leipzig, 1903. S. 378–379 ; Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten (Merens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes, Getica XXIII 116) // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 8. 1974. S. 4–5.
- ³⁸ См.: Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Северные народы... С. 52–53.
- ³⁹ См.: Christensen A. S. Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002.
- ⁴⁰ Анфертьев А. Н. Иордан. С. 152.
- ⁴¹ См.: Kazanski M. Les arctoi gentes et “l’emire” d’Ermanaric: Commentaire archéologique d’une source écrite // Germania. 1992. Bd. 70. Heft. 1. P. 75–122.
- ⁴² См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 34.
- ⁴³ См.: Korkkanen I. The peoples of Hermanaric... P. 63–64.
- ⁴⁴ См.: Трубачёв О. Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 57, 265.
- ⁴⁵ См.: Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge... S. 369.
- ⁴⁶ См.: Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen... S. 1–14 ; Вольфрам Х. Готы... С. 131.
- ⁴⁷ См.: Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen... S. 77.
- ⁴⁸ См.: Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- ⁴⁹ См.: Обломский А. М. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // Российская археология. 2005. № 2. С. 40–41.
- ⁵⁰ См.: Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именковская культура. Самара, 2003. С. 28–33.
- ⁵¹ См.: Напольских В. В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3–19.
- ⁵² См.: Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. Самара, 2005. С. 47.
- ⁵³ См.: Зиньковская И. В. Готская «держава Германариха» в свете новейших историко-археологических исследований // Исторические записки. Вып. 9. Воронеж, 2003. С. 139–141.

УДК 821.111.09 – 1 + 929 Чосер

ЛИЧНОСТЬ, ПРАВИТЕЛЬНИЦА, ЖЕНА В «ЛЕГЕНДЕ О ХОРОШИХ ЖЕНЩИНАХ» ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА (ГИПСИПИЛА И МЕДЕЯ)

И. Ю. Старостина

Саратовский государственный университет
E-mail: innastar87@list.ru

Данная статья посвящена проблеме изучения таких вопросов актуальной на сегодняшний день гендерной истории, как специфика изображения женщины и ее поведения в рамках публичного и частного пространства на материале мало исследованной в отечественной историографии поэмы английского поэта XIV в. Джеффри Чосера «Легенда о хороших женщинах», где женщина прорисована в трех ипостасях – как личность, правительница и жена; при этом повествователя больше всего интересует женщина как супруга, в меньшей – как мать. Одновременно источник позволяет выявить гуманистические представления Чосера о личности.

Ключевые слова: гендерная история, Дж. Чосер (1340–1400), поэма-сновидение, Гипсипила, Медея, Ясон, куртуазная традиция, маскулинность, ренессансный гуманизм.

A Woman as a Personality, Ruler and a Wife in «The Legend of Good Women» by G. Chaucer (Hypsipyla and Medea)

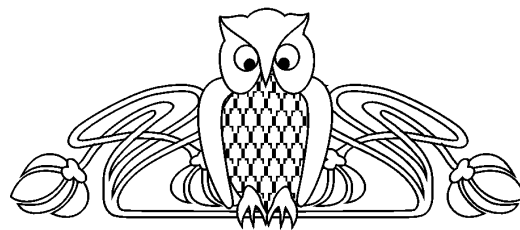
I. Y. Starostina

The article is devoted to the problem for studying some questions of the actual gender history, such as the peculiarity of the woman's description and her behavior inside the public and private life on the basis of the material of G. Chaucer's (English poet of the XIVth century) poem, which «The Legend of good women» is. Today this source is weakly studied in the Russian historiography. A woman is described in three points of view: as a personality, a ruler and a wife. According to this research of woman's perception we should conclude the next one: Chaucer is interested in the description of woman's image as a wife, lesser as a mother (that is inside the private life). Simultaneously the source gives a possibility to reveal Chaucer's ideas about the personality.

Key words: gender history, G. Chaucer (1340–1400), poem «dream-vision», Hypsipyla, Medea, Yason, courtesy, masculine gender, Renaissance humanism.

История женщин эпохи Средневековья как часть гендерной истории остается актуальной и в науке начала XXI в. Огромный пласт нарративных источников, в том числе и литературных памятников, интенсивно вводимых в оборот, укоренение новых социально-антропологических подходов к анализу текста открывают, как ясно из научных исследований, возможности для постановки новых вопросов и более точного и глубокого понимания прежних¹.

Литература о творчестве писателя и первого английского гуманиста Дж. Чосера (1340–1400) достаточно велика, но далеко не все его сочинения

изучены одинаково глубоко, многие еще ждут и перевода на русский язык. Среди них – «Легенда о хороших женщинах». Она почти не исследована в отечественной литературе, в том числе и с точки зрения изучения проблемы восприятия женщины и женского поведения². В англоязычной литературе важные наблюдения сделаны С. Ригби, который пришел к выводу, что тема женщин и взаимоотношений полов являлась любимой темой Чосера, и вообще его литературная карьера связана с женским вопросом³, но он «Легендой» не ограничивается: Чосера также волнуют проблемы благородного правления и правителя, достоинства личности.

Точная датировка произведения до сих пор остается под вопросом, но большая часть авторов полагает, что оно возникло в первой половине 1380-х гг.; время его создания привязывают к женитьбе короля Ричарда II (1377–1399) на бургундской принцессе Анне (1382 г.) – исследователи полагают, что «Легенда» создавалась с целью ее развлечь⁴. Обстоятельства создания произведения также трактуются по-разному: не совсем ясно, по собственному побуждению или королевскому заказу взялся за него Чосер.

Поэма Чосера по жанру относится к видениям («сновидческая поэма») ⁵. В ней «присутствует» Чосер-персонаж, рассказывающий о женщинах-героинях; он ведет диалог с главными персонажами (Богом Любви и его дамой – Алкестой). Чосер-рассказчик с первых слов заявляет о том, что он настроен вести разговор о верных в любви женщинах и лживых мужчинах⁶. Не означает ли это, что для Чосера-писателя главной становится тема женщины и важнейшей задачей – ее «оправдание»?

«Легенда» состоит из Пролога (Prologe)⁷; Баллады (Ballade)⁸ и отдельных рассказов – легенд о женщинах, принявших смерть в результате разлуки с любимыми либо вероломно покинутых ими. «Легенда» не завершена: из 20 (или 19) эпизодов написано только девять⁹. При подготовке статьи использовался чосеровский текст, в отдельных случаях – его перевод на современный английский язык¹⁰. Центральной фигурой каждого рассказа является реальная или мифологическая знатная женщина античного мира (среди них интересующие нас «гречанки» – Алкеста, Гипсипила, Медея, Ариадна, Филомела, Филлида и Гипермнестра). Попытаемся выявить на одном-двух примерах, каковы главные особенности изображения женщин-персонажей древнегреческой мифологии: их

внешности, поведения, социальных, сословных, гендерных ролей.

Об Алкесте (супруге легендарного фракийского царя Кадма) нам уже представлялся случай писать¹¹. Обратимся к Гипсипиле и Медее, истории которых включены в одно повествование (напомним, обе – героини цикла «Аргонавтика»). Начнем с первой. По чосеровскому сюжету, Гипсипила приветствовала на своей земле чужестранцев, направляющихся за золотым руном. Их предводитель Ясон «замыслил нечестивый поступок» – овладеть девушкой «законно», заключив с ней брак. В конечном итоге он бросает Гипсипилу, оставляя ее с двумя их детьми. Перед нами история правительницы – и одновременно «семейная» история. Какими же представляются Чосеру ее герои и их поведение?

Гипсипила, царица острова Лемнос, «юна, прекрасна». Как и в случае с Алкестой, автор подчеркивает особые внешние данные героини, явно любит ее. Исследователи выявили, что в подобных характеристиках он следует традициям провансальских поэтов с их культом Прекрасной дамы¹². В рамках этой традиции прорисовывается поведение Ясона как рыцаря и его обращение к Гипсипиле – «госпожа». Не только Ясон, но и другие герои рассказов Чосера готовы служить «госпожам своего сердца». Писатель изображает их внешне доблестными рыцарями, которые выражают свою симпатию даме, используя богатую куртуазную лексику.

Гораздо пространнее автор «Легенды» характеризует человеческие качества своей героини. «Обычным явлением, – говорит он, – для нее было помогать любому живому созданию и делать добро вследствие ее врожденной доброты и учтивости»¹³. Чосеру важно показать, что многое человеку дается природой, присутствует в нем «врожденно». В этом указании на доброту природы он явно следует Петрарке и Боккаччо, одной из главных тем сочинений которых было, как известно, доказательство особых качеств человека.

Чосер подхватывает еще один важный тезис итальянских гуманистов: человек поставлен в центр мироздания и потому должен вести себя по отношению к созданиям природы заботливо. В «природе» Гипсипилы оказывается и постоянная помощь всему окружающему ее земному миру. Ясно, что через характеристику Гипсипилы Чосер развивает свои представления о нравственно безупречном человеке. Но, пожалуй, еще более интересны ему достоинства героини как правительницы-хозяйки. Чосер отмечает ее гостеприимство: «Она пригласила незнакомцев в свой замок и с почестями приветствовала их». Это оценили и странники. Щедрость, столь высоко ценящаяся в рыцарских представлениях об идеальном короле, сеньоре, оказывается добродетелью не только мужчины-правителя, но и правительницы. Не менее важной частью средневековых отношений в среде знати было оказание почестей, и Гипсипила

демонстрирует безупречное следование ритуалу и традиции.

Чосер представляет и «мужской» взгляд на достоинства Гипсипилы. Ясон, влюбивший в себя царицу, отмечает, что «госпожа добропорядочна»¹⁴. И эта характеристика вполне соответствует традиционным мужским представлениям века Чосера.

Гипсипила у Чосера не только гостеприимная и добропорядочная, но и умная женщина, которая ценит в людях, в мужчинах важные человеческие качества: она сразу же «отметила для себя» «стойкость, мудрость, правдивость, благоразумие» странников¹⁵. Правда, все это не помогло ей устоять перед Ясоном (очевидно, неслучайно Чосер говорит о ее юном возрасте, а значит, неопытности в делах любви). Примечательно, что она усматривает в Ясоне такие маскулинные качества, как храбрость и верность слову. И горько в этом разочаровывается. Чосер-персонаж разделяет ее разочарование и осуждает поведение Ясона.

История Гипсипилы завершается такими словами: «И на протяжении своей последующей жизни она оставалась верной Ясону, была целомудренной и никогда не испытывала с тех пор радости»¹⁶. И здесь перед нами во весь рост встает благородная и великодушная знатная женщина, одна из основных добродетелей которой – верность своим чувствам, преданность и целомудрие в браке. Чосер-мужчина измеряет добродетельность женщины ее брачным поведением и отношением к супругу.

Объем статьи позволяет лишь кратко коснуться темы другой правительницы – Медее. Со слов Чосера-персонажа, она также «отличалась мудростью и красотой»¹⁷. Он отмечает «ее верность и доброту» и то, что «она любила Ясона больше своей жизни»¹⁸. Эта любовь самоотверженна и деятельна: Медее «сохранила честь возлюбленного, прославила его как победителя». Чосер и здесь обозначает традиционные черты внешней рыцарской линии поведения: Ясон ведет себя сначала словно доблестный рыцарь, готовый служить «новой госпоже своего сердца». Он называет и Медее своей «верной госпожой»¹⁹. В письме, адресованном Ясону, Медее отмечает те его качества, которые привлекли ее: «... молодость, миловидность черт, любезность речей»²⁰. Ясон, в соответствии с чосеровским изложением легенды, берет в жены Медее (оставаясь при этом в браке с Гипсипилой), но затем так же вероломно бросает ее с детьми (Чосер иронично именует Ясона «праотцом всех неверных в любви»²¹).

Медее более всего предстает перед читателем несчастной, брошенной коварным супругом женщиной. Чосер ничего не говорит о коварстве самой Медее, жестоко отомстившей предавшему ее мужу, уничтожившей новую избранницу Ясона и погубившей своих собственных детей²². Очевидно, автору важно подчеркнуть преданность героини своим чувствам, верность в браке

и «вторичность» такого поведения Медеи. В ее жестокости виноватым выглядит только Ясон. Медея имеет общие черты с Гипсипилой: она умна, верна в своих чувствах, горячо поддерживает возлюбленного и мужа, тяжело переносит его предательство. Чосеру важно выделить ее желание и умение любить.

Подведем некоторый итог: перед читателем представлены разные по степени добродетели женщины. Но их главное достоинство в гендерном аспекте измеряется их отношением к супругу. Именно данное обстоятельство позволяет автору называть всех женщин «хорошими», хотя он не «прячет» «одержимых» (таких, как Медея) своими чувствами, напоминает, что они шли на мечь, от которой страдали не только виновники их страданий. При этом почти в каждом рассказе Чосер-персонаж подчеркивает свое презрение к мужским персонажам и сочувствие к женщинам.

В средневековом мире отношение к женщине было неоднозначным: «... она оказывалась то Евой, то Марией, то грешницей, то искупительницей, то женой-мегерой, то куртуазной дамой»²³. Куртуазная литература бросила вызов церковному взгляду на женщин как коварных искушительниц. Чосер пошел дальше. Изображая «среду обитания» своих героинь как традиционно-аристократическую, «замковую», он предпринимает едва ли не первую в английской литературе попытку гуманистического оправдания женщин. Этот подход он обозначает уже в Прологе, заявляя, что *не все женщины склонны к пороку, что история знает и благородных женщин, чье благородство измеряется такими качествами, как преданность любимому вплоть до самоотречения*. Таким образом, через обращение к прошлому писатель «оправдывает» женщин, показывает, что женщина может быть преданной своему супругу, искренней в чувствах, благородной и честной.

Примечания

- ¹ См.: The History of the women in the West. Silences of the Middle Ages. Harvard University Press, 1994 ; Orme N. Medieval children. Yale University, 2001 ; A history of private life. Revelations of the Medieval World. Harvard University Press, 1999 ; История женщин. Молчание средних веков : в 3 т. / под ред. Ж. Дюби, М. Перро. СПб., 2009. Т. II.
- ² О «Легенде» как литературном произведении см.: Cherterton G. K. Chaucer. L., 1932 ; Kean P. M. Chaucer and the making of English poetry. L., 1972 ; Burlin R. B. Chaucerian fiction. Princeton, 1977 ; Brewer D. Chaucer: the poet as storyteller. Hong Kong, 1984 ; Алексеев М. П. История английской литературы. М., 1943 : в 2 т. Т. 1 ; Аникст А. А. История английской литературы. М., 1956.
- ³ См.: Rigby S. H. Chaucer in context. Society, allegory and gender. L., 1996. P. 120.
- ⁴ См., например: Гарднер Д. Жизнь и время Чосера. М., 1986. С. 313, 346–347, 363 ; Rigby S. H. Op. cit. P. 4–5.
- ⁵ См.: Brewer D. Op. cit. P. 2 ; Burlin R. B. Op. cit. P. 38 ; Kean P. M. Op. cit. P. 51.
- ⁶ См.: The Legend of good women / The electronic edition was prepared by Douglas B. Killings 1996 // The Online Medieval and Classical Library. The Legend of Phillida. P. 1–2.
- ⁷ Автор (Чосер) говорит в Прологе о своей признательности древним книгам, а также о своей любви к цветку маргаритке; здесь он засыпает и во сне встречается Бога Любви в окружении свиты, состоящей из благородных женщин античного мира, во главе которых находится царица Алкеста, самая добропорядочная из них.
- ⁸ В Балладе Чосер ведет диалог с Богом Любви и Алкестой. Бог сердится на поэта за некоторые его произведения, в которых женщина представлена как неверная супруга. Алкеста прощает поэта и предлагает в качестве искупления вины написать поэму о добродетельных женщинах.
- ⁹ См.: Алексеев М. П. Указ. соч. С. 208 ; Аникст А. А. Указ. соч. С. 40 ; Burlin R. B. Op. cit. P. 34. (Автор полагает, что цикл рассказов должна была венчать легенда об Алкесте). Возможно, произведение было Чосером оставлено вследствие изменившихся с 1386 г. обстоятельств его жизни и отдаления от двора.
- ¹⁰ См.: The Legend of good women / The electronic edition was prepared by Douglas B. Killings 1996 // The Online Medieval and Classical Library; The Legend of good women by Gerard Ne Castro. Maine University at Machias, 2007.
- ¹¹ См.: Старостина И. Ю. Алкеста как ренессансный идеал личности у Чосера // Изв. Киев. ун-та. Сер. История (в печати).
- ¹² См., например: Brewer D. Op. cit. ; Burlin R. B. Op. cit.
- ¹³ The Legend of Hipsipyra and Medea. P. 3.
- ¹⁴ Ibid. P. 3.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid. P. 5.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 6.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid. P. 5.
- ²¹ Ibid. P. 1.
- ²² См., например, изложение «Аргонавтики» Аполлодором в его работе «Мифологическая библиотека», а также упоминание у Овидия в «Героидах» основного источника заимствования Чосером античных преданий о коварстве и жестокости Медеи (Аполлодор. Мифологическая Библиотека. М., 1993. С. 23.)
- ²³ См. например: Ле Гофф Ж. История тела в средние века. М., 2008. С. 52 ; Rigby S. H. Op. cit. P. 120.

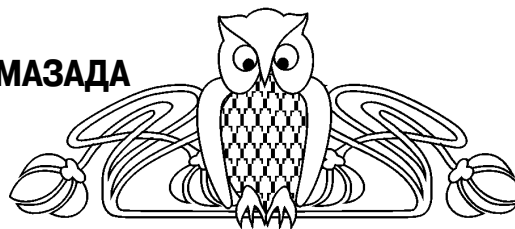

УДК 94(47).081:821.133.1–4+929Мазад

ФРАНЦУЗСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА О РОССИИ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА: РАБОТЫ ШАРЛЯ ДЕ МАЗАДА В ОЧЕРКАХ И МНЕНИЯХ

Р. Р. Ханмурзин

Саратовский государственный университет
E-mail: roman_khan@mail.ru

В статье дан краткий обзор публицистических работ Шарля де Мазادا о России и откликов на эти работы отечественных публицистов и общественных деятелей. На основе отдельных тезисов и фраз журналиста в статье даётся характеристика его работ: политические взгляды, ожидания и мнение об отдельных идейных соратниках или противниках. В статье сделан вывод о большом влиянии работ де Мазادا на общественность внутри Российской империи, отмечена динамика его взглядов по отношению к политике и общественной жизни империи. Настоящая статья призвана расширить круг знаний о восприятии Российской империи при Александре II французским обществом с использованием известных за рубежом, но не переведённых на русский язык статей и эссе.

Ключевые слова: Шарль де Мазад, «Revue des deux mondes», французская публицистика, Александр II, М. Н. Катков.

French Journalism about Russia 60-ies of the XIX Century: Charles de Mazad's Works in Essays and Opinions

R. R. Khanmurzin

A short review of publicistic works of Charles de Mazade on Russia and Russian publicists' and public figures' comments is given in the article. On the basis of the journalist's theses and phrases, a characteristic of his works is given: political views, his expectations and opinions on certain ideological companions and opponents. In the article the conclusion about a strong influence of de Mazade's works on the Russian society is reached, the dynamics of his views on politics and social life is mentioned. The article enlarges the knowledge of perception of Russian Empire under Alexander II by French society, using articles and essays, which are famous abroad, but have not been translated into Russian.

Key words: Charles de Mazade, «Revue des deux mondes», French publicistic, Alexander II, M. N. Katkov.

Шарль де Мазад (Louis Charles Jean Robert de Mazade), французский журналист и историк, был достаточно заметной фигурой в публицистике Франции, являясь при том большим интеллектуалом своей эпохи. По крайней мере, об этом говорит круг его научных и журналистских интересов – в разное время выходили его статьи и книги, посвящённые истории европейских стран, обзоры их политического и экономического положения в современное ему время, биографии деятелей; не обошел вниманием публицист и литературу – перу де Мазادا принадлежит несколько объёмных эссе о поэзии. Мы не ошибёмся, однако, если отметим, что самым плодотворным периодом жизни Шар-

ля де Мазادا стал период его работы в журнале «Revue des deux mondes», куда он пришёл в 1860 г. на место политического обозревателя. Позже он занял должность заместителя редактора, курируя политическую публицистику, – именно в этот период, в 1882 г., он был избран членом французской Академии за свои достижения в области исторической науки.

Объектом интереса Шарля де Мазادا становятся заметные перемены во внутривнутриполитической жизни государств и их отражение во внешней политике, в состоянии дел в Европе. Так появились работы о революциях в Испании 1854–1868 гг., о революциях в Италии (монографии 1860 и 1864 гг.), о войне Франции и Германии 1870–1871 гг., о восстании в Польше 1863 г., которое большинство французских публицистов-современников, и де Мазад не исключение, окрестило революцией. В этом смысле обращение историка к переменам в российской внутренней политике вполне закономерно, закономерно и структура статей о России. Собственно, все эти пять статей, опубликованных в журнале «Revue des deux mondes»¹ в промежуток времени между 1862 и 1868 г., являют собой достаточно цельное исследование, которое уместно объединить если не в монографию, то по крайней мере в сборник под названием «Россия при императоре Александре II» («La Russie sous l'empereur Alexandre II» – автор сознательно объединяет все статьи единой частью в названии). Задуманные и реализованные в 1862 г. две части исследования о первых годах правления Александра Николаевича, в которых Шарль де Мазад ставит вопрос о кризисе самодержавия, о его отражении в российском обществе и анализирует первые шаги нового кабинета правительства, были продолжением исследования деятельности российского правительства после польского восстания и в связи с ним опубликованы в 1866 г. Последние две работы, опубликованные в 1868 г. и посвящённые внутренней и внешней политике в 1866–1867 гг. в Российской империи, стали для историка последним обращением к российской тематике под грифом «Россия при императоре Александре II»². Помимо пяти статей, о которых шла речь выше, перу де Мазادا принадлежит ряд статей о состоянии польского вопроса в империи, которое он отслеживал чрезвычайно пристально, статья о российском флоте и т. д.³

Обращение к творчеству Шарля де Мазада интересно нам по нескольким причинам. Первая, и самая очевидная – вопрос восприятия французскими современниками событий первых десяти лет правления императора Александра II, времени непростого и неоднозначного для России. Тем более пристально стоит взглянуть на творчество публициста ещё и потому, что он был сотрудником одного из самых влиятельных во Франции «Revue» либерального толка. Сторонник концепции консервативной республики, журнал с умеренных либеральных позиций анализировал процессы в России, одинаково осуждая и революционные изменения, и перегибы самодержавия⁴. Уже в 1870-х гг. «RDM» становится центром русистики, здесь появляются труды А. Леруа-Больё, Л. Леже, А. Рабло, Э.-М. де Вогюэ. Историки и литературоведы, они если и не заложили основ знаний о России в Европе, то, по крайней мере, многократно углубили интерес, их работы, несмотря на возраст, и по сей день остаются актуальными. Автор работы «Русоведение во Франции» И. Д. Гальперин-Каминский уже в 1894 г. определил творчество последних как особое направление во французской науке, считая моментом создания научной школы начало 1870-х гг. С этой точки зрения правомерно с нашей стороны было бы заявить о том, что публицистика Шарля де Мазада стала важной вехой на пути формирования интереса к России во Франции, являясь квинтэссенцией знаний о современном положении внутренних дел империи к 1870 году⁵.

Уже с 1871 г., после крайне неудачной войны с Германией, для Франции остро встаёт вопрос о расстановке сил в Европе, вопрос поиска союзников. Обращение в сторону России в политике обернулось и ростом интереса к последней, который в достаточной мере обеспечивали слависты, в том числе и в «RDM». Тем более интересным для нас становится творчество де Мазада – его публицистика 1860-х гг. сочетает стремление к объективности через внимание к деталям с известной предвзятостью к вещам, проистекавшей и из либерального толка журнала, и из опасений перед мало известной страной. Шарль де Мазад в 1854 г., например, ссылаясь на публицистические труды Ф. И. Тютчева о России, оформленные в виде писем, находит в них выражение «тайных и далеко идущих видов политики России с ее безмерными претензиями и захватническими устремлениями», для воспрепятствования которым Франции следует объединиться с Германией и отвести от Европы эту угрозу⁶. Шарль де Мазад рисует Россию в момент её тяжёлых внутренних, часто противоречивых изменений, приветствует эти изменения, однако на страницах его работ уж слишком часто сквозит пониманием России как недавнего противника в Крымской войне и слишком душно от николаевской эпохи, по А. де Кюстину. Как собрание стереотипов и новых взглядов публицистика де Мазада – уникальный и интереснейший источник.

Интерес к восприятию российской действительности французскими современниками значительно возрос в настоящее время. Ряд новых статей и диссертаций, написанных в последнее десятилетие, – отличный индикатор такого интереса⁷. С расширением круга источников по этому вопросу связан и интерес автора настоящей статьи к публицистике де Мазада. Единственная известная нам специальная работа в этом направлении – перевод одной из статей публициста, выполненный В. А. Слободчиковым с его же комментариями и опубликованный в 1968 году⁸. К сожалению, даже при наличии перевода малой части наследия публициста работы его известны лишь узкому кругу специалистов. Такое упущение представляется весьма обидным, при том что популярность «RDM» и публицистики Шарля де Мазада была в своё время очень высока. Способность чутко реагировать на изменения в общественной жизни Российской империи позволяла публицисту оставаться предельно актуальным. Например, в письме П. В. Анненкову от 28 марта 1868 г. находившийся в Баден-Бадене И. С. Тургенев писал: «В той же книжке “Revue des Deux Mondes” напечатана статья, вероятно, вычеркнутая нашей цензурой, о России в последние два года; достаньте ее, если можете, и прочтите: интересно больно. Подписана она: Ch. de Mazade, но это – prête-nom [подставное лицо. – P. X.], и статью писал непременно русский или поляк, знающий всю нашу подноготную». Авторство статьи вызвало вопрос только у И. С. Тургенева, в остальном авторство статьи, кажется, не вызывает сомнений – тем более интересно такое замечание о статье де Мазада⁹. О другой работе публициста – «известной статье “La Russie après l’insurrection Polonoise” par Charles de Mazade, напечатанной в 1-й книжке “Revue des deux mondes” за 1866 г. и наделавшей столько шуму в Петербурге» – пишет А. Мосолов, отмечая там же: «Гр. Муравьёв читал эту статью с живым интересом»¹⁰. Последнее утверждение, впрочем, неудивительно, учитывая роль М. Н. Муравьёва в событиях 1863 г. В отмеченной статье де Мазад пишет как бы между делом: «Для этого периода, знаменующего в некотором отношении новую историю России, уже есть свои герои. Первый – Муравьёв, второй, по крайней мере, на сегодня – князь Горчаков. В этом ряду есть и третий, и не стоит преуменьшать его влияние»¹¹. В один ряд с первыми двумя де Мазад ставит М. Н. Каткова, предваряя его имя несколькими страницами описаний. Редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей» – фигура, пожалуй, наиболее часто упоминаемая в работах француза.

Здесь стоит сделать небольшое отступление и немного подробнее сказать о взаимных выпадах публицистов в адрес друг друга. Соперники на идеологическом фронте, они не могли и не хотели проходить мимо деятельности друг друга. В этом смысле, конечно, М. Н. Катков был куда сдержан-

нее, его комментарии к Мазеду нам известно не так много. Скорее всего, у автора «Идеологии охранительства» не было склонности к перепалкам с заграничным «аналитиком». В апреле 1866 г. М. Н. Катков в «Московских ведомостях» писал: «Будто чья-то рука подала знак – и сели писать статьи против России французы Мазад и С. М. Жирарден, а Каракозов замахнулся на царя». Отношение к де Мазеду как писателю «против России» – достаточное клеймо, чтобы больше не возвращаться к вопросу. С отношением де Мазеда к Каткову интереснее. Перу француза принадлежит следующее описание русского публициста: «Это бурный темперамент в мягкой оболочке. С поблекшим лицом, со светло-русскими волосами, с голубыми, почти светлыми глазами, с внешностью вообще скромной и задумчивой, Катков соединяет неукротимые страсти, страшно нетерпимый и подозрительный дух, упрямство, повергающее его в раздражение и гнев при противоречии, антипатии, не останавливающиеся ни перед чем»¹².

Описание характера, составленное французом в неприятных тонах, блекнет по сравнению с отношением к роли Каткова (апрель 1868): «Это действительно ужасный человек, Катков со своими “Московскими ведомостями”, всегда в авангарде ультра-патриотического движения, и ничто, может быть, не опишет лучше ситуацию с умонастроениями в России, чем фигура простого журналиста, ставшего властью вне всяких официальных чинов и должностей, сделавшегося главой партии, увлекающего одних и внушающего страх другим...»¹³. Сама фигура Каткова для де Мазеда принципиальна настолько, насколько ярко она выражает умонастроения части общества, это, если хотите, символ. Такой вот неприятный для француза-либерала и внешне и внутренне символ, отражающий российскую действительность как она есть. Прекрасным примером тут станут его же строки, написанные в апреле 1866 г.: «Видимость единогласия, которая появляется иногда в России, имеет небольшую трещину. Существует две моды в идеях и мнениях, которые подобны моде на костюмы. В один день все хотят быть либералами или революционерами, на другой день все с воодушевлением обращаются к реакции. Вчера правил Герцен, сегодня это Катков, le grand Russe последнего времени в России, грозный редактор “Московских ведомостей”. Импульс даётся одинажды и ему все следуют; сопротивляться этому – поступок смелый, достаточно редкий и к тому же бесполезный»¹⁴.

Выше, строкой из письма И. С. Тургенева, мы уже отметили прекрасную осведомлённость де Мазеда о состоянии дел в Российской империи. Используя, конечно, официальные органы печати и журналы, публицист не ссылается притом на своих информаторов, среди которых могли бы быть, по мнению В. А. Слободчикова, представители русской эмиграции, например В. П. Долгоуров. По его же мнению, наиболее видное место

среди источников принадлежало бесцензурным изданиям вольной русской прессы, и особенно сочинениям Герцена. Об этом говорит идейное созвучие статей Мазеда с целым рядом положений, высказанных ранее издателем «Колокола», и использованием материалов последнего. Сам же Герцен писал о работах француза, что они написаны искусным пером, отмечал хорошую осведомлённость автора, достоверность источников и отсутствие предвзятого мнения¹⁵. Совершенно очевидно, что де Мазад и Герцен находятся не только на одной стороне по отношению к границе Российской империи, но и на одной стороне идеологического фронта. Для де Мазеда, аналитика и эксперта, позволяющего себе пространное обобщение, положение вещей внутри Российской империи персонафицировано: Каткову противостоит Герцен, императорской клике старой закалки в лице Пуятина или генерала Строганова противостоят просвещённые массы в лице «журналиста Чернышевского, приговорённого после двух лет заточения в крепости к каторге и ссылке», и т. д. Нисколько не умаляя достоинств работ французского публициста, назвать их по-герценовски непредвзятыми достаточно трудно. Хотя это, в сущности, и прекрасно – публицистика, лишённая предвзятости, в таких условиях вряд ли была бы услышана. Рассуждающему с умеренно-либеральных позиций де Мазеду нетрудно было найти в России 1860-х своего читателя.

Публицистика де Мазеда крайне интересна, и вот с какой точки зрения: пять указанных нами выше статей представляют собой своеобразную летопись событий во внутренней политике Российской империи. Очерченные рамками определённых взглядов, мысли де Мазеда не лишены внутренней динамики, его взгляды меняются вместе с тем, как меняется ситуация в России. Причём выводы об отношении автора к действительности достаточно очевидны даже после поверхностного знакомства с работами. В январе 1862 г. де Мазад писал: «Ясно, что величие России нисколько не в опасности; напротив того, из этого критического положения она способна выйти в таком состоянии, что может стать ещё более грозной для Европы. Династия тоже не под угрозой, хотя в этом пытаются уверить Александра II зачинщики отъявленной реакции; напротив того, она может укрепиться надолго, связав себя либеральной политикой с новыми судьбами России. Но что действительно находится под угрозой, так это весь политический и административный строй...»¹⁶. Ожидание обновления в России, пусть и с небольшой опаской, однако всё же искреннее ожидание. Интересной публицисту была и мысль о том, что Россия проходит тот же этап, который прошла Франция накануне Великой революции – в этом смысле как автор он предстаёт перед нами даже как советчик, а саму статью, точнее, последние её страницы, можно смело трактовать как скрытое обращение автора к самому императору. Приме-

чательна брошенная де Мазадом фраза в конце статьи от 15 июня 1862 г.: «... Европа, которая не просит большего, чем быть удивлённой широтой либерального духа царя»¹⁷. Автор отсылает нас к словам, сказанным императором: «26 августа 1862 года я удивлю Европу», – по мнению де Мазата, словам «загадочным и внушающим надежду».

Настроение 1862 г. сменяется настроением 1866-го, ожидание сменяется осознанием и обличением. Статья посвящена внутренней политике после польского восстания, и именно в связи с восстанием она и анализируется. «Во-первых, и это действительно так, ничего не изменилось ни в государственных и общественных институтах, ни в людях; официальная политика и сегодня такая же, как вчера. Стремление к реформам, которыми было торжественно отмечено начало царствования императора Александра II, не было прервано [в связи с польским восстанием 1863 г. – Р. Х.]. Процесс реформ был приостановлен всего на мгновения, для того чтобы возобновить вскоре свой ход, распространяясь на всё – администрацию и экономику, прессу и организацию судопроизводства, общественный порядок и вооруженные силы. Ничего не изменилось, иными словами, ничего, если речь не идёт об умонастроениях, при которых происходил этот процесс, не о дуновении, которое оживляло процесс, не о рассудке, который процессом управлял. По сути, польское восстание ранило самодержавие в самую его сущность, вмешиваясь в роли и расстановки партий, создавая такую ситуацию, когда намёк на либеральность теряется в решительном отрицании права, когда колеблется текущее общественное мнение, ... когда под кажущимся единством прячется сильная и страшная бесвязность, разобщённость». По мнению автора, Россия не выдержала испытания, обратившись к реакции, а на страницах статьи Катков как страшный образ этой самой реакции, по версии де Мазата, начинает появляться постоянно. Апогея полемика в одну сторону с редактором «Русского вестника» достигнет в статье 1868 г., где количество упоминаний и ссылок на М. Н. Каткова достигнет невообразимого количества. А пока ещё в 1866-м де Мазат напишет: «Россия больна и эту болезнь она переживает тяжело и в делах материальных, и в своих настроениях. Она рассчитывается с людьми либерального склада, которые знают о болезни, которые говорят о ней и у которых не получается быть правыми ... У русских есть пословица, которая гласит: “Нельзя покинуть один берег, не ступив на другой”. Так и с Россией: она уже покинула старый берег и ещё не ступила на другой, и это наиболее очевидный результат опыта последних двух лет»¹⁸.

Безусловно, столь яркий источник по общественной жизни Российской империи в 60-е гг. XIX в., помимо кажущейся очевидности и прозрачности, несёт ещё огромное количество

информации, и наша цель в дальнейшем постепенно приоткрывать новые и новые страницы публицистики.

Примечания

- ¹ Далее – «RDM».
- ² Все статьи одного автора: *Mazade Ch. de. La Russie sous le regne de l'empereur Alexandre II // Revue des deux mondes. T. 37. Paris, 1862 ; La Russie sous l'empereur Alexandre II. La crise de l'autocratie et la societe russe // RDM. T. 39. Paris, 1862 ; La Russie sous l'empereur Alexandre II. La societe et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise // RDM. T. 62. Paris, 1866 ; La Russie sous l'empereur Alexandre II. Deux annees de l'histoire interieure de Russie. 1866–1867 // RDM. T. 74. Paris, 1868 ; La Russie sous l'empereur Alexandre II. La politique exterieure de la Russie et le panslavisme // RDM. T. 75. Paris, 1868. Первая статья 1862 г. есть в русском переводе: *Мазад Ш. де. Россия при императоре Александре II // Дело Чернышевского : сб. док. Саратов, 1968.**
- ³ Примечательно, что полный список статей о России в журнале «RDM» составил профессор Техасского университета США, снабдив ряд статей пояснениями и комментариями и опубликовав труд по библиографии во Франции. См.: *Guthrie C. E. The Revue des deux mondes and imperial Russia 1855–1917 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1984. № 1, Janvier–Mars.*
- ⁴ *Ibid.* С. 94.
- ⁵ Сам И. Д. Гальперин-Каминский единственным серьёзным предшественником плеяды писателей 1870-х и т. д. считал лишь Ж. Г. Шницлера, автора произведения «Империя царей с точки зрения современной науки», вышедшего в промежутке между 1856 и 1866 г. Гальперин-Каминский писал, что «это истинно монументальный труд, содержащий в себе всё, что было в то время известно и России». Автор, концентрируясь на сугубо научном подходе, совершенно не принимает во внимание публицистику, что, в свою очередь, совершенно не умаляет достоинств работ де Мазата. Популярность последнего не оставляет сомнений в том, что с его публицистикой Гальперин-Каминский был знаком, хотя упоминаний об этом в тексте нет. См.: *Гальперин-Каминский И. Д. Руссоведение во Франции // Русская мысль. 1894. Кн. IX.*
- ⁶ *Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 3. Комментарии к письмам Б. Н. Тарасова. М., 2003. URL: <http://lib.rus.ec/b/163198/read> (дата обращения: 10.02.2011).*
- ⁷ См.: *Черкасов П. П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863). По фондам Архива МИД Франции // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2008. Вып. 8 ; Фёдоров С. М. Франция – Россия, Россия – Франция: асимметрия восприятия. М., 2008 ; Пухова Л. А. Русско-французские отношения в оценке и восприятии Николая I, Александра II и Наполеона III (конец 1840-х – начало 1870-х годов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 ; Цыкова К. А. Россия второй половины XIX – начала XX в. в трудах Анатолия Леруа-Больё : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.*
- ⁸ *Мазад Ш. де. Россия при императоре Александре II // Дело Чернышевского : сб. док. Саратов, 1968.*

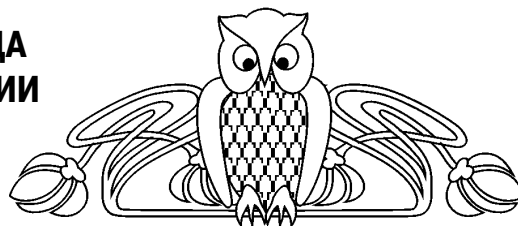
- ⁹ Речь идёт о статье: *Mazade C. de. La Russie sous l'empereur Alexandre II. Deux annees de l'histoire interieure de Russie. 1866–1867 // RDM. T. 74. Paris, 1868.*
- ¹⁰ *Мосолов А.* Виленские очерки (1863–1865 гг.) (Из воспоминаний очевидца) // Русская старина. 1883. Т. 40, декабрь. С. 628.
- ¹¹ *Mazade C. de. La Russie sous l'empereur Alexandre II. La societe et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise // RDM. T. 62. Paris, 1866. P. 280.*
- ¹² Цит. по: *Катков М. Н.* Идеология охранительства. М., 2009. С. 22.
- ¹³ *Mazade C. de. ...Deux annees de l'histoire interieure de Russie. 1866–1867... P. 729.*
- ¹⁴ *Mazade C. de. ...La societe et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise... P. 276.*
- ¹⁵ *Mazad Ш. де.* Россия при императоре Александре II. С. 640.
- ¹⁶ Там же. С. 587.
- ¹⁷ *Mazade C. de. ...La crise de l'autocratie et la societe russe... P. 803.*
- ¹⁸ *Mazade C. de. ...La societe et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise... P. 274.*

УДК 94 (470.4)|1921|303.446.4 (100)

МАСШТАБЫ И ПРИЧИНЫ ГОЛОДА 1921 ГОДА В ПОВОЛЖЬЕ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. И. Помогалова

Саратовский государственный университет
E-mail: ksy2093@mail.ru

В статье исследуются взгляды западных исследователей на масштабы и причины голода 1921–1922 гг. в Поволжье, а также их оценка факторов, побудивших Советское правительство обратиться к Западу за гуманитарной помощью.

Ключевые слова: голод в Поволжье, масштабы и причины голода, продовольственная политика большевиков, западные исследователи голода.

The Magnitude and Causes of Famine 1921 in the Volga Region in Western Historiography

О. I. Pomogalova

The article is devoted to the investigation of western researchers' views on the extent and causes of the famine 1921–1922 in the Volga region. It also takes into consideration their assessments of the factors that prompted the Soviet government to apply Western countries for humanitarian aid.

Key words: famine in the Volga region, extent and causes famine, food policy of Bolsheviks, Western researchers of famine.

Голод, разразившийся на территории Советской России в начале 20-х гг. XX в., был одной из величайших трагедий, пережитых нашей страной. Как известно, большую помощь в его преодолении оказали зарубежные благотворительные организации Европы и Америки. В этой связи интересно, как оценивалась ситуация голода общественностью и специалистами западных стран. Каковы, по их мнению, истоки этого голода? И знали ли на Западе о реальных масштабах произошедшей в СССР катастрофы?

Историк Ричард Пайпс называет голод 1921–1923 гг. «величайшим из человеческих бедствий в истории Европы»¹. Его слова подтверждаются очевидцами из западных стран, которые ярко отразили свои впечатления на страницах прессы.

Американские наблюдатели были ошеломлены масштабами голода. В газете «Новая Республика» события в России были прокомментированы так: «Русской голод по масштабам разразившейся трагедии можно сравнить с историческим бедствием, которое когда-либо обрушивалось на человеческую расу»².

Тысячи деревень были заброшены их жителями, которые уходили в поисках продуктов питания³. Американские официальные лица, находившиеся в России, сообщали, что голод – это самое ужасное бедствие, которое они когда-либо видели. «Миллионы людей, обреченные на смерть, ждали смерти, спокойно смотря ей в лицо»⁴.

Фритьоф Нансен, возглавлявший в те годы Международный союз помощи детям, побывав тогда в Поволжье, писал об обстановке в Пугачёвском уезде: «Голод превосходит все самые мрачные ожидания. Сопровождающий меня доктор Феррер, побывавший в Индии, Африке и Азии, нигде этого не видел. Неубранные на задворках трупы людей обглаживаются собаками»⁵.

Другой современник этих событий указывает также на то, что слухи об ужасающих последствиях голода не преувеличены. Дела обстояли намного хуже, чем когда-либо в Америке⁶.

Джеймс Гудрич, отправленный по поручению Э. Гувера в СССР для изучения голода, был поражен. Он пишет: «В центре Поволжья, где засуха уничтожила посевы, не было обнаружено ни одной собаки. В Саратове все собаки были убиты на колбасу»⁷. Краткий доклад из Национального информационного бюро даёт наглядное представление о ситуации, которая происходила в тот момент. Когда не хватало еды, люди начинали есть животных, корни, кожу и кости. Голод заставлял людей становиться преступниками, чтобы выжить. Разбойники убивали целые семьи, чтобы

украсть корову. Русские люди порой напоминали животных своим поведением. «Мужчины теряли разум и становились каннибалами. Каннибализм, который сначала появляется в единичных случаях, постепенно начал расти, и уже в феврале 1922 года почти в каждой деревне были обнаружены случаи, доказывающие это»⁸.

Корни голода, по мнению европейских исследователей, появляются в революцию 1917 г. После кровопролитий на полях Первой мировой войны, политических переворотов в России, распространения болезней в деревнях пришла угроза нехватки продовольствия, которая и была одним из следствий этих событий⁹.

Историк Генри Фишер отмечает тот факт, что когда была свергнута власть царя, в России начались забастовки и беспорядки. Люди просили хлеба. Ещё в 1914 г. отмечается нехватка продовольствия, которую европейские историки связывают с коррупцией, спекуляциями, транспортными проблемами и общей административной некомпетентностью¹⁰. Таким образом, серьезные разрушения в сельскохозяйственной сфере, вызванные шестилетней непрерывной войной, можно считать первой причиной, вызвавшей голод.

Второй причиной был природный фактор. Сильная засуха ударила по Поволжью. Английский историк Д. Арнольд отмечал влияние климата как одно из условий, способствовавших голоду¹¹.

Однако в первую очередь причина голода западными специалистами видится в неэффективной политике распределения продовольствия, которая вводится Советами сразу после ноября 1917 года¹². Профессор С. Н. Прокопович, который в июле-августе 1921 г. был одним из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим, обратился к глубинному анализу причин голода 1921 г. в России, указав на то, что коммунистическая партия, согласно своим социально-классовым целям, преследовала зажиточных крестьян. Она изымала все продовольственные запасы, особенно на территории, периодически страдающей от засухи. Когда на этой территории урожай 1920 г. был изъят «под метелку», а 1921 г. оказался засушливым и неурожайным, наступил голод. Таким образом, главная причина голода 1921 г., по его мнению, – это продовольственная политика большевиков. Остальным возможным факторам, способствовавшим гуманитарной катастрофе, автор отводит второстепенное место¹³.

Джером Ландфилд также возлагает «полную ответственность за голод на политику большевиков»¹⁴.

С С. Н. Прокоповичем и Дж. Ландфилдом согласен Д. Арнольд, который в своих трудах также отводит основную роль в провоцировании голода решениям советского руководства и действиям на местах¹⁵. Засуха может вызвать неурожай, но действия или, скорее, бездействие общества и правительства вызвали голод. К основным фак-

торам голода учёный относит нерациональное использование земли, неоправданно высокие налоги, плохие дороги и многое другое. Опровергая идею, что голод – результат лишь погодных условий, Д. Арнольд заключил, что он был вызван слабостью общественной структуры.

Таким образом, главная причина голода многими западными специалистами видится в катастрофических последствиях советской экономической политики, в частности продразверстки. Некоторые утверждали, что Советы использовали продразверстку как оружие, чтобы свести на нет оппозицию.

Западные историки дружно отмечают вынужденный характер обращения советского руководства за продовольственной помощью.

Дж. Лонг пишет, что нежелание русского правительства признать существование проблемы проявилось хотя бы в том, что первое официальное признание голода произошло только 5 июля 1921 г., когда в газете «Известия» сообщалось о неурожае в низовьях Волги. При этом большая озабоченность была вызвана угрозой вспышки холеры в этом регионе, а не голодом как таковым¹⁶. Ф. Халлер обращает внимание на то, что благодаря эффективной цензуре и прессе многие люди в России держались в неведении о текущих бедствиях. Причина неразглашения правды о голоде видится им в страхе Советов перед возможностью оказаться в политической оппозиции. Помимо этого, Советы не хотели искать помощи извне¹⁷.

Историк Ч. Эдмондсон указывает на то, что Советы знали о проблеме перебоев с питанием. По его словам, «Советское правительство бесспорно должно было воспринимать угрозу голода ещё до того, как он разразился на самом деле». Эдмондсон делает вывод, что «Советы специально решили игнорировать истинный размах голода»¹⁸.

Эдмондсон четко видит дилемму, перед которой стояли Советы: «Если Советы начнут массированную кампанию с привлечением иностранной помощи для борьбы с человеческим и экономическим аспектами голода, то они будут подвергаться значительному политическому риску. Поэтому, чтобы свести к минимуму опасность новой оппозиции, а также давления из-за рубежа, Советы и приняли решение игнорировать проблему голода»¹⁹. Все эти меры только усугубляли ситуацию. И только когда в России были созданы советы помощи голодающим в июне 1921 г., коммунисты открыто заговорили о бедствии²⁰. Помимо этого, ухудшились условия транспортировки, особенно отсутствие локомотивов и транспортных судов усугубляло ситуацию с голодом²¹.

Как пишет Б. Вайсман, Ленин, казалось бы, понимал всю серьёзность ситуации. Он видел прямую связь между неурожаем и падением мощи государства. На X съезде РКП(б) 8 марта 1921 г. в своей речи он заявил: «... после революции политика продразверстки была необходима, чтобы укрепить армию и тем самым спасти страну от гибели...», «... но тем не менее, в голод невозможно взять из-

лишки у крестьян, потому что их просто нет. А если не решить проблему голода в среде крестьян, то это может также привести к гибели государства»²². Таким образом, Ленин назвал голод «бедствием, которое угрожает свести на нет все революционные работы»²³. Б. Вайсман, как и Г. Фишер, увидел в словах Ленина подтекст: голод «угрожает стабильности большевистской власти»²⁴.

Общественное признание голода Советской Россией, по существу, было первой формальной просьбой об оказании международной помощи. Ч. Эдмондсон указывает на нехватку ресурсов у Советского правительства для преодоления голода²⁵. Его слова подтверждаются дальнейшими событиями. 5 июля 1921 г. патриарх Московский Тихон направил письмо в Ватикан с призывом о помощи голодающему населению страны. Он обратился к папе Бенедикту XV: «Господь послал новое страшное бедствие на Россию, уже затравленную от зла последних войн... Россия нуждается в помощи, потому что она настолько ослаблена, что уже не может помочь себе самостоятельно. Во имя Бога, мы просим поэтому помощи у Вас»²⁶.

Тихон попросил также помощи у Соединенных Штатов и Европы. Через неделю, 13 июля, русский писатель Максим Горький повторил просьбу Тихона с призывом «ко всем честным европейским и американским народам пожертвовать хлеба и медикаментов для его пострадавших соотечественников»²⁷. 25 августа в газете «Правда» появилось заявление Г. Чичерина, народного комиссара иностранных дел, в котором говорилось о том, что «Советское правительство приветствует помощь всех государств и не связывает это с политическими соображениями. Россия благодарит все иностранные организации и группы, которые предлагают помощь»²⁸.

Таким образом, мы видим, что голод 1921–1922 гг. стал глубоким социально-экономическим потрясением, оказавшим существенное влияние на все последующее развитие региона. Он привлёк внимание значительного числа западных историков, которые не только описывают сам голод, но и пытаются установить его причины. Они видят главную из них в особой (военно-коммунистической. – О. П.) политике советского руководства, которое, стремясь к реализации большевистских утопий, привело страну и общество к катастрофе. Очевидцы из западных стран ярко запечатлели и донесли до своих сограждан грандиозные масштабы трагедии, чем вызвали их сочувствие и активное желание помочь в преодолении голода в России.

Примечания

- ¹ *McNamara P.* A Catholic Cold War: Edmund A. Walsh, S.J. and the Politics of American AntiCommunism. N.Y., 2005. P. 24.
- ² Russian Famine // *The New Republic*. 1921. August 10.
- ³ См.: *Goodrich J. P.* The Plight of Russia // *Outlook* 132. 1922. January 11.
- ⁴ Summary Report Commission on Russian Relief of the National Information Bureau The Russian Famines 1921–1922, 1922–1923. N.Y., 1923. P. 26.
- ⁵ *Nansen F.* Russia and the world. M.-Pg. StatePublishing House, 1923. P. 147.
- ⁶ См.: *Landfield J.* The Relief of Starving Russians // *The American Review of Reviews* 64. 1921. September 12.
- ⁷ *Goodrich J. P.* Op. cit.
- ⁸ Summary Report Commission on Russian Relief. P. 26.
- ⁹ *Bertrand M.* Patenaude. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002. P. 15.
- ¹⁰ См.: *Fisher H. H.* The Famine in Soviet Russia 1919–1923: The Operations of the American Relief Administration. Stanford, 1971. P. 6.
- ¹¹ См.: *Arnold D.* Famine: Social Crisis and Historical Change. Oxford, 1988. P. 29.
- ¹² *Saul N. E.* Friends of Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941. Lawrence, 2006. P. 60.
- ¹³ *Prokopovich S. N.* National economy USSR. T. I. N.Y., 1952. P. 32.
- ¹⁴ *Fisher H.* Op. cit. P. 7.
- ¹⁵ *Arnold D.* Op. cit. P. 29.
- ¹⁶ *Long J. W.* The Volga Germans and the Famine of 1921 // *Russian Review* 5. 1992. October 4.
- ¹⁷ См.: *Haller F.* Famine in Russia: the hidden horrors of 1921 // *Le Temps*. 2003. August 12.
- ¹⁸ *Edmondson C. M.* Soviet Famine Relief Services, 1921–1923. Florida State University, 1970. P. 63.
- ¹⁹ См.: *Edmondson C. M.* The Politics of Hunger: The Soviet Response to Famine. 1921 ; *Soviet Studies*. Vol. 29 (1977). № 4. P. 507.
- ²⁰ *Ibid.* P. 515.
- ²¹ См.: *Haller F.* Op. cit..
- ²² *Weissman B. M.* Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia: 1921–1923. Hoover Inst Pr. Stanford, 1974. P. 2.
- ²³ *Ibid.* P. 8.
- ²⁴ См.: *Fisher H.* Op. cit. P. 50.
- ²⁵ *Edmondson C. M.* The Politics of Hunger. P. 506.
- ²⁶ *Tikhon P.* The Children Are Starving. Unpublished manuscript. ACUA, 1921. July 5. P. 149.
- ²⁷ *Ibid.* P. 8.
- ²⁸ Цит. по: *Haller F.* Op. cit.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 9(470) «18»

РУССКИЙ СОЛДАТ В БАЛКАНСКОМ КРИЗИСЕ СЕРЕДИНЫ 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsa@mail.ru

В статье рассматривается облик русского солдата в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Вскрываются недостатки русской армии, а также дается описание мобилизационного развертывания, хозяйственного содержания русских армейских частей, проводятся исторические параллели между Россией и странами Балканского полуострова.

Ключевые слова: Балканский полуостров, действующая армия, военные корреспонденты, ставка главнокомандующего.

Russian Soldier in the Balkan Crisis of the mid-70-ies. the XIX Century

S. A. Kochukov

The article is devoted to the image of Russian soldier in the Russian-Turkish war in 1877–1878. The disadvantages of the Russian army, as well as the mobilization deployment, the economic content of the detachment. Also there are historical parallels between Russia and the countries of the Balkan peninsula.

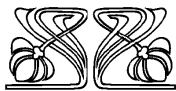
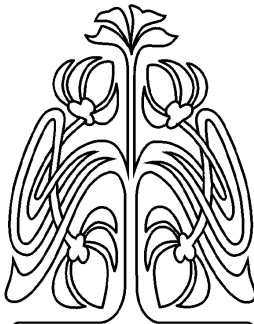
Key words: Balkan peninsula, current army, war correspondents, rate of the commander-in-chief.

После проводимых в России военных реформ в 60–70-х гг. XIX в. русская армия подошла к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в несколько обновленном виде. Это было заметно в первую очередь по значительному увеличению количества обученного резерва, что обеспечила новая система комплектования армии. Согласно штабной росписи по штатам мирного времени на 1876 г. численность русской армии составляла 72 123 человека, в случае войны предполагалось призвать еще 752 305 человек¹. Однако столь внушительные цифры были только на бумаге, так как численность резерва составляла всего 517 941 человек².

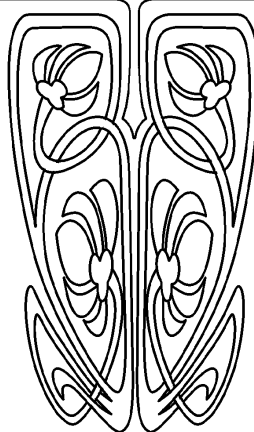
Тем не менее так называемая обновленная русская армия имела много схожих черт с вооруженными силами России периода Крымской войны. Это было заметно главным образом по низкому уровню боевой подготовки, так как все обучение сводилось лишь к строевым упражнениям. Учить солдат видению боевых действий считалось нецелесообразным.

Даже в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в войсках больше внимания уделялось проведению смотров и парадов, а не боевой подготовке, чего требовал новый милютинский военно-полевой устав³. Показателен еще и тот факт, что русские войска не имели общеобязательной боевой инструкции с правилами объединенных учений пехоты и артиллерии⁴.

Параллельно с сокращением срока службы ослабляется и ее тяжесть: телесные наказания, процветавшие в николаевской армии, были, по крайней мере юридически, сведены до минимума еще в 1863 г. «Зуботычина» и после этого, конечно, сохранялась: кроме художественного свидетельства В. М. Гаршина⁵, существование ее еще и в более позднее время официально засвидетельствовано приказом генерала М. И. Драгомирова, который начинался словами: «В некоторых частях дерутся»⁶. Разница заключалась лишь в том, что теперь рядовой состав

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

русской армии подвергался телесным наказаниям не по закону, а по обычаю.

И, наконец, самая слабая сторона рядового состава русской армии – чрезвычайно низкий уровень грамотности. Но именно этот факт станет определяющим в отношении солдат к войне с Османской империей. По данным Генерального штаба, перед войной с Турцией умеющих читать и писать среди солдат русской армии было только 5%⁷. Такой низкий показатель определяется еще и тем, что сами офицеры не горели особым желанием прививать грамотность рядовому составу. Основная масса офицеров полагала, что «пушечному мясу» грамотность ни к чему, а солдатам при случае ничто не мешает быть завсегдаемыми кабаков и трактиров. Само понятие «воспитание рядового» для второй половины XIX в. совершенно не применимо. Дело в том, что при любом удобном случае офицеры старались свои воспитательные функции переложить на полкового священника, который не только вел церковные службы и отправлял требы, но и проводил один раз в две недели вечерние беседы с нижними чинами. Эти нерегулярные беседы и легли в основу формирования облика русского солдата в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., его отношения к войне и решению Балканской проблемы. Многие полковые офицеры были совершенно убеждены, что «беседы эти, имея целью устранить в солдате все дикое, грубое и укрепить все доброе, благородное, справедливое, будут прекрасным подспорьем для ротного командира в его стремлении направить и поддержать солдата на добром пути, и, бесспорно, беседы эти отразятся смягчением нравов казарменной жизни и уменьшением процента преступности»⁸. Встречи полкового священника с рядовыми в данном случае можно рассматривать и как своеобразную политинформацию, в процессе которой шла ненавязчивая агитация относительно службы. В доступной для солдат форме представлялась политическая обстановка, в данном случае на Балканском полуострове, развивалась идея о помощи «братушкам», которые были угнетаемы Турцией. Наконец, «... в дружеской беседе, живым образным языком, доступным пониманию солдата, священник развивал сознательную любовь к отечеству... давал разумное понятие о природе и ее явлениях, рассеивал бесчисленные суеверия и предрассудки»⁹.

Своеобразными носителями информации для солдат были их старшие товарищи. Дело в том, что на момент начала Русско-турецкой войны 1877–1878 г. в рядах русской армии находилось значительное число военнослужащих рядового состава, которые прошли еще Крымскую войну. Кроме того, в отношении Турции в русской армии выработалась своеобразная «привычка». Именно Османская империя рассматривалась солдатами как обязательный противник, любой турок воспринимался как естественный враг истинного христианина. Поэтому любой слух или известие

о готовящейся войне против Порты находили положительный отклик у рядового состава русской армии. Необходимо также отметить, что более 80% всех солдат русской армии понятия не имели о боевых возможностях Турции. На солдат распространялся такой же фактор «антиосманской моды», как и на остальную часть русского общества.

Однако агитация солдат не была пущена военным министерством на самотек. Еще в 40-х гг. XIX в. была разработана специальная программа, имевшая целью «содействовать умственному и нравственному самообразованию» нижних чинов. Для этой цели с 1847 г. в России начинают издаваться специальные журналы для солдат – «Чтение для солдат», «Солдатский собеседник» и «Солдатские сочинения». Но если в Крымской войне данная программа еще не проявила себя, то к Русско-турецкой 1877–1878 г. эти издания сделали свое дело. Высочайше утвержденной программой издания устанавливалось, что в них будут помещаться «как статьи оригинальные, так и заимствованные из всех русских книг и журналов, с применением статей к понятиям солдат». В результате последние получают возможность ознакомиться «с лучшими произведениями современной русской литературы». Первоначально эти журналы состояли из пяти разделов:

- 1) духовно-нравственного;
- 2) исторического;
- 3) научного;
- 4) повествовательного (в стихах и прозе);
- 5) «смеси».

Авторами в подобных изданиях очень часто выступали все те же солдаты.

Можно заметить своеобразную закономерность – в специальных журналах для солдат с 1875 г. значительно увеличивается количество материалов, касающихся предстоящей войны с Турцией. Все они, безусловно, носили вид своеобразной «агитки», и для того, чтобы рядовому составу был понятен предмет агитации, все это было представлено в виде своеобразных наставлений или писем. Показательным в этом отношении является письмо солдата к своему брату-новобранцу, в котором говорилось: «Во всяком данном тебе поручении или приказании заслуживай похвалу. Никакое дело не откладывай до завтра, если можешь сделать сегодня... Избегай дурных товарищей и не входи ни в какие беседы с ними; таких людей нужно опасаться, потому что через таких людей можно безвинно пострадать... При практических занятиях не скрывай от своего товарища ничего, что прежде его выучишь или знаешь; но, напротив, постарайся и ему разъяснить то, что сам знаешь. Вверенные тебе казенные деньги или вещи береги пуше своих»¹⁰.

Однако, несмотря на подобные наставления, известие о начале боевых действий против Турции было для большинства солдат совершенно неожиданным. По воспоминаниям рядового л.-гв. Измайловского полка: «... спокойно потекла

счастливая жизнь, пока могучее, царское слово не перенесло неожиданно нас в Турцию – освобождать братьев-славян от тех притеснений, которые они терпели много лет от своих угнетателей-турок...»¹¹.

Идея, что русские солдаты идут на Балканы выполнять святое дело – освободить братьев по вере от турецкого ига – захватила буквально всех. Уже в ходе войны сформировалась официальная точка зрения, согласно которой русские солдаты шли выполнять свою историческую миссию – «спасать братушек» от турецкого ига. Действительно, такая позиция имела под собой реальное основание, так как сохранилось значительное количество исторических источников, которые подтверждают подобную точку зрения. Например, в одном из анонимных воспоминаний, посвященных войне, отмечено: «Кто из нас не помнит этого замечательного времени. Нет деревушки, которая не слышала бы о “добровольцах”; нет города, в котором толпы народа не провожали бы их с благословениями и пожеланиями. Помещик, мужик от сохи, отставной солдат, офицер – все потянулись на войну, где рядом с кровью братьев-сербов, лилась уже русская кровь»¹². В другом историческом источнике мемуарист указывает: «С какой завистью смотрели мы, бывало, когда из города отправлялись в Сербию добровольцы: мы сами были движимы этими чувствами – помочь нашему брату-болгарину и отомстить туркам за поруганный крест, за поруганную веру Христову; и вот, наконец, дождалась и мы пойдем туда, куда стремились добровольцы!»¹³. Из приведенных категоричных цитат может сложиться мнение, что не только в прогрессивном русском обществе, но и в солдатской среде возобладала настроенная поголовной помощи братьям-славянам.

У освободительной миссии была ещё и монархическая составляющая. Значительная часть русского общества была убеждена, что идея освобождения славян должна в первую очередь исходить от носителя верховной власти в России – императора Александра II¹⁴. А исполнителями в этом процессе должна быть та самая «серая скотина», которая блестяще проявит себя в войне на Балканском полуострове. Лучшего инструмента для достижения «исторического предназначения», чем рядовой русской армии, найти было невозможно, так как за ним укрепились такие качества, как «терпеливость, малая впечатлительность, безответная покорность приказу начальника, безответная преданность престолу, отечеству и вере предков»¹⁵. Все без исключения были уверены, что, даже умирая, русский солдат должен прежде всего думать о самодержце. Подобные заявления прослеживаются в первую очередь в русской прессе, в которой появилось большое количество произведений подобного толка. Характерным примером этого является произведение «В Поградимском госпитале»:

*Он умирал за родину,
За веру православную,
За батюшку-царя.
Он умирал, – неизвестный,
Один в чуждой стране...
Казак собрался с силами
И молвил он: «Царь-батюшка!
Одно мне только надобно:
Чтоб вы своею ручкою
Закрыли мне глаза...»¹⁶.*

Убежденность в том, что солдаты делают святое дело, отправляясь на войну, прослеживается буквально во всем¹⁷. Однако, независимо от великодержавных заявлений, многим было понятно, что война дело опасное и неизвестно чем она закончится для каждого: «... всякий солдат сознавал, что идет на великое дело; сочувствие выражалось со всех сторон и еще больше возбуждало рвение солдата. Сочувствие это не уменьшалось, когда мы выступали из столицы: масса народа провожала нас с криками “ура”, с пожеланием успеха. Но все-таки солдату было несколько тяжело: приходилось бросать свою семью без опоры; и не известно, приведет ли бог возвратиться...»¹⁸. Но психология солдата совершенно менялась после первого боя, после появления убитых и раненых: «Немного спустя, пришло известие о смерти наших товарищей; в присутствии всего полка была отслужена панихида, а потом мы все задумались – зачем мы здесь, зачем эти никому ненужные жертвы?»¹⁹.

На данном этапе развития Балканских событий отношение к войне офицеров и солдат было фактически одинаковым, но с одной лишь существенной разницей. Если офицеры видели в боевых действиях против Турции способ несколько отвлечься от наскучившей им армейской рутины, то солдаты осознавали войну как опасную работу, хотя на первых порах это было и не так заметно. Большинство из них понимало, что они выполняют волю царя и вынуждены быть верными присяге, но в чем именно заключается их «освободительная миссия» – это рядовым в основной массе было непонятно. Слова «освобождение несчастных от турецкого владычества» так и оставались для солдат лишь красивыми словами.

В Турции с отношением к войне с Россией обстояло сложнее. Во-первых, знаменитый мусульманский фанатизм фактически никак не проявлялся, а во-вторых, в Османской империи обнаружилась нехватка рядового состава. При этом эта проблема проявилась настолько, что турецкий генералитет вынужден был в порядке приказа призывать в свои вооруженные силы даже христиан²⁰.

С началом войны 1877–1878 гг. среди русского крестьянства – потенциальных солдат – стали высказываться идеи относительно того, что сражения с турками будут вестись по причине «земельной тесноты», и именно в это время стали циркулировать слухи о готовящейся новой земельной ре-

форме. А. Н. Энгельгардт в своих воспоминаниях отмечал: «Кончится война, будет ревизия и будут равнять землю. Так как толковали совершенно открыто и повсеместно, то понятно, что обо всех этих толках сделалось всем известно»²¹.

Тем не менее ситуация в России в отношении войны с Османской империей достигла такого накала, что антитурецкими настроениями оказались заражены все. На войну шли с видимой охотой не только офицеры, но и простые солдаты. Кроме того, само русское общество толкало солдат на войну. Везде, где были расквартированы части, отправляющиеся на Балканский полуостров или на Кавказ, им устраивали торжественные проводы. По свидетельству одного пехотного офицера: «После краткой речи нам предложили ужин: солдатам выдали по большому стакану водки, по кружке чаю с булкой и сигаре. После хорошего ужина с музыкой было выпито много шампанского и говорено много речей, после чего следовала масса пожатий рук. Солдатики наливались, разумеется, до невозможности и мы (офицеры. – С. К.) с трудом порассаживали их по вагонам»²².

Безусловно, такие проводы заставляли солдат буквально бросаться в бой и вся русская армия была несколько обескуражена медленным началом войны. Русский военный корреспондент В. Крестовский писал в своих заметках: «Бездействие армии, собранной в Бессарабии, начинает заметно томить ее, ввиду неопределенности дипломатических решений... Настает период сомнений в силе армии и государства, в силе ее внешних союзов. Интимные разговоры в кружках на этот счет становятся все громче и чаще. Зачастую слышишь отзвув, исполненные горечи и иронии, что мы-де никуда не двинемся и лишь дай бог назад-то уйти без особого срама. Кишиневскую стоянку, по примеру «Азовского сидения», уже окрестили именем «Кишиневского сидения» и говорят, что армии будут розданы медали с надписью «туда и обратно»»²³.

Военный историк и мемуарист М. М. Поземковский²⁴ первым постарался рассмотреть изменение состояния русского солдата непосредственно на фронтах Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. По всей видимости, на Поземковского оказало серьезное влияние литературное творчество Л. Н. Толстого, в частности «Севастопольские рассказы». В ряде случаев Михаил Михайлович старался даже подражать Льву Николаевичу Толстому. Особенно это заметно при характеристике внутреннего, психологического состояния русского солдата: «... само собой разумеется, нервная система человека испытывает такое страшное напряжение и сам он переполняется таким, гнетущим все его существо, чувством, о котором мое слабое перо, конечно, не дает читателю даже и приблизительного понятия... бывают минуты, когда храбрость человека обуславливается всецело степенью его бессознательности. И счастлив же тот субъект, которому бывает присуща эта

бессознательность в подобные страшные минуты...»²⁵. Отношение же русского солдата к войне 1877–1878 гг. в изображении Поземковского было совершенно не типичным для большинства воспоминаний, т. е. не было представлено особого желания «освободить братушек». С другой стороны, мемуарист высказывает предположение, что русскому воинству надоела казарменная жизнь, все жаждали перемен.

Несмотря на то что о солдатах офицеры всегда в своих мемуарах отзывались весьма лестно²⁶, длительное стояние на одном месте приводило к различным недоразумениям в отношениях с местным населением. Еще в ходе болгарского и сербского восстаний бывали случаи убийства местных жителей и мародерства со стороны русских солдат-добровольцев²⁷. Но в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в прессе старались такие случаи не освещать, а наоборот, показывать лишь положительные стороны русского солдата.

Необходимо отметить, что русская пресса в этом отношении преуспела, сформировав облик совершенно непогрешимого русского солдата, который думает только об исполнении долга и служении царю и отечеству. Более того, формировался облик совершенно нового, образованного, применительно к условиям 70-х гг. XIX в., солдата.

Примечания

- 1 См.: Золотарёв В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг.: апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 20; Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 21.
- 2 См.: Исторический очерк деятельности военного управления России (1855–1880) : в 12 т. СПб., 1880. Т. 5. С. 121.
- 3 Военная реформа 60–70-х гг. XIX в. включала в себя следующие мероприятия:
 - 1) переход от рекрутчины, т. е. набора солдат лишь от части сословий России, ко всеобщей воинской повинности с одновременным значительным сокращением срока действительной службы;
 - 2) улучшение подготовки офицеров путем перехода от кадетских корпусов к военным гимназиям, дававшим обучаемым в них большой набор общеобразовательных предметов;
 - 3) постепенное изменение самой системы подготовки войск в мирное время, отказ от парадомании, попытку обучить рядовой состав тому, что необходимо на войне;
 - 4) создание военных округов и восстановление корпусов, придававших армии большую децентрализацию.
- 4 См.: Беляев Н. И. Указ. соч. С. 42.
- 5 См.: Гаршин В. М. Первая книга рассказов. СПб., 1885.
- 6 Цит. по.: Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. СПб., 1923. С. 266.
- 7 См.: Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898–1911. Вып. 21, ч. II. С. 210.

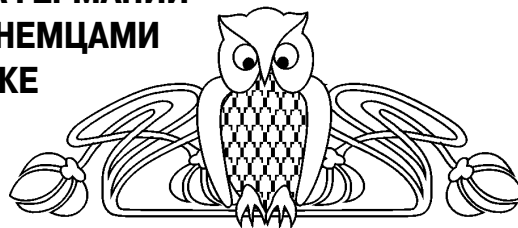

- ⁸ Лоссовский С. Д. Забава и дело в казарме // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 262.
- ⁹ Там же. С. 263.
- ¹⁰ Письмо солдата // Сборник солдатских сочинений. Вып. 1. СПб., 1885. С. 5–6.
- ¹¹ Сборник солдатских сочинений. Вып. 1. СПб., 1885. С. 14.
- ¹² Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 4.
- ¹³ Гуськов С. Походы и действия 70-го пехотного Рязжского полка в войну 1877–1878 гг. (воспоминания вольноопределяющегося). Люблин, 1909. С. 2.
- ¹⁴ См.: Богучарский В. Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии // Современник. 1911. № 3. С. 181.
- ¹⁵ Лоссовский С. Д. Указ. соч. С. 261.
- ¹⁶ А.И.С. В Порадимском госпитале (Правдивое сказание о царе-освободителе и умирающем казаке в 1877 г.) // Разведчик. 1892. № 90. С. 135–236.
- ¹⁷ Наконец, для русских солдат серьезной была еще и религиозная составляющая. Многие рядовые готовы были оставить свои домашние проблемы, лишь бы решить «вековой спор» между мусульманами и христианами: «Тоже семья, слава богу, а я вот все бросил: летом в Сербию ходил, а теперь вот вторично поступил, потому за крест святой идем; я и душу то готов за него положить...»
– Это верно; за гроб господень, за крест идем! Польшались голоса» (Наше житье бытие во время пребывания в турецких войнах. М., 1879. С. 18).
- ¹⁸ Сборник солдатских сочинений. Вып. 1. СПб., 1885. С. 16.
- ¹⁹ Там же. С. 15.
- ²⁰ См.: Ладария И. На заре моей жизни (Воспоминания абхазского крестьянина из времени последней Русско-турецкой войны) // Исторический вестник. 1891. № 10. С. 109–118.
- ²¹ Энгельгардт А. Из деревни // Отечественные записки. 1882. № 2. С. 322.
- ²² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 485. Оп. 1. Д. 398. Л. 3.
- ²³ Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878) : в 2 т. СПб., 1879. Т. 1. С. 8–9.
- ²⁴ См.: Поземковский М. М. Описание боевой деятельности в 1877–1878 гг. 155 пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка. Тифлис, 1888. ; Он же. Описание боевой жизни 155-го пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878 годов. Тифлис, 1881.
- ²⁵ Поземковский М. М. На батарее и в траншеях (Картины боевой жизни под Карсом) // Сборник военных рассказов. СПб., 1879. Т. 5. С. 262.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 398. Л. 5. Так же в восторженных тонах описывают русского солдата и многочисленные корреспонденты, находящиеся в русской армии. Корреспондент «Temps» писал: «Русская армия превзошла самые смелые ожидания. Я не могу нахвалиться добрыми отношениями русских офицеров и солдат к населению Румынии. С обеих сторон, русской и румынской, слышатся заявления искреннего удивления ввиду тех успехов, какие сделаны обоими народами после войны 1854 года. Казаки, особенно молодежь, также поразили французского корреспондента своим поведением и большим добродушием» (Северный вестник. 1877. № 29. С. 2). Отличное состояние и поведение русских солдат подтверждают и русские корреспонденты: «Дисциплина наших войск отличная, в чем я сам мог убедиться, проезжая с войсковым поездом. На одной станции с нашего поезда несколько солдат вышли нарвать на лугу травы для своих лошадей; хотя трава, разумеется, ничего не стоит при таких тучных пастбищах, какие существуют здесь, но из дома вышла румынка и пристыдила солдат, сказав, что “до сих пор, сколько уже ваших проехало, а ни один из них ничего даже пальцем не тронул”. Этим немногих слов скупой румынки было достаточно, чтобы остановить солдат. Вообще, как видно, нигде местные жители не жалуются на русских и весьма довольны их поведением. Мне рассказывал один из встретившихся здесь немцев, что сначала в Румынии опасались русских черкесов и казаков до того, что даже рассылали их описания для предупреждения жителей; но потом вскоре убедились, что бояться нечего. Ко мне самому, прибавил немец, поставлены на постой 50 казаков, и я до сих пор не могу на них пожаловаться. Напротив, румынские войска, как видно, не обладают такой дисциплиной. Так, например, сообщают, что стоявшие в Журжеве румынские войска вызвали недовольство и ропот со стороны местных жителей, и последние были весьма довольны, когда румынские войска сменились русскими» (Анекдотические истории текущей войны. СПб., 1877. С. 11–12). Далее корреспондент добавляет: «Дисциплина, как говорят, превзошла все ожидания. Нигде местные жители не жалуются на наших солдат. В то время, когда я был в Петербурге, мне не всегда верилось всему тому, что писали о блестящем состоянии наших армий; а теперь всем неверующим я бы посоветовал прибыть сюда и убедиться самим на месте» (Там же. С. 12).
- ²⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1750. Оп. 2. Д. 60. Л. 6.

УДК 94(=112.2)(47+6-11):070(430)+325.3(430)|1906/1909|

ОФИЦИАЛЬНАЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПРЕССА ГЕРМАНИИ ПО ВОПРОСУ ЗАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИМИ НЕМЦАМИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ И ПОЗИЦИЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ КРУГОВ (1906–1909-е годы)

В. Шмидт

Университет Регенсбург, Германия
E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

Статья посвящена анализу газетных статей в немецкой официальной и колониальной прессе Германии, касающихся переселения российских немцев в восточноафриканские колонии. В статье раскрыты основные позиции колониальных кругов Германии по данному вопросу.

Ключевые слова: официальная пресса Германии, колониальная пресса, российские немцы, Восточная Африка, колониальные круги, колониальное господство.

Reports of Official and Colonial German Media on the Settlement of German Russians in the German Colony in Eastern Africa and the Position of Colonial Strata 1906–1909

V. Shmidt

In this essay on the German Media the author analyzes the emigration of German Russians to the Eastern African colonies. Based on contemporary media of the German Empire the author presents the different opinions about the issue of this kind of emigration. The official and colonial media show different strategies of the colonial strata of the society on behalf of emigration of German Russians to Eastern Africa.

Key words: Public Media in the German Empire, Colonial Media, German-Russians, Eastern Africa, Bureau of Colonies, colonial strata of the society.

Периодическая печать имеет важное значение в формировании исторических представлений при исследовании определенных историко-правовых вопросов и является одним из источников для изучения истории российских немцев и прежде всего для выяснения причин и особенностей развития эмиграционного движения в годы, предшествующие Первой мировой войне. В официальной и колониальной прессе Германии нашли отражение многие вопросы по проблеме заселения немецких колоний в Восточной Африке (ныне Танзании) выходцами из России.

Анализ газетных статей в официальной и колониальной немецкой периодической печати периода 1906–1909 гг. позволяет расширить наши представления о самом эмиграционном движении среди российских немцев, а также о позиции правящих кругов Германии по этой проблеме.

В начале 1906 г. немецкая печать широко обсуждала план, разработанный губернатором восточно-африканских колоний графом Гетценом, который предлагал использование переселенцев из России для заселения региона Килиманджаро – Меру.

Он требовал создания деревенского поселения, состоящего из 50 крестьянских дворов, на земельной территории площадью 2500 га, выделяемой для этой цели из земельного фонда Переселенческого комитета. По плану Гетцена было необходимо, чтобы в новом поселении специально выделялось 20 га для организации приусадебных участков. План о заселении региона Килиманджаро – Меру включал три основных пункта:

- 1) использование при заселении восточно-африканских колоний выходцев из России;
- 2) освобождение переселенцев в Восточную Африку от воинской обязанности;
- 3) организацию мелких крестьянских поселений без использования сил местного населения.

Позиция графа Гетцена рассматривалась в немецкой периодической печати как непатриотическая. Первые голоса, прозвучавшие в немецкой прессе, сосредоточили в себе оппозицию, направленную на критику взглядов губернатора¹. В основном негативная тенденция в периодической печати по вопросам переселения российских немцев в Восточную Африку развернулась по трем основным направлениям:

- предпочтение российских немцев как основного переселенческого материала по отношению к имперским немцам;
- освобождение российских немцев как иностранцев от воинской обязанности;
- создание сельскохозяйственного поселения без использования рабочей силы из числа местного населения.

Уже 23 января 1906 г. в газете «Berliner Neueste Nachrichten» появилась статья доктора Шрёдера-Пагеллова, в которой он высказывал негативное отношение к самому вопросу переселения немцев из России в восточноафриканские колонии Германии. В частности, в этой статье он писал: «Что это за политика, когда имперские немцы должны селиться в колонии, причем только на побережье и при этом отдавать свои деньги, когда русские немцы освобождены от всех трудностей

и как иностранцы в колонии получают землю»². Аналогичная статья с негативным отношением к вопросу переселения выходцев из России в регион Килиманджаро – Меру была опубликована главным редактором газеты «Deutsche Zeitung» Фридрихом Ланге 24 января 1906 г. Высказывания в периодической печати показывали, что мнение государственных учреждений по проблеме переселения российских немцев в Восточную Африку было ограничено только правительственными интересами, которые не совпадали с интересами имперских немцев.

Надо отметить, что появление в немецкой прессе негативных статей, касающихся вопроса переселения и создания на основе переселенцев – российских немцев поселения, вызвало у колониальных кругов Германии сомнения в правильности проводимого мероприятия. Ярким примером этому является позиция одного из работников колониального ведомства Хелльвига, которая совпадала с мнением официальной прессы Германии. В своем письме на имя губернатора Восточной Африки Гетцена он писал, что организация поселения русских немцев за счет государственных средств вызовет неодобрение со стороны определенных кругов и приведет к нападкам и критике проводимых мероприятий³. Такая же позиция в отношении переселения русских немцев была высказана в телеграмме директора колониального ведомства, государственного секретаря Гогенлоэ-Лангенбурга от 26 января 1906 г., в которой он писал, что «запланированное поселение русских немцев вызывает множество нападков на проводимые мероприятия колониальным ведомством и особенно в плане того, что больше привилегий отдается иностранцам, чем имперским немцам и, во-вторых, это мероприятие рассматривается многими, как безуспешное предприятие»⁴. Уже 31 января 1906 г. Гогенлоэ-Лангенбург вновь посылает письмо губернатору Восточной Африки, в котором высказывает свои мысли относительно данного плана. Он пишет, что при ознакомлении с планом поселения не совсем полностью был убежден, что данный план может иметь действительный успех⁵. Однако мероприятие по переселению российских немцев должно было рассматриваться, по убеждению Гетцена, как запланированное, имеющее характер государственного эксперимента с ограничением деятельности колониального ведомства в этом вопросе. По мнению губернатора, в Восточной Африке практическое осуществление этого плана было возможно лишь в случае создания специального переселенческого комитета из лиц, заинтересованных в переселении русских немцев. План Гетцена по организации данного комитета был принят 30 апреля 1906 г. на заседании Немецкого колониального общества. От проблем переселения российских немцев в регион Килиманджаро – Меру в стороне не осталась также и колониальная пресса, которая

издавалась непосредственно на территории колонии.

Важнейшим источником при изучении проблемы переселения российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке являются материалы газет «Usambara-Post» и «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung». Во многих помещенные статьи носили только информативный характер. Автор данной работы проанализировал материалы газет «Usambara-Post» и «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» с 1906 по 1909 г. Первая и более полная информация об этом факте была опубликована на старницах газеты «Usambara-Post» только 1 февраля 1907 г. В газете было помещено сообщение капитана Лейе, которое имело оптимистический характер. В этом сообщении Лейе высказывал мысль о более благоприятных в экономическом смысле условиях для дальнейшего развития поселения российских немцев в горном районе Меру⁶.

Однако ситуация в развитии вновь организованного поселения в Меру выглядела не совсем так, как было описано в статье 1 февраля 1907 г. 22 июля 1907 г. газета «Usambara-Post» вновь возвращается к обсуждению этого вопроса, причем высказывается мысль, что «переселение в район Килиманджаро – Меру немецких переселенцев было желательным мероприятием и целью немецкого правительства, а также различных колониальных учреждений»⁷. В этой статье также предлагалось губернатору в Восточной Африке вплотную заняться вопросами переселения немецких элементов в район Аруши и Моши. Далее газета сообщала, что «в районе Килиманджаро возможно размещение более 900 переселенцев немецкого происхождения»⁸.

Уже 18 сентября 1907 г. на страницах «Usambara-Post» появились материалы, которые во многом противоречили позиции Лейе. В частности, в газете писалось, что «четыре семьи российских немцев требуют от окружного ведомства, чтобы их вновь выселили на родину»⁹. К сожалению, статья не указывала конкретных причин желания российских немцев покинуть Восточную Африку, ограничившись лишь замечанием, что «причины бегства российских немцев имеют различные аспекты»¹⁰.

19 октября 1907 г. «Usambara-Post» вновь возвращается к этой теме. Статья в газете сообщала, что «в окружном центре Аруша пойманы две семьи российских немцев из района Моши, предпринявших попытку к бегству... Эти семьи состоят из 5 мужчин, 13 женщин и 3 детей. Как объяснили эти беглецы, по их мнению, они не могут жить в районе Меру. Обосновывая свое мнение тем, что посевных площадей недостаточно для того, чтобы прокормить семью, и что в этом горном районе нет работы и эта земля очень плоха»¹¹.

26 октября 1907 г. «Usambara-Post» вновь публикует статью по поводу создавшегося инцидента. В ней приведены довольно оскорбительные

строки в адрес российских немцев: «Российские немцы совершенно не показали своего старания, которое было от них ожидаемо и которое должно в сущности быть у каждого немецкого переселенца в Восточной Африке, от их немецкого происхождения у них остался только немецкий язык»¹².

В том же номере газеты была помещена статья Пауля Рорбаха о дальнейшей возможности колонизации района Килиманджаро – Меру. В частности, Рорбах писал, что «для дальнейшей и успешной колонизации района Килиманджаро – Меру необходимо строительство железной дороги, которая должна быть построена от Усамбары до Меру, что, в свою очередь, будет способствовать проникновению европейского колониального элемента в этот район. В районе Меру теперь живут сотни семей буров, а также немцев из России, которых колониальные органы использовали для создания прочного европейского поселения в этом регионе»¹³.

30 ноября 1907 г. «Usambara-Post» поместила путевые заметки Пауля Фукса, посетившего в этот период поселение российских немцев в районе Меру. В своих путевых заметках Фукс писал: «Большая часть переселенцев из России находилась в этом районе уже 7 месяцев. Губернатор передал в личное пользование каждой семье 50 га земли, помимо чего было также выделено 3 га земли на каждую семью для возделывания огородов и приусадебных участков. Для каждой семьи были построены жилые дома, а также хозяйственные постройки»¹⁴.

Далее Фукс сообщал: «Во время первого года пребывания каждая семья получила на каждого ребенка помощь в размере от 30 до 60 рупий¹⁵ ежемесячно, а также 10 рабочих из местного населения бесплатно»¹⁶. Фукс высказал в своих заметках мысль, что вновь прибывшие российские немцы практически не имеют никакого представления о ведении сельского хозяйства и что, по его мнению, в конечном итоге это приведет к развалу специально созданного поселения для этих переселенцев¹⁷.

28 декабря 1907 г. «Usambara-Post» публикует конкретное сообщение о состоянии дел в организованном поселении российских немцев. Сообщалось, что «отношения в поселении благоприятные и будущее этого поселения очень перспективное. Деревня находится в очень хорошем состоянии, также хорошо идут дела у переселенцев. Построены жилые дома, коровники и другие хозяйственные постройки. Старые переселенцы (общим числом 7 семей) стоят прочно на ногах. Некоторые из них работают в Аруше как ремесленники, зарабатывая ежедневно 4 рупии»¹⁸.

Тема развития поселения переселенцев из России в район Килиманджаро – Меру оставалась важнейшей и в 1908 г. Правда, сообщения газеты «Usambara-Post» в этот период носили совершенно иной характер, чем в предыдущие годы. 29 сентября 1908 г. «Usambara-Post» писала, что «настроения среди переселенцев российских

немцев в районе Меру вновь плохие, так как урожай, собранный переселенцами, невелик и большинство его погибло от засухи»¹⁹.

28 ноября 1908 г. «Usambara-Post» вновь возвращается к теме поселения российских немцев. В газетной статье сообщается, что «положение мелких крестьян-переселенцев из России в районе Меру очень плачевное. Их бедственное экономическое состояние объясняется тем, что у них нет достаточно транспортных средств для того, чтобы совершить поездку для покупки необходимой сельскохозяйственной продукции. И если так будет продолжаться дальше, то может возникнуть голод»²⁰.

Исходя из создавшегося положения колониальным властям в Восточной Африке пришлось искать пути и возможности для преодоления возникших сложностей. «Usambara-Post» от 12 декабря 1908 г. сообщила, что «27.11.1909 г. статс-секретарь Линдекуист намерен посетить поселение Аруша, а также поселение буров и русских немцев»²¹.

8 мая 1909 г. газета «Usambara-Post» вновь возвращается к проблеме российских немцев в Лейддорфе. Газета писала: «Русские немцы, поселившиеся в районе Меру, большей частью происходили с Кавказа, некоторые также с Волги. После того как переселенцы прибыли в Легангу (Лейддорф), они были очень удивлены, что им здесь нужно работать, так как они думали, что на них будут работать местные жители. В начале 1908 г. урожай пшеницы был низкий, поэтому русские немцы очень голодали и были вынуждены искать другую работу»²².

Исходя из анализа опубликованных материалов, посвященных вопросам переселения российских немцев в район Килиманджаро – Меру, можно сделать вывод, что практически все мероприятия, связанные с переселением, со стороны колониальных властей не были основательно продуманы. Тема переселения российских немцев в район Килиманджаро – Меру нашла свое отражение и на страницах «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung», в которой помещались материалы, касающиеся подготовки и развития эмиграционного движения в колониальные владения Германии в Восточной Африке.

Так, в номере за 10 марта 1906 г. «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» сообщала следующее: «Пастор Розенберг из Латовица предложил план заселения восточноафриканских колоний русскими немцами. Предполагается переселение 50 семей»²³. В этой газетной публикации сообщалось, что «в прессе неоднократно подчеркивалось, что российские немцы являются подданными другого государства, поэтому они не могут быть полезны даже в случае принятия ими имперского гражданства»²⁴. Однако тон газетных публикаций, касающихся этой темы, резко меняется в связи с постепенной реализацией намеченных мероприятий.

31 марта 1906 г. «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» вновь публикует статью, в которой дается обоснование переселению российских немцев. Газета писала следующее: «Пастор Розенберг в Латовице (провинция Позен) обратился к колониальным службам с предложением о переселении определенной части российских немцев и использовании их при колонизации восточноафриканских колоний. Он обосновывает свою идею тем, что немецкие колонисты из России, составляющие 2 млн населения этой страны, находятся в сложных экономических условиях и могли бы быть очень полезны для этого мероприятия»²⁵.

16 июня 1906 г. «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» сообщает о прибытии первой партии переселенцев в район Момбасы. Газета писала, что «к прибытию первой партии переселенцев богатый скотом округ Килимантиде подготовил для переселенцев 100 голов молочных коров и других животных»²⁶.

21 июля 1906 г. «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» опубликовала очень негативную статью о реализации плана по переселению российских немцев в район Килиманджаро – Меру. Автор статьи Деег (Deeg) высказывал мысль, что немецкое имперское правительство зря тратит деньги на переселение немцев из России, так как «их неприспособленность к новым климатическим условиям послужит провалом начавшегося дела»²⁷.

Автор называет конкретные участки, которые должны быть заселены переселенцами из России. Он писал, что «пригодными участками для заселения российскими немцами являются следующие участки: Кибошо (Kiboscho), Кинди (Kindi), район северного Кибонгаро (Nord-Kibongaro), где еще имеются свободные участки земли»²⁸.

Идею, высказанную в статье Деега, подтверждала статья, опубликованная в «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» 22 марта 1907 г. В ней писалось следующее: «Попытка заселения территории Килиманджаро – Меру на основе переселения российских немцев и буров не может быть выгодной для дальнейшего освоения региона, так как нарушит основу для крупномасштабного переселения немецких крестьян из Германии. В основном вновь прибывшие переселенцы составляют средние слои крестьянства, которые не в си-

лах создать экономическую базу для дальнейшей колонизации региона»²⁹.

Характер и содержание статей, опубликованных в «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» во многом показывают их двойственный характер. Публикации материалов, касающихся данной проблемы, отражают различный подход в реализации этого мероприятия.

Примечания

- 1 Berliner Neueste Nachrichten. 1906. 23.01. № 36 ; Deutsche Zeitung. 1906. 24.01. № 19.
- 2 Ibid.
- 3 Zechlin E., Ruppel E. Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch-Ostafrika. Leipzig, 1944. S. 18.
- 4 Ibid.
- 5 Ibid. S. 18–19.
- 6 Usambara-Post. 1906. 01.02. № 5.
- 7 Ibid. 1907. 22.06. № 4.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid. 1907. 18.09. № 16.
- 10 Ibid.
- 11 Ibid.
- 12 Ibid. 1907. 26.10. № 22.
- 13 Ibid.
- 14 Ibid. 1907. 30.11. № 27.
- 15 Рупий – колониальная денежная единица стоимостью 1½ рейхсмарки.
- 16 Usambara-Post. 1907. 30.11. № 27.
- 17 Ibid. oder Fucks, Paul : Wirtschaftliche – Erkundigungen im mittleren und nördlichen Deutsch-Ostafrika. Berlin, 1907. S. 34–45.
- 18 Usambara-Post. 1907. 28.12. № 31.
- 19 Ibid. 1908. 29.09. № 35.
- 20 Ibid. 1908. 28.11. № 47.
- 21 Ibid. 1908. 12.12. № 49.
- 22 Ibid. 1909. 08.05. № 17.
- 23 Deutsch-Ostafrikanische Zeitung. 1906. 10.03. № 10.
- 24 Ibid.
- 25 Ibid. 1906. 31.03. № 13.
- 26 Ibid. 1906. 16.06. № 24.
- 27 Ibid. 1906. 21.07. № 29.
- 28 Ibid.
- 29 Ibid. 1907. 22.03. № 12.

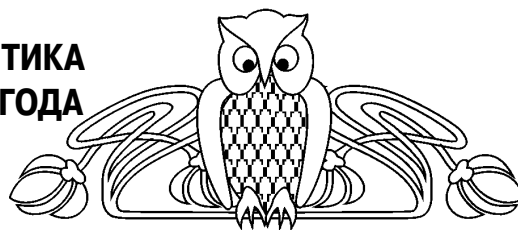

УДК 94(470)

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В АВГУСТЕ 1915 – ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА

В. А. Кустов

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: kustovv@list.ru

В статье рассматривается позиция лидеров Прогрессивного блока по важнейшим вопросам внешней политики Российской империи в августе 1915 – феврале 1917 г. Автор подробно анализирует внешнеполитические приоритеты основных политических партий, входивших в парламентскую коалицию, причины нарастающих противоречий между думской оппозицией и самодержавием, а также исследует влияние российского парламента на внешнюю политику страны.

Ключевые слова: Государственная дума, Прогрессивный блок, политические партии, Первая мировая война, внешняя политика России.

The Progressive Block and the Russian Foreign Policy in August 1915 – February 1917

V. A. Kustov

The position of the Progressive Block leaders in the most important questions of the Russian foreign policy in August 1915–February 1917 is examined. The author analyzes foreign policy priorities of the main political parties, the reasons of the conflict of the Duma opposition and autocracy, and carries out the research of the Russian parliament influence on the country's foreign policy.

Key words: State Duma, Progressive Block, political parties, World War I, foreign policy of Russia.

Стремительная дестабилизация политической ситуации в стране, вызванная тяжелыми поражениями на фронте и разрастанием социально-экономического кризиса, создала необходимые условия для консолидации российской оппозиции. В августе 1915 г. шесть фракций Государственной думы (кадеты, прогрессисты, земцы-октябристы, «Союз 17 октября», группа центра, прогрессивные националисты) и три фракции Государственного совета (центр, академическая группа, внепартийные) объединились в межпартийную коалицию, получившую название «Прогрессивный блок». Патриотический подъем, характерный для русского общества в начальный период войны, сменился «патриотической тревогой». Оппозиция перешла к открытому противостоянию власти, стремясь задействовать все легальные ресурсы и механизмы политического воздействия. В отечественной и зарубежной историографии причины появления Прогрессивного блока, его внутриполитическая деятельность, изменения в программных установках и тактической линии довольно подробно изучены¹. Нас же будут интересовать внешнеполитические вопросы, поднимаемые парламентской коалицией, степень их влияния на внутреннюю

политику и взаимоотношения власти и оппозиции в августе 1915 – феврале 1917 г.

Создание парламентской коалиции, опиравшейся на поддержку двух третей представительных учреждений, ведущих общественных организаций, значительно усилило политический вес и амбиции либеральной оппозиции. «Прогрессивный блок на плечах русской общественности вынесет Россию из трудного момента, из кризиса, который мы теперь переживаем»², – заявляли представители думского большинства. В конце августа 1915 г. они были твердо уверены, что власть, оказавшись в изоляции, будет вынуждена пойти на сотрудничество, согласится сформировать правительство общественного доверия, провести умеренные преобразования. Однако вместо уступок и компромиссов самодержавие предприняло «крутой скачок вправо», распустив осеннюю сессию Думы, отправив в отставку «левых» министров. Крушение надежд на быстрый успех вынуждало искать новые средства давления. Только несколько месяцев спустя внешняя политика страны стала обсуждаться на заседаниях Прогрессивного блока и в конечном итоге оказалась в центре внимания оппозиции.

Поворот думского большинства к сфере международных отношений не был случаен. Внешнеполитические вопросы, выдвинутые Первой мировой войной, должны были помочь преодолеть организационные проблемы и существующие разногласия. Разработанная программа, по признанию самих парламентариев, носила слишком общий и декларативный характер³. Компромиссные решения формулировались в таких обтекаемых выражениях, что при желании их можно было трактовать в прямо противоположном смысле. Внешняя политика оставалась, пожалуй, единственной областью, способной сплотить межпартийную коалицию и нивелировать программные противоречия.

Ведущие лидеры оппозиционных партий (И. Н. Ефремов, Е. П. Ковалевский, В. А. Маклаков, П. Н. Милуков, В. В. Шульгин и многие др.) сходились в понимании внешнеполитических приоритетов Российской империи. С думской трибуны и в периодической печати они последовательно выступали за ведение войны до полной победы вместе со странами Антанты. Неудачный исход мирового противостояния ставил под вопрос великодержавное положение страны на

международной арене, экономическое и культурное процветание государства. Поражение или выход из войны в результате сепаратного мира представлялись думцам катастрофой для России, предательством ее национальных интересов. «В блоке война на первом плане. Это определяет блок»⁴, – неоднократно подчеркивали идеологи парламентской коалиции.

На заседании бюро Прогрессивного блока 30 ноября 1915 г. член Государственного совета Д. А. Олсуфьев предложил активизировать разработку внешнеполитических вопросов и поставить их на обсуждение в Думе и Госсовете. Представительные учреждения, по мнению оппозиции, должны были быть в курсе последних международных событий и свободно ориентироваться в информации внешнеполитического характера. Собравшиеся планировали обсудить ситуацию на Балканах и Ближнем Востоке, причины, побудившие вступить в войну Болгарию, союзнические предпочтения нейтральной Румынии. Парламентариям предстояло в ближайшее время заверить страны Антанты в решимости Прогрессивного блока продолжать войну до полной победы, так как, по словам М. М. Ковалевского, союзники «побаиваются преждевременного мира»⁵.

На том же заседании лидеры оппозиции подняли проблему подготовки к будущей послевоенной конференции. Согласованная внешнеполитическая программа была призвана оказать влияние и на общественное мнение в стране, и на внешнеполитический курс правительства. «Блок будет иметь огромное значение, подходя к миру. Надо готовиться»⁶, – уверенно заявлял А. В. Васильев. Впоследствии прогрессисты предложили создать при МИД особую межведомственную комиссию с привлечением представителей Думы и Госсовета для определения российских требований, выносимых на обсуждение мирного конгресса⁷.

Между тем призывы поднять в парламенте вопросы внешней политики вызвали неоднозначную реакцию. А. В. Васильев и М. М. Ковалевский поддержали инициативу Олсуфьева, заметив, что «выступления от блока были бы весьма действенны». Против был В. Н. Львов, считавший, что России и ее союзникам нужно решить прежде всего военные задачи, которые укажут «и путь внешней политике». В совершенно ином ключе высказался В. И. Гурко. «Выступать от блока нельзя, вопросы слишком сырые», – объяснял он свою позицию. Но и отказываться от внешнеполитической тематики было непростительной ошибкой. Апробацию внешней политики В. И. Гурко предлагал поручить политическим партиям: «Предоставить отдельным ораторам и лишь потом поставить на рельсы»⁸. Последний вариант, как показали события, и был взят на вооружение лидерами оппозиции.

Предварительным итогом совещания бюро Прогрессивного блока можно считать появление в министерстве иностранных дел депутатского за-

проса, составленного Е. П. Ковалевским (фракция земцев-октябристов) и П. Н. Милуковым (фракция конституционных демократов). Формальной причиной запроса была подготовка к рассмотрению в Государственной думе сметы внешнеполитического ведомства на 1916 г. В документе авторы изложили целый перечень критических замечаний в адрес министерства иностранных дел, акцентируя внимание на неэффективности политики союзников по отношению к нейтральным государствам.

Наибольшее беспокойство вызывала ситуация в Восточной и Юго-Восточной Европе – неопределенная позиция Румынии, усиление прогерманских настроений в Греции. Грубой ошибкой союзнической и российской дипломатии представлялась потеря в октябре 1915 г. Болгарии, что предопределило разгром Сербии и Черногории, свертывание военной операции союзников на Галлиполийском полуострове. Внешнеполитическое ведомство Российской империи должно было более решительно воздействовать на общественное мнение в Румынии и Греции «в столь серьезный для военного положения на Балканах момент»; принять дополнительные меры по противодействию немецкой агитации в других нейтральных странах, имеющих важное стратегическое значение (назывались Швеция, Испания, Соединенные Штаты)⁹.

Критику вызывали устаревшие приемы работы МИД, недостаточный уровень подготовки консульских работников, слабый кадровый состав заграничных представительств. «Не являются ли одной из причин наших дипломатических неудач, – задавались вопросом парламентарии, – недочеты личного состава дипломатического корпуса?»¹⁰. Кроме того, в документе затрагивались проблемы дипломатического и экономического сотрудничества с союзниками, совместная координация военных усилий стран Антанты. Представителей либеральных партий интересовала возможность участия в боевых действиях на Балканском полуострове Италии, оказание помощи союзникам со стороны Японии, которую следовало привлечь «в какой-либо форме к более энергичному и непосредственному участию в войне»¹¹. Очень скоро депутатский запрос дождался своего часа и внешнеполитические претензии оппозиции зазвучали с думской кафедры.

9 февраля 1916 г. Государственная дума возобновила свою работу. С правительственной декларацией, содержавшей уже стандартный призыв сплотиться вокруг монархии, положить конец внутренним разногласиям и помнить только о военной опасности, перед депутатами выступил председатель Совета министров. М. В. Родзянко вспоминал: «Декларация Штюрмера произвела удручающее впечатление: произнес он ее невнятно... она разочаровала. В длинных путанных фразах ничего не было сказано о намерениях правительства. Сошел он с кафедры при гробовой

тишине»¹². Речь премьер-министра вызвала негативную реакцию среди думского большинства. Внутриполитические требования, включая и создание «министерства общественного доверия», оставались неизменными.

В дискуссиях по вопросам внешней политики лидеры оппозиционных партий, следуя намеченной тактике, призывали довести войну до победного завершения и категорически отвергали возможность сепаратного мира. «Не исключено, что предчувствуя приближение истощения сил, – предостерегал П. Н. Миллюков, – Германия умерит свои притязания и будет не прочь вернуться к довоенному статус-кво, облекая свою уступчивость в известную формулу “без аннексий и контрибуций”»¹³. Поэтому опасность представляли два полярных политических фланга. Думской оппозиции необходимо было противостоять и крайне правым, и крайне левым, чтобы не допустить любые «преждевременные мирные маневры», от кого бы они не исходили.

Преследуя цель «организоваться» и усилить свое политическое влияние, Прогрессивный блок открыл новый фронт борьбы с властью. С думской трибуны в адрес внешнеполитического ведомства обрушился поток резких обвинительных речей. Представители кадетов, октябристов, прогрессистов фактически повторили основные претензии и упреки, изложенные в депутатском запросе. Они обвиняли министерство С. Д. Сазонова в излишней консервативности, неэффективной работе дипломатических представительств, неумении отстаивать экономические интересы Российской империи¹⁴.

Весьма низко оценивались внешнеполитические усилия МИД в Восточной и Юго-Восточной Европе. Наиболее часто упоминались потеря Болгарии, неудачные попытки привлечь в антигерманскую коалицию Румынию и Грецию, отсутствие практических мер в решении польского вопроса, грозившего перейти из области внутренней политики на международный уровень.

Помимо европейского направления в речах думских ораторов упоминались просчеты в политике на Среднем и Дальнем Востоке. Особое внимание вызывало положение в Персии, где в результате промахов российской дипломатии Германия захватила прочные торговые и политические позиции и едва не вовлекла в свою орбиту шахское правительство. Только принятие чрезвычайных мер, в том числе и введение дополнительного контингента, могло выправить положение. Прогрессист В. В. Миллютин полагал, что улучшить там положение России можно путем ликвидации по соглашению с Англией нейтральной зоны¹⁵. На Дальнем Востоке также требовалась более осторожная и взвешенная политика. Сближение со Страной восходящего солнца не означало, что Россия должна выбирать между Японией и Китаем, как представляли ситуацию в министерстве иностранных дел. Следовало поддерживать, по

мнению либералов, хорошие отношения с обоими соседями, не допуская распада Китая и ориентируясь на дружбу с Японией¹⁶.

Впервые с начала Первой мировой войны оппозиция выступила с развернутой критикой основных региональных направлений внешней политики Российской империи, настойчиво давая понять, что не останется сторонним наблюдателем и правительству придется считаться с ее взглядами при формировании и реализации внешнеполитического курса страны. Вместе с парламентскими приемами борьбы за влияние Прогрессивный блок активизирует и внедумскую деятельность. Примерно на рубеже 1915–1916 гг. оппозиционные партии предпринимают шаги по расширению связей с ведущими политиками стран Антанты, чему способствовали частые официальные и неофициальные зарубежные поездки партийных лидеров, участие в работе общества сближения с союзниками (Общество английского флага в г. Петрограде, Общество сближения с Англией в г. Москве), налаживание постоянных контактов с послами союзных держав.

Значительным внешнеполитическим событием в апреле–июне 1916 г. стала поездка русской парламентской делегации в Англию, Францию и Италию. За короткий промежуток времени представители Думы и Госсовета встретились со всеми политиками, причастными к принятию внешнеполитических решений. Возглавил парламентскую миссию октябрист А. Д. Протопопов, роль неформальных лидеров сыграли кадеты П. Н. Миллюков и А. И. Шингарев. Для правительств союзных стран, состоявших в основном из социалистов, политические взгляды левого крыла российской делегации были наиболее близки. Поэтому именно либералов выдвинули на первые роли и они «представляли политическое лицо делегации»¹⁷. Обращает на себя внимание и численное превосходство оппозиционеров. Из 16 человек, принимавших участие в поездке, десять представляли парламентскую коалицию: В. Я. Демченко, М. М. Ичас, П. Н. Миллюков, А. Д. Протопопов, А. А. Радкевич, А. И. Шингарев, Б. А. Энгельгардт от Думы и А. В. Васильев, В. И. Гурко, А. Д. Олсуфьев от Госсовета.

Практически сразу в составе делегации наметилось некоторое разделение обязанностей. В. И. Гурко, П. Н. Миллюков, А. Д. Протопопов взяли на себя представительские функции, прежде всего занимаясь общеполитическими вопросами. Наибольшую активность проявил главный идеолог кадетской партии. По утверждению английского исследователя Т. Рихи, для Миллюкова эта поездка была не больше, не меньше «генеральной репетицией в роли будущего министра иностранных дел России»¹⁸. Владея практически всеми европейскими языками и прекрасно разбираясь в международной специфике, он наиболее часто выступал на различных официальных приемах. Поражает и огромное количество частных встреч

лидера конституционно-демократической партии, стремившегося наладить широкие связи не только с ведущими политиками Англии, Франции, Италии, но и с представителями политических кругов Швеции, Польши, Сербии, Чехии, Болгарии¹⁹.

Основное направление деятельности В. Я. Демченко, А. И. Шингарева, Б. А. Энгельгардта, входивших в думскую Военно-морскую комиссию, было связано с вопросами военно-технического и экономического сотрудничества. Депутаты собирали данные о выполнении военных заказов, выясняли перспективы получения новых кредитов на нужды армии и флота²⁰. В Лондоне они побывали на заводах, изготавливавших вооружение для России, во время посещения франко-германского и итало-австрийского фронтов изучали организацию тыла и военного дела у союзников.

Вернулись в Россию парламентарии перед самым окончанием летней сессии. В присутствии послов союзных держав 20 июня 1916 г. А. И. Шингарев выступил на предпоследнем заседании сессии Государственной думы с общим докладом о поездке в «духе священного единения России с ее союзниками»²¹. Более подробные отчеты депутатов были заслушаны на закрытом заседании думской Военно-морской комиссии. По экономическим вопросам выступил А. И. Шингарев, по техническим – В. Я. Демченко, о положении на Западном фронте рассказал Б. А. Энгельгардт. Наибольший интерес вызвал доклад П. Н. Милюкова, посвященный отношению европейского общественного мнения к самым актуальным для России внешнеполитическим проблемам.

Подробно лидер конституционно-демократической партии остановился на вопросе дальнейшего развития межпарламентских связей с Англией, Францией и Италией. По его мнению, важно было закрепить достигнутые результаты и наладить «постоянное систематическое общение» Государственной думы с парламентами стран Антанты, тем более что формы сотрудничества законодательных учреждений в международной сфере были уже выработаны. «Во главе движения к объединению мысли союзных парламентов, – говорил Милюков, – стоит Франция, палата которой давно организовала группу, составленную из представителей самых разнообразных политических партий, начиная с самых правых и кончая довольно левыми»²². Подобная группа существовала в Великобритании и формировалась в Италии.

Союзники обратились к Государственной думе с предложением войти в создаваемую межпарламентскую организацию. Предполагалось, что четыре раза в год, по числу стран участниц, представители союзных законодательных учреждений будут собираться на общее совещание. Петроград мог оказаться первой столицей, в которой прошло бы такое совещание²³. Депутаты полностью одобрили проект союзников. Выступая

за усиление роли Государственной думы в решении проблем внешней политики, они видели в его реализации огромный потенциал для развития отношений между Россией и демократическими государствами Запада.

Российская оппозиция весьма высоко оценивала свою внешнеполитическую деятельность и рассчитывала на поддержку союзников. Поездка парламентской делегации за границу наглядно показала заинтересованность правящих кругов стран Антанты в расширении контактов с либеральными партиями, налаживании эффективного межпарламентского сотрудничества. На заседании Военно-морской комиссии П. Н. Милюков восклицал: «Может быть, некоторые из вас этому удивятся, но я должен сказать, что Прогрессивному блоку за границей верят... Там не только понимают важность Прогрессивного блока, не только понимают громадную значимость этой парламентской организации, но и на него переносят некоторые из тех упований, которые возлагали прежде на русскую оппозицию... у этой Думы остается в распоряжении только одна сессия, чтобы показать, что она представляет»²⁴.

Обострение внутреннего кризиса и усиление радикальных настроений привело к новому витку противостояния между Государственной думой и самодержавием. В ответ на последовательное давление власти на Прогрессивный блок, отказ от проведения умеренных социальных и политических реформ думская оппозиция развернула тотальное наступление на правительство, которое затронуло и сферу международных отношений. Рассчитывая вернуть политическую инициативу и усилить влияние Государственной думы в международных делах, лидеры оппозиции заявили о необходимости «взять внешнюю политику в свои руки». К вполне привычной критике правительства за поражения на фронте, плохое продовольственное снабжение, безответственную кадровую политику добавились обвинения в резком ухудшении отношений с союзниками, стремлении царизма к сепаратному миру и нежелании вести войну до полной победы.

Компрометирующие сведения по главным для страны внешнеполитическим вопросам появились в первой половине лета 1916 г., когда из правительства были удалены наиболее либеральные министры. Председатель Совета министров Б. В. Штюрмер сформировал почти однородный кабинет из деятелей крайне правого толка. Это был своеобразный вызов Прогрессивному блоку и стоящим за ним политическим партиям. Самой громкой стала отставка 7 июля 1916 г. министра иностранных дел С. Д. Сазонова, который был одним из создателей антигерманской коалиции и являлся для Запада своего рода гарантом союзнической лояльности России.

Особое беспокойство в Государственной думе вызвала кандидатура преемника Сазонова. Портфель руководителя внешнеполитического ве-

домства передавался Б. В. Штюмеру, имевшему весьма смутное представление о дипломатической службе и абсолютно не осведомленному в вопросах международной политики. Кроме того, бывший ярославский губернатор и церемониймейстер двора, известный своими крайне правыми и прогерманскими взглядами, был совершенно одиозной фигурой в глазах думской оппозиции и союзников по Антанте. Посол Франции М. Палеолог сообщал в Париж: «Штюмеру 67 лет. Как личность он ниже среднего уровня. Ума небольшого, мелочен, честности подозрительной, никакого государственного опыта и никакого делового размаха»²⁵. Английский посол Бьюкенен также был весьма прямолинеен: «Как реакционер с прогерманскими симпатиями, Штюмер никогда не смотрел благожелательно на идею союза с демократическими правительствами Запада, боясь, что будет создан канал, по которому либеральные идеи проникнут в Россию»²⁶. «После такого назначения, – писал в своих мемуарах Милюков, – не оставалось ничего невозможного. В публике вспоминали про назначение Калигулой своего любимого коня – сенатором»²⁷.

Периодические издания кадетов, октябристов и прогрессистов в один голос требовали конкретизировать основные внешнеполитические цели главы российского дипломатического ведомства. По мнению либералов, во Франции Бриан²⁸, в Англии Грей²⁹, как и Сазонов, символизируют собой определенные программы национальной и международной политики и в известной мере служат ее гарантией. «Имя же гофмейстера Штюмера в международной политике ничего не символизирует и не гарантирует, и вполне понятно, что и русское общественное мнение, и наши союзники с нетерпением ждут программных заявлений о его отношении к дипломатическим задачам великой войны», – писала газета «Речь»³⁰.

Сложившаяся репутация нового министра иностранных дел дала повод для появления многочисленных слухов о возможных кардинальных переменах во внешнеполитическом курсе Российской империи. «Без императора и без его ведома, – отмечал в дневнике посол Франции М. Палеолог, – камарилья императрицы старается дать русской политике новую ориентацию, иначе говоря, подготовить примирение с Германией»³¹. Впервые в стране и за рубежом открыто обсуждалась возможность измены России своим союзникам. И, несмотря на отсутствие каких-либо достоверных фактов, несмотря на заявления МИД о неизменности внешней политики, дебаты в российском обществе относительно «готовящегося предательства», «сепаратного мира с Германией» не прекращались.

Эксплуатируя слухи о германофильских симпатиях Штюмера и высказывая сомнения в способности правительства изменить эффективность военных действий, оппозиция давала понять союзникам, что в России есть политические

силы, настроенные более лояльно по отношению к Западу.

Заверения в союзнической верности на страницах периодики, яркие выступления в Государственной думе не остались без внимания. Быстрая дестабилизация политической ситуации заставляла дипломатов Англии и Франции все чаще обращаться к анализу перспектив самодержавия. Российские либералы, и особенно представители кадетов, прогрессистов, были для западных демократий наиболее подходящей политической альтернативой правящему режиму. Тесные контакты с лидерами либеральных партий давали хорошую возможность продемонстрировать поддержку думской оппозиции и в то же время оказать давление на царское правительство, вынуждая его пойти навстречу пожеланиям обществу.

Вернувшись из очередной зарубежной поездки, 30 сентября 1916 г. на заседании ЦК кадетской партии П. Н. Милюков сообщил, что собирал за границей компрометирующие сведения о деятельности Б. В. Штюмера на посту министра иностранных дел и решил выступить по этому поводу на заседании российского парламента. Он также заверил соратников в готовности Запада «поддерживать борьбу русских либералов с бюрократией и темными силами» как во внутренней политике, так и в области международных отношений³².

Во второй половине октября 1916 г. на совещаниях Прогрессивного блока и заседаниях центральных органов либеральных партий было принято решение активизировать политическую борьбу и добиваться скорейшей отставки Совета министров. Для этого предполагались «применение всех парламентских средств» и консолидация большинства Государственной думы. «Мы должны взять в свои руки не только внутренние дела, но и всю внешнюю политику, парализовать германские закулисные влияния и вывести гофмейстера Штюмера на чистую воду», – призывал соратников П. Н. Милюков³³. В условиях разраставшегося внутреннего кризиса оппозиция все больше склонялась к решительным действиям по отношению к власти.

Единственным сдерживающим фактором для либералов стало опасение спровоцировать в стране революционный взрыв. Они прекрасно осознавали, к каким катастрофическим последствиям может привести революция во время мировой войны. Неслучайно лидеры оппозиции неоднократно подчеркивали, что задача состоит не в том, чтобы «добывать правительство, что означало бы поддерживать анархию, а влить в него совершенно новое содержание, т. е. прочно обосновать правовой конституционный строй. Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры»³⁴. Однако в сложившейся обстановке, когда прежние методы и средства воздействия на власть себя исчерпали, чувство меры оставило российских либералов.

1 ноября 1916 г., после четырёхмесячного перерыва, IV Государственная дума собралась на зимнюю (последнюю) сессию. На первом же заседании оппозиция пошла в наступление. Главным событием стала речь Милюкова, выступившего с резкой критикой внутреннего и внешнего курса кабинета Б. В. Штюрмера. По мнению лидера конституционно-демократической партии, власть не желала соблюдать минимальные условия, крайне необходимые для внутреннего мира, и была не способна справиться с положением на фронте. Огромная пропасть между правительством и обществом только увеличивалась и становилась непреодолимой. «Мы по-прежнему стремимся к полной победе, по-прежнему готовы нести необходимые жертвы и по-прежнему хотим поддерживать национальное единение. Но я скажу открыто: есть разница в положении. Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе», – подчеркивал в своем выступлении кадетский оратор³⁵.

Заявление о недоверии исполнительной власти со стороны Государственной думы было лишь началом скандальной речи. С кафедры российского парламента П. Н. Милюков обвинил председателя Совета министров Б. В. Штюрмера и группу лиц, близких к императрице, ни много ни мало в государственной измене и предательстве национальных интересов страны. «Я вам назову этих людей, – восклицал лидер кадетской партии, – Протопопов, Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Это та придворная партия, победою которой, по словам “Нойе Фрейе Прессе”, было назначение Штюрмера – победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой Царицы»³⁶.

У думской оппозиции не было сомнений в том, что именно названные политические силы ведут целенаправленную работу по скорейшему выходу России из войны и подготавливают почву для позорного мира. «Господа, я не хотел бы идти навстречу излишней, быть может, болезненной подозрительности... Но как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами?» – продолжал лидер оппозиции, обращаясь к депутатам Государственной думы³⁷.

Основные обвинения П. Н. Милюкова заключались в резком ухудшении отношений с союзниками по Антанте и желании придворной камарильи заключить сепаратный мир с Германией. Действительно, с середины 1916 г. характер отношений царского правительства и союзников начинает меняться. Дипломаты Англии и Франции приходят к общему неутешительному выводу – премьер Штюрмер стоит во главе прогерманской партии в России и представляет главную опасность для англо-франко-русского союза. «Я допускаю отныне возможность выхода России из войны, и французское правительство должно

учитывать это при своих политических и стратегических расчетах», – писал в своих донесениях в Париж М. Палеолог³⁸.

В странах Антанты и внутри самой России больше не было полной уверенности в том, что самодержавие будет продолжать войну до полной победы. И в этом случае достоверность или ложность слухов о сепаратных переговорах не имела большого значения. Для оппонентов власти важна была прежде всего сама потенциальная возможность изменения внешней политики России если не посредством царя и правительства, то (при определенных обстоятельствах) через царицу и «придворную партию».

И союзники, и либералы понимали – свершившиеся перестановки в российском правительстве означают серьезное ослабление прозападных сил и неизбежное укрепление сторонников Германии. Обеспокоенность вызывала не только текущая ситуация, но и ближайшие перспективы союзнических отношений. Со Штюрмером во главе правительства сразу после окончания мирового конфликта и вне зависимости от его исхода Российская империя вполне могла разорвать союз с Антантой и вступить в коалицию с Германией. Сохранение союза с Англией и Францией не только на период войны, но и в дальнейшем ставилось думской оппозицией как важнейшая внешнеполитическая задача.

В интересах борьбы за власть в своей речи П. Н. Милюков сознательно подогревал недоверие к правительству. Существовавшие предположения выдавались за действительно свершившиеся факты. В качестве подтверждения «измены» в правящих кругах лидер конституционно-демократической партии использовал материалы из периодической печати и сведения, полученные во время встреч с русской эмиграцией в Швейцарии. Не имея никаких доказательств, он приводил цитаты из германской и австро-венгерской периодики, которые якобы свидетельствовали о налаживании неких контактов между Штюрмером и кайзеровским правительством. Так надуманные и непроверенные материалы легли в основу кадетского компромата.

«Все понимали, что в Думе Милюков должен был говорить иносказательно, и вкладывали в его речь больше, чем в действительности было сказано. Для ответственного заявления “испытанного вождя оппозиции” должны были, очевидно, иметься солидные данные. И никто не мог предполагать, что у Милюкова, в сущности, никаких материалов не было. Надо признать, что в историческом уже аспекте “знаменитая” речь поражает своей необоснованностью во всех частях», – отмечал очевидец событий С. П. Мельгунов³⁹. Однако в первые дни ноября 1916 г. слабая аргументация выступления осталась практически не замеченной.

Помимо нашумевших обвинений в государственной измене, П. Н. Милюков затронул целый перечень проблем, с которыми правительство

либо не справилось, либо сознательно не хотело их решать. Неэффективная организация тыла, провал военной кампании в Румынии, промедление в решении польского вопроса, безответственная кадровая политика – вот только часть вопросов, доказывавших, по мнению кадетского лидера, «неспособность и злонамеренность» данного состава Совета министров⁴⁰.

«Что это, глупость или измена?» – спрашивал после каждого удачного выпада в адрес правительства П. Н. Миллюков. «Измена!» – кричал в ответ взволнованный зал. «Аудитория, – вспоминал впоследствии лидер кадетской партии, – решительно поддержала своим одобрением второе толкование даже там, где я не был в нем вполне уверен»⁴¹.

Речь П. Н. Миллюкова задавала тон всем последующим выступлениям в Государственной думе. Радикальная критика власти была продолжена ведущими вождями оппозиции – И. Н. Ефремовым, А. Ф. Керенским, В. А. Маклаковым, В. В. Шульгиным. Все они были единодушны в оценке царского правительства и выступили с требованием немедленной отставки кабинета Б. В. Штюрмера. «Мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна», – восклицал 3 ноября 1916 г. один из влиятельных лидеров Прогрессивного блока В. А. Маклаков⁴².

Правительство пыталось защищаться от несправедливых обвинений. На следующий день после речи Миллюкова Б. В. Штюрмер обратился в Совет министров с заявлением о привлечении лидера кадетской партии к суду за распространение откровенной клеветы. Цензура запретила публиковать и даже комментировать речь Миллюкова. Но запрет, как всегда бывает в подобных случаях, только усилил интерес ней и создал колоссальную рекламу. Распечатанная на машинке, переписанная от руки, скандальная речь была распространена в миллионах экземпляров в действующей армии и по всей России.

Риторический вопрос, прозвучавший в речи известного идеолога кадетов – «Что это, глупость или измена?» – сопровождал любые действия царского правительства. Этот вопрос задавала вся страна, и каждый делал однозначный вывод. Обществу в тот период легче и комфортнее было считать причиной военных неудач, хозяйственного расстройств страны измену и предательство, нежели задуматься о более глубоких и существенных причинах этих явлений.

Выступления лидеров либеральных партий вызвали большой резонанс и привели к серьезным политическим последствиям, по сути спровоцировав правительственный кризис. Доверие к сказанному с думской трибуны было огромным. Самые нелепые слухи, убийственные для самодержавной власти, получали авторитетное подтверждение в речах парламентских ораторов. Уже 11 ноября 1916 г. мощное общественное давление заставило Николая II отправить кабинет Штюрмера в отставку.

Информационная кампания по дискредитации и подрыву авторитета самодержавия в области внешней политики достигла своей цели. Правящему режиму был нанесен сильнейший удар, от которого он так и не смог оправиться. Пытаясь вынудить правительство пойти на уступки и тем самым предотвратить революцию, либералы в действительности во многом способствовали дестабилизации режима и дальнейшему накалу политической обстановки в стране. Однако и власть не собиралась сдавать своих позиций. Новым премьером стал А. Ф. Трепов, проверенный царский сановник, возглавлявший министерство путей сообщения.

Заседания Государственной думы возобновились 19 ноября 1916 г. Выступая с правительственной декларацией, председатель Совета министров заявил о своем желании наладить плодотворную работу с парламентом. Опровергая слухи о сепаратном мире, А. Ф. Трепов заверил депутатов, что война будет доведена до полной победы и «преждевременного мира, а тем более мира, заключенного отдельно от наших союзников, не будет никогда»⁴³. Центральным моментом выступления должно было стать сообщение о заключении в 1915 г. соглашения с союзниками, гарантировавшего право России на Константинополь и проливы. Однако фраза премьера о «ключе от Босфора и Дарданелл», «исконной и заветной мечте русского народа во все времена его бытия» упала в пустоту. Парламентарии, обычно активно включавшиеся в обсуждение насущных внешнеполитических проблем, оставили внешнеполитическую часть декларации без комментариев. Декларация, не содержащая конкретных целей, программы правительства, не произвела желаемого впечатления и получила негативную оценку даже со стороны правых партий⁴⁴.

2 декабря 1916 г. в Государственной думе состоялся дебют нового министра иностранных дел Н. Н. Покровского. Глава внешнеполитического ведомства России выступил с подробным разъяснением позиции правительства по продолжению мирового конфликта. Депутаты были проинформированы о том, что российский МИД отклонил австро-германское мирное предложение, которое распространили центральные державы 29 ноября 1916 г.

Парламентарии безоговорочно поддержали выступление Н. Н. Покровского о «недопустимости преждевременного мира с врагом», посчитав необходимым дать свою оценку антивоенным инициативам противника. «Государственная Дума единодушно присоединяется к решительному отказу союзных правительств вести какие бы то ни было переговоры о мире при настоящих условиях и со своей стороны полагает, что германское предложение мира является лишь новым доказательством ослабления наших противников и лицемерным шагом, рассчитанным... лишь на общественное мнение Германии», – говорилось

в заявлении, которое было сделано от имени российского парламентом председателем бюро Прогрессивного блока С. И. Шидловским⁴⁵. Все ведущие политические партии, представленные в Государственной думе, подтверждали свою готовность довести войну до полной победы.

Стремительное разрастание общенационального кризиса не позволило российскому парламенту в дальнейшем вернуться к рассмотрению международных проблем. Но вплоть до Февральской революции главными внешнеполитическими приоритетами в деятельности думского большинства по-прежнему оставались, во-первых, обеспечение необходимых условий для продолжения войны и, во-вторых, укрепление союза России со странами Антанты.

В январе-феврале 1917 г. во время союзнической конференции, проходившей в Петрограде, депутаты уделили большое внимание налаживанию контактов с влиятельными представителями союзников (А. Мильнером, Г. Думергом, В. Шалойа), активно участвовали в официальных и неофициальных приемах, где обсуждались вопросы послевоенного устройства Европы и мира, координация военно-технического сотрудничества, перспективы взаимодействия в экономической сфере. 23 января 1917 г. была устроена торжественная встреча союзников в стенах Государственной думы. «Появление членов делегации почти в полном составе вместе с послами и политическими деятелями в залах Таврического дворца, несомненно, не останется бесследным в летописях нашей внутренней жизни»⁴⁶, — отмечала либеральная пресса. Контакты на парламентском уровне открывали новые возможности для успешного развития отношений с демократическими государствами Запада. А твердые заверения в неизменности внешнеполитического курса как представителей власти, так и представителей оппозиции служили в глазах правительств и общественного мнения западных стран некоторым залогом устойчивости и последовательности внешней политики России.

Таким образом, с появлением Прогрессивного блока борьба либералов с самодержавием стала затрагивать не только военные и внутривнутриполитические проблемы, но и сферу международных отношений. Выступления парламентариев по наиболее насущным вопросам внешней политики в Государственной думе, расширение связей с государственными и общественными деятелями стран Антанты способствовали усилению роли межпартийной коалиции и самого российского парламента в международных делах. Обращает на себя внимание тот факт, что в самый разгар февральской революции, еще до образования новой власти, руководство МИД спешит установить связь с думской оппозицией, а вся «дипломатическая переписка, пришедшая на Финский вокзал», доставляется к П. Н. Милюкову (специализи-

ровавшемуся в Думе на внешнеполитических вопросах)⁴⁷.

Между тем активизация оппозиционной деятельности, борьба за влияние на внешнюю политику государства привели к тому, что к началу 1917 г. лидеры думских фракций стали одними из самых известных и популярных политиков России. Именно усиление значения оппозиционных партий в Государственной думе и российском обществе за несколько месяцев до начала революции позволило им в ходе февральских событий встать во главе многих революционных процессов, получить большинство мест во Временном правительстве первых составов и напрямую влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны в марте-октябре 1917 года.

Примечания

- 1 См.: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). М., 2003; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. М., 1967; *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975; *Pearson R.* The Russian moderates and the crisis of tsarism, 1914–1917. L., 1977; *Rosenberg W. G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974 и др.
- 2 Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1248.
- 3 См.: *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. С. 223; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. Стенограммы заседаний бюро блока // Красный архив. 1932. № 1–2. С. 129–137.
- 4 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. М., 1996. Т. 3. С. 181.
- 5 Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. Стенограммы заседаний бюро блока // Красный архив. 1932. № 3. С. 157–158.
- 6 Там же. С. 158.
- 7 См.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции): в 5 т. М., 1997. Т. 5. С. 509.
- 8 Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. Стенограммы заседаний бюро блока // Красный архив. 1932. № 3. С. 158.
- 9 Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 134. Оп. 473. Д. 129. Л. 1.
- 10 Там же. Л. 2.
- 11 Там же. Л. 2.
- 12 *Родзянко М. В.* Крушение империи // Архив русской революции: в 2 т. М., 1993. Т. 17. С. 119.
- 13 Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 3243–3255.
- 14 Там же. Стб. 1427–1432, 3248–3282.
- 15 Там же. Стб. 3276–3277.
- 16 Там же. Стб. 3278–3282.

- ¹⁷ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 199.
- ¹⁸ Riha T. Russian European: Paul Miliukov and the Russian Politics. N.Y., 1969. P. 242.
- ¹⁹ Дневник П. Н. Миллюкова. Весна-лето 1916 года // Красный архив. 1932. № 5-6. С. 5–23.
- ²⁰ См.: Доклад А. И. Шингарева в Военно-морской комиссии Государственной думы 20 июня 1916 г. // Красный архив. 1934. № 3. С. 5–12.
- ²¹ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 2. С. 220.
- ²² Доклад П. Н. Миллюкова в Военно-морской комиссии Государственной думы 19 июня 1916 г. // Красный архив. 1933. № 2. С. 6.
- ²³ Там же. С. 6.
- ²⁴ Там же. С. 15.
- ²⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 36.
- ²⁶ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 175.
- ²⁷ Миллюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 33.
- ²⁸ Бриан Аристид (1862–1932) неоднократно возглавлял правительство Франции и занимал министерские посты, с октября 1915 по декабрь 1916 г. председатель Совета Министров и министр иностранных дел.
- ²⁹ Грей Эдуард (1862–1933), министр иностранных дел Великобритании в 1905–1916 гг.
- ³⁰ Речь. 1916. 17 июля.
- ³¹ Палеолог М. Указ. соч. С. 123.
- ³² См.: Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 273.
- ³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 27. Л. 15.
- ³⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. С. 359.
- ³⁵ Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия V. Стенографические отчеты. Пг., 1916–1917. Стб. 42.
- ³⁶ Там же. Стб. 44.
- ³⁷ Там же. Стб. 45–46.
- ³⁸ Палеолог М. Указ. соч. С. 117.
- ³⁹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2007. С. 113.
- ⁴⁰ См.: Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия V. Стенографические отчеты. Стб. 48.
- ⁴¹ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. С. 237.
- ⁴² Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия V. Стенографические отчеты. Стб. 146–147.
- ⁴³ Там же. Стб. 254.
- ⁴⁴ Там же. Стб. 259–284.
- ⁴⁵ Там же. Стб. 539–540.
- ⁴⁶ Речь. 1917. 23 января.
- ⁴⁷ См.: Савинский А. А. Февральская революция 1917 г. Свидетельства русского дипломата // Международная жизнь. 1993. № 2. С. 85; Михайловский Г. Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 241–242.

УДК [94(410):327]|1988|+929 Тэтчер

БРЮГГСКАЯ РЕЧЬ М. ТЭТЧЕР

Е. А. Порецкова

Саратовский государственный университет
E-mail: pe-a@mail.ru

В статье анализируется речь М. Тэтчер, произнесенная 20 сентября 1988 г. в Брюгге (Бельгия). Особое внимание уделено принципам новой стратегии премьер-министра Великобритании, отстаивающей национальные приоритеты в интеграционных процессах.

Ключевые слова: Великобритания, Маргарет Тэтчер, европейская интеграция, национальный суверенитет, евроскептицизм.

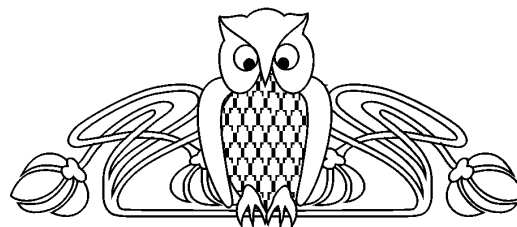
Margaret Thatcher's Speech at Bruges

Е. А. Poretskova

The article describes the Address given by Margaret Thatcher (Bruges, 20 September 1988). Particular attention is paid to principles of Prime Minister's strategy, which are pursuing the priority of national interests in the integration processes.

Key words: Britain, Margaret Thatcher, European integration, national sovereignty, Euroscepticism.

С момента принятия Единого Европейского акта (1986), в котором была сформулирована за-

дача преобразования Европейских сообществ в Европейский союз, странам ЕЭС приходилось преодолевать многочисленные противоречия, возникающие между национальными и общеевропейскими интересами. Сложность интеграционных процессов вызвала бурную дискуссию европейской политической элиты. Самым ярким её проявлением стала речь «Великобритания и Европа», произнесенная М. Тэтчер в европейском колледже Брюгге (Бельгия) 20 сентября 1988 года.

Отечественные исследователи сходятся во мнении, что брюггская речь – наиболее важное из всех программных выступлений британского премьер-министра, передающее специфику её восприятия идеи европейского строительства¹. Среди зарубежных учёных такого единства в оценках нет. Специалисты-евроскептики считают, что брюггская речь М. Тэтчер показала итоговую несовместимость процесса европейской интеграции с британскими национальными интересами². Исследователи же проевропейских взглядов

говорят о том, что данное выступление стало компромиссом между критической позицией премьер-министра по отношению к бюрократической интеграции и позицией министерства иностранных дел, надеявшегося на создание позитивной модели сотрудничества между Великобританией и Сообществом³. Некоторые авторы делают акцент на том, что Великобритания, как и любое другое государство, в рамках разработки новой интеграционной стратегии вполне оправданно отстаивала собственные национальные интересы. По этой причине, утверждают они, речь «Великобритания и Европа» – рядовое заявление одного из европейских лидеров⁴. Однако усилившиеся в последние годы противоречия и разногласия внутри новой модели евроинтеграции – Европейского Союза – побуждают исследователей заново переосмыслить озвученные ранее программы сотрудничества.

Общую стратегию в отношении единой Европы М. Тэтчер обозначила в период пребывания консервативной партии в оппозиции, то есть уже в середине 70-х гг. XX в. Это была взвешенная, тщательно проработанная политическая платформа. Будущий премьер-министр выступала за активное участие Великобритании в европейской интеграции, но не одобряла идеи создания унифицированной федеральной Европы⁵. Оставив в стороне дипломатические тонкости, М. Тэтчер изначально планировала некоторое обострение в отношениях с континентальными партнерами во имя отстаивания британских приоритетов в рамках ЕЭС. Победа на парламентских выборах в мае 1979 г. ничуть не изменила позиции нового лидера консерваторов, к тому же связанной с решением стратегической задачи вывода Великобритании из длительной полосы системного экономического кризиса.

Однако прагматический подход «железной леди» к вопросам дальнейшего участия Великобритании в процессах евроинтеграции неминуемо сталкивался с альтернативными идеями. Например, президент Европейской комиссии Жак Делор в своём выступлении 27 июля 1988 г. заявил, что к 1992 г. национальные правительства должны уступить свои права в пользу европейского правительства. По его мнению, уже десятилетие спустя Брюссель как штаб-квартира европейского сообщества должен будет принимать до 80% всех решений Европейского Союза⁶. В интервью радио BBC в июле 1988 г. Маргарет Тэтчер назвала эту идею иллюзорной. «Я надеюсь, – заявила далее премьер, – что она никогда не станет реальностью». Каждое решение, по её мнению, должно быть одобрено правительствами стран-участниц ЕЭС. «Я несу ответственность перед своим парламентом, – утверждала Тэтчер, – следовательно, и перед своим народом. Если бы это было не так, то такое положение дел пугало бы людей. Они, как и я, горды тем, что являются британцами»⁷. Дискуссия, разгоравшаяся между руководством ЕЭС и премьер-министром Великобритании,

была продолжена в Брюгге. Именно здесь, критикуя новомодную интеграционную концепцию команды Ж. Делора, М. Тэтчер произнесла одну из наиболее известных своих речей.

Сравнивая свой политический имидж с образом воинственного Чингисхана⁸, премьер-министр Великобритании сделала оговорку о том, что рассуждения о будущем европейской интеграции из её уст будут звучать непривычно и странно, тем не менее она не побоится изложить собственное видение европейских процессов. М. Тэтчер начала с критики устоявшихся взглядов на европейскую интеграцию. «Мы – британцы, – говорила она, – даже в большей степени являемся наследниками достояния европейской культуры, чем любая другая нация. Наша судьба – в Европе»⁹. Этими словами премьер-министр безоговорочно признавала Великобританию неотъемлемой частью Европы. Нет сомнений, что подобные высказывания стали результатом «давления» Форин-Оффис, который пытался смягчить критические настроения «железной леди» и наладить позитивное сотрудничество с ЕЭС. Впрочем, более детальные характеристики процесса евроинтеграции, всё-таки прозвучавшие в выступлении М. Тэтчер, английским дипломатам смягчить не удалось. Так, ЕЭС признавалось премьером одним из многих институтов, предложенных на выбор европейским государствам, но отнюдь не единственным¹⁰. М. Тэтчер подвергла критике взгляды тех европейских политиков, которые считали, что Сообщество способно выражать общее мнение и может представлять интересы входящих в него государств на мировой арене. Премьер-министр Великобритании заявила также, что Европа должна расти не вглубь, а вширь, потому обратила внимание на государства Восточной Европы, ранее являвшиеся частью европейской культуры, свободы и идентичности, которые находились за «железным занавесом». Варшава, Прага и Будапешт как «великие европейские города»¹¹ должны были, по представлению Тэтчер, стать неотъемлемой частью новой Европы. Развивая свою «антисоветскую» мысль, премьер-министр обратила внимание аудитории на то, что Европа должна принадлежать всем, поскольку её благосостояние никогда не определялось и не будет определяться за счёт ограниченного и замкнутого круга участников¹². В понимании М. Тэтчер, Сообщество должно стать практическим шагом к обеспечению «процветания и безопасности» его членов, а не «самоцелью». Европейцы, с точки зрения Тэтчер, не могут тратить время на внутренние диспуты или скрытые споры.

Большую часть своего выступления М. Тэтчер посвятила изложению пяти основополагающих принципов развития европейской интеграции. Иными словами, она изложила своё видение расширенной демократической и практической Европы¹³. Основу первого принципа, по мысли М. Тэтчер, составляло активное сотрудниче-

ство между правительствами независимых суверенных государств. Она не сомневалась, что централизованная, бюрократическая власть Брюсселя, выстроенная на искоренении принципа государственного суверенитета, лишь подорвёт интеграционное движение. Именно отстаивание принципа межгосударственного сотрудничества определило сущность брюггской речи «железной леди». В противовес чрезмерной бюрократизации Сообщества М. Тэтчер выдвинула идею создания конфедерации, главный принцип которой – сохранение неприкосновенности суверенитета государств. Премьер-министр коснулась чрезвычайно важного вопроса: как избежать уменьшения роли национальных государств и концентрации власти в руках бюрократизированного управления в Брюсселе? М. Тэтчер говорила: «Пытаться подавить национальную государственность и сконцентрировать власть в руках европейского конгломерата было бы в высшей степени ущербно. Европа определённно будет сильнее потому, что она включает в себя Францию как Францию, Испанию как Испанию, Британию как Британию, со своими обычаями, традициями и идентичностью. Было бы глупо пытаться подогнать их под стандарты»¹⁴. Премьер обвиняла Брюссель в «материалистическом крючкотворстве и коррупции»¹⁵. Действительно, с каждым годом к Европейскому сообществу переходило всё больше функций и полномочий от национальных государств, что, в итоге, становилось причиной необоснованного роста брюссельского чиновничьего аппарата.

Второй принцип, изложенный в брюггской речи М. Тэтчер, предполагал практическое решение проблем Сообщества через процедуру их демократического обсуждения. В выступлении было справедливо отмечено, что от правильности проводимой политики зависит поддержка граждан страны, без которой невозможно будущее развитие интеграции. В частности, М. Тэтчер считала, что политика в области сельского хозяйства неэффективна, а реформа в этом секторе экономики провалилась. Премьер констатировала, что Общая сельскохозяйственная политика (ОСХП) невыгодна для британского сельского хозяйства. К тому же она «обременительна, неэффективна и крайне дорогостоящая»¹⁶. Программа субсидий ОСХП, развивает критику премьер, привела к скоплению излишков определённых видов продукции, что спровоцировало резкий скачок цен для британских потребителей¹⁷. Следует отметить последовательность критических атак М. Тэтчер в этой сфере. Впервые она обратила внимание европейских политиков на пагубное воздействие непродуманной сельскохозяйственной политики в 1977 году. По мнению М. Тэтчер, необходимо было поощрять не бюрократию, а свободное предпринимательство внутри ЕЭС, защищать интересы сельских производителей, пересмотреть ОСХП с целью её упрощения и придания дополнительной прозрачности. Избавление от торговых

барьеров, утверждала Тэтчер уже в Брюсселе, поможет европейским компаниям на равных конкурировать на мировом рынке.

Третий принцип в изложении М. Тэтчер включал гарантии развития свободного предпринимательства в Европе. Премьер негативно оценила внедряемую в структуры ЕЭС методику государственного планирования. Этой программе была противопоставлена концепция нелиберализма, опиравшаяся на приоритет свободной конкуренции и пассивное государственное регулирование. «Экономика, контролируемая государством, – заявляла М. Тэтчер, – гарантия низкого роста»¹⁸. Она выступала за либерализацию экономики, использование принципов свободного ценообразования, доступ к свободным рынкам и дерегулирование. По мнению «железной леди», только такие меры позволили бы европейским компаниям на равных конкурировать с основными соперниками ЕЭС – США и Японией¹⁹. В валютно-финансовой области британский премьер-министр, явно неудовлетворенная одной только идеей создания Европейского центрального банка, выступала за принятие более конкретных решений. Тэтчер настаивала на том, чтобы Сообщество, во-первых, гарантировало свободное передвижение капитала, во-вторых, запретило бы меры валютного контроля. В-третьих, она потребовала создания подлинно свободного рынка финансовых, банковских услуг, страхования и инвестиций. В-четвёртых, требовалось обеспечить более широкое применение ЭКЮ. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что предложения М. Тэтчер были апробированы в самой Великобритании. Так, её правительство, стремясь к прозрачности и эффективности внутренних и международных рынков, открыло рынок телекоммуникационных услуг, приветствовало любые формы конкуренции. Деловой центр Великобритании – Сити – на протяжении долгого времени был открыт для финансовых учреждений мира, благодаря чему удостоился звания самого большого и самого успешного финансового центра в Европе.

Четвёртый принцип в изложении М. Тэтчер включал в себя борьбу с протекционизмом. В частности, в Брюгге была поставлена проблема ликвидации торговых барьеров посредством заключения договорённостей в рамках Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ)²⁰. В этой связи премьер-министр особо подчёркнула, что речь идёт об обязательствах Европы не только перед членами ЕЭС, но и перед менее развитыми странами. «Им нужна не только помощь, – говорила Тэтчер, – более всего они нуждаются в улучшении торгового потенциала»²¹.

Наконец, пятый принцип выступления в Брюгге был посвящён рассмотрению важной и острой проблемы обороны. По словам М. Тэтчер, следовало помнить, что европейский образ жизни, европейский взгляд на окружающий мир, а также все будущие достижения единой Европы гарантируются не правом на исключительность, а силой

обороны²². Краеугольным камнем европейской безопасности М. Тэтчер называет сотрудничество в рамках НАТО. По её мнению, только Североатлантический альянс обладает политическим и военным механизмом, позволяющим справиться с решением задач по обеспечению мира в Европе. Именно этой структуре, полагает премьер, обязаны европейские государства в вопросах поддержания и сохранения мира. Однако, признавая значение такого стратегического партнёрства, М. Тэтчер вносит существенные поправки в концепцию европейской обороны и безопасности. В частности, она потребовала разграничения сфер деятельности НАТО и Западноευропейского союза (ЗЕС). По мнению правительства Великобритании, которое и доводила до слушателей М. Тэтчер, ЗЕС не должен был стать альтернативой НАТО²³. Он представлялся лишь источником европейского вклада в поддержание совместной обороны в Западной Европе. Таким образом, в выступлении М. Тэтчер Североатлантическому альянсу отводилось обеспечение территориальной целостности и безопасности, а ЗЕС – участие в урегулировании кризисов, миротворческих и гуманитарных операциях.

В целом брюггская речь М. Тэтчер стала воплощением идей федерализма, отстаиваемых Великобританией на протяжении всей истории объединённой Европы. Призывая к единству «европейского дома», М. Тэтчер подчёркивала необходимость сохранения и культивирования национальной идентичности каждого народа, призывала к развитию данного процесса на одном уровне с развитием идеи европейской интеграции.

Отклики, поступившие на брюггскую речь, были самыми разнообразными. Проевропейские политики окрестили её абсолютной фантазией. Для евроскептиков она стала воплощением самых смелых идей²⁴. Директор Европейского агентства Э. Газзо полагал, что брюггская речь не явилась чем-то «принципиально новым»²⁵ на фоне курса консервативной партии Великобритании в отношении ЕЭС. Возмущённые выступлением М. Тэтчер, некоторые представители государств – участников Сообщества были готовы даже пойти на конфликт²⁶. Однако все прекрасно понимали, что Великобритания, несмотря ни на что, будет добиваться заявленных целей. Автор статьи в газете «Le Monde» предупреждал, что М. Тэтчер всё равно использует ошибки и нерешительность тех, у кого нет никакого выбора кроме как работать с ней²⁷. Обозреватель немецкой газеты «Die Zeit» провела аналогию во взглядах М. Тэтчер и Ш. де Голля: «Нужно отдать должное господину де Голлю за его безжалостную честность и храбрость, в которой англичане никогда не испытывали недостатка, и невообразимое упорство, которое так типично для Маргарет Тэтчер. Она поставила своих континентальных партнёров перед проблемой, которую они игнорировали, начиная с ратификации Единого европейского акта»²⁸. Здесь

же было отмечено, что как духовный преемник французского лидера, только более убеждённый в своей правоте²⁹, М. Тэтчер говорила об обще-европейских проблемах, выдвигая на первый план вопросы демократической легитимности. Речь, произнесённая М. Тэтчер, оказала сильное влияние на многих политиков, учёных и тем более чиновников ЕЭС, особенно на главного адресата – Ж. Делора. По его мнению, британский лидер попыталась «демонизировать»³⁰ его и Европу, что было расценено им как крайне агрессивное действие.

Таким образом, брюггская речь явилась воплощением стратегических идей М. Тэтчер как тогдашнего политического лидера Великобритании в отношении континентальной Европы. Впервые «железная леди» отошла от принципа «коллективной ответственности» кабинета, сложившегося в период пребывания у власти Э. Хита, сосредоточив на себе риск ответственности за прозвучавшие оценки. Тем не менее разногласия по европейским проблемам как на международной арене, так и внутри партии были настолько сильны, что даже этот решительный шаг М. Тэтчер не смог предотвратить назревавшего раскола внутри консервативной партии и неизбежной отставки «железной леди».

Примечания

- 1 См.: *Понов В. И.* Маргарет Тэтчер: человек и политик. Взгляд советского дипломата. М., 1991; *Перегудов С. П.* Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996; *Остапенко Г. С.* Общественно-политическая жизнь Великобритании во второй половине XX века. М., 2002.
- 2 См.: *Turner J.* The Tories and Europe. Manchester, 2000.
- 3 См.: *Gillingham J.* European Integration, 1950–2003. Superstate or New Market Economy. Cambridge, 2003.
- 4 См.: *Dinan D.* A History of European Union. L., 2004.
- 5 См.: *Перегудов С. П.* Указ. соч. С. 193.
- 6 Conclusions of the Hanover European Council. 1988. Jun. 28. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.).
- 7 *Thatcher M.* Radio Interview for BBC. 1988. Jul. 27. URL: www.margaret_thatcher.org (дата обращения: 05.05.2011 г.).
- 8 The Bruges Speech. 1988. Sep. 20. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.).
- 9 Ibid.
- 10 Ibid.
- 11 Ibid.
- 12 См.: *Понов В. И.* Указ. соч. С. 299.
- 13 См.: *Gillingham J.* Op. cit. P. 494.
- 14 The Bruges Speech. 1988. Sep. 20. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.).
- 15 Цит. по: *Тэтчер М.* Искусство управления государством / пер. с англ. М., 2003. С. 356.
- 16 The Bruges Speech. 1988. Sep. 20. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.).

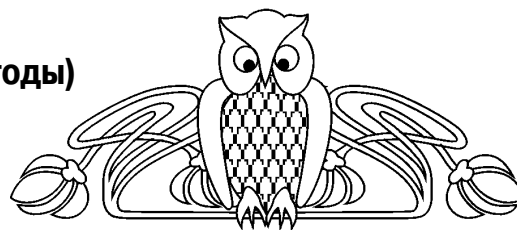
- ¹⁷ См.: *Пережудов С. П.* Указ. соч. С. 196.
- ¹⁸ The Bruges Speech. 1988. Sep. 20. URL : <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.)
- ¹⁹ Великобритания: эпоха реформ. М., 2007. С. 313.
- ²⁰ *Бурнашев И.* Маргарет Тэтчер и Жак Делор: полемика по вопросам углубления процесса европейской интеграции // Вестник Европы. 2005. № 16. URL : <http://magazines.russ.ru> (дата обращения: 05.05.2011 г.)
- ²¹ The Bruges Speech. 1988. Sep. 20. URL : <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.)
- ²² Ibid.
- ²³ См.: Великобритания: эпоха реформ. С. 366.
- ²⁴ *Dinan D.* Op. cit. P. 242.
- ²⁵ *Gazzo E.* Mrs Thatcher: will she finally become a convert to the cause? // Europe. 1988. Sep. 21. URL : <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.)
- ²⁶ См.: *Понов В. И.* Указ. соч. С. 280.
- ²⁷ How Mrs. Thatcher functions // Le Monde. 1988. Sep. 22. URL : <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.)
- ²⁸ Цит. по: Be fair to Mrs de Gaulle! // Die Zeit. 1988. Sep. 30. URL : <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.)
- ²⁹ *Grunenberg N.* Seid fair zu Lady de Gaulle! // Die Zeit. 1988. Sep. 30. URL : <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.05.2011 г.)³⁰ *Turner J.* Op. cit. P. 36.

УДК 94(4)19

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫБОРОВ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ (1957–1979 годы)

М. А. Гусакова

Саратовский государственный университет
E-mail: mashagusakova@yandex.ru

В статье рассмотрена эволюция системы выборов в Европейский парламент периода ЕЭС. Итогом этого процесса стало утверждение принципа прямого всеобщего голосования. Новый механизм выборов явился гарантией превращения Европейского парламента в демократический институт, способствующий укреплению интеграционных тенденций.

Ключевые слова: Европейский парламент, система выборов, прямые всеобщие выборы, Европейский мандат, Акт об избрании членов Европейского парламента.

Forming of the Electoral System to the European Parliament (1957–1979)

М. А. Gusakova

The article discusses the process of the electoral system's evolution to the European Parliament. The result of this process was the introducing of direct universal suffrage to the European Parliament. This new mechanism became the guarantee of the Parliament's making into the real democratic institution that favoured the consolidation of European integration's tendencies.

Key words: European Parliament, electoral system, direct universal suffrage, European mandate, Act concerning the election of representatives of the Assembly.

Накопившиеся к началу 1980-х гг. в странах ЕЭС противоречия и, как следствие, замедление темпа интеграционных процессов породили настроение «европессимизма»¹. Однако наряду с проявлением негативных тенденций государствам Сообщества удалось достичь весьма ощутимых успехов. Одним из важнейших достижений интеграционного периода, охватившего 60–70-е гг. XX в., стало введение прямых выборов в Европейский парламент. Кроме того, по итогам кризисного развития руководство стран Европейского

сообщества смогло извлечь некоторые полезные уроки, что способствовало в дальнейшем ускорению процессов интеграции во всех сферах взаимодействия.

Период европессимизма оказал заметное влияние на работу Европейского парламента, который как яркий образец институционализации ЕЭС, а затем и ЕС заслуживает особого внимания. Достаточно сказать, что речь идет о первом в истории Европы опыте создания наднациональной парламентской структуры. Однако на начальной стадии деятельность Парламента ограничивалась консультативными функциями и, по сути, сводилась к утверждению решений Европейской комиссии. Благодаря этому, как отметил бывший президент Европейского парламента французский политик Жорж Спеналь, некоторые государства Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) – в частности Великобритания и Франция – рассматривали данный институт всего лишь как гарантию неоспоримости и нерушимости государственного суверенитета². Действительно, договор об образовании ЕОУС (1951) предоставлял государствам-участникам выбор: либо назначать представителей Общей ассамблеи из числа национальных парламентариев, либо избирать их путем прямого голосования. Однако в первые годы деятельности ЕОУС второй, более демократичный, способ формирования Общей ассамблеи не использовался. Как критически отмечал Ж. Спеналь, «назначение представителей Ассамблеи из числа членов национальных парламента лишало ее принципа демократичности и размывало саму представительскую природу Ассамблеи»³. Единственной попыткой действительной модернизации

ции зарождавшихся структур европарламентаризма стала инициатива, озвученная и утвердившаяся в 1953 г. Согласно новым правилам, заседания Общей ассамблеи ЕОУС стали проходить не на основе национальных фракций, а в рамках принадлежности к той или иной политической группе⁴. Однако подобные компромиссные решения не могли изменить ситуации – Ассамблея ЕОУС по-прежнему оставалась структурой во многом декоративной, совещательной и, следовательно, не обладала реальным политическим влиянием.

В целом вопрос о введении прямых всеобщих выборов в Европейский парламент является достаточно актуальным и имеет большое значение для исследования процессов евроинтеграции. Данной проблеме посвящено большое количество исследований зарубежных авторов, в которых рассматривается не только ретроспектива, но и будущая роль Европейского парламента⁵. В работах же советских и российских исследователей данные сюжеты, и в частности вопрос о введении прямых выборов в Европейский парламент, освещены довольно слабо⁶.

В 1958 г., после подписания договоров в Риме и образования ЕЭС, Общая ассамблея ЕОУС была переименована в Европейскую парламентскую ассамблею (30 марта 1962 г. – Европейский парламент). Часть 3 ст. 138 Договора об учреждении ЕЭС предусматривала, что Парламентская ассамблея должна подготовить положения по выборам, проводимым путем всеобщего прямого голосования в соответствии с единой для всех государств-членов процедурой выборов⁷. По итогам проделанной работы Совет министров, действуя единогласно, должен был изложить соответствующие предложения и рекомендовать государствам – участникам ЕЭС принять их для практического применения⁸.

Парламентская ассамблея выполнила свои обязательства, подготовив проект Конвенции 1960 г., в тексте которой затрагивались наиболее важные аспекты введения прямых выборов. В соответствии с данным документом Ассамблея должна была состоять из 426 депутатов, избираемых прямым всеобщим голосованием сроком на 5 лет⁹. Количество депутатов – представителей от каждого государства Сообщества устанавливалось таким образом, чтобы оно превышало число представителей национальных парламентов ровно в три раза. Однако еще в ходе обсуждений данного положения Конвенции члены рабочей группы Парламентской ассамблеи разделились во мнениях по вопросу, должно ли быть количество избираемых представителей в Ассамблее удвоено либо увеличено многократно. Странники второго варианта доказывали, что именно такое максимальное увеличение количества членов Ассамблеи необходимо для реального участия населения стран ЕЭС в строительстве новой Европы. Принятое решение соответствовало численности депутатов в Палате представителей конгресса США и устроило евро-

пейских политиков, поскольку по старой схеме на 400 000 жителей стран интегрированной Европы приходился всего один депутат, что не могло в полном объеме отражать представительской природы Парламентской ассамблеи¹⁰.

В соответствии с Конвенцией введение прямых выборов предполагалось осуществлять поэтапно, для чего устанавливался переходный период. Его длительность в проекте четко не определялась, однако он должен был соответствовать отрезку времени, необходимому для перехода к Общему рынку (10–12 лет). В течение переходного периода предполагалось, что треть членов ассамблеи по-прежнему будет назначаться национальными парламентами из числа собственных депутатов. Кроме того, Конвенцией устанавливалась возможность совмещения представителями Сообщества членства в Парламентской ассамблее и национальных парламентах. Однако по истечение срока действия мандата национального парламента такой представитель уже не мог оставаться членом Ассамблеи. Данное решение, таким образом, предполагало возможность двойного мандата¹¹. Минусом данного положения, зафиксированного в Конвенции, являлось то, что члены Парламентской ассамблеи не могли сосредоточиться исключительно на проблемах Сообщества и были вынуждены отвлекаться на участие в государственных делах.

Непрекращающиеся споры и осложнения показали большинству членов рабочей группы, что в ближайшем будущем введение единой избирательной системы является невозможным. В связи с этим в Конвенции было закреплено компромиссное решение, суть которого состояла в том, что избирательная система должна определяться каждым государством Сообщества самостоятельно в течение переходного периода¹². В его рамках Парламентская ассамблея должна была разработать окончательные условия для введения единой избирательной процедуры. Текст Конвенции должен был рассмотреть и ратифицировать Совет министров. Однако по причине многочисленных расхождений это не произошло. Для разрешения спорных положений Конвенции был создан временный консультативный комитет, в который вошли в равном количестве представители государств – членов Сообщества и члены Ассамблеи. Задача комитета заключалась в изучении мнений и рекомендаций по проблеме применения условий национальных законодательств в рамках процедуры выборов в Парламентскую ассамблею¹³.

Несмотря на незавершенность работы, принятие проекта Конвенции 1960 г. стало первым серьезным шагом на пути введения прямых всеобщих выборов в Европейский парламент. Конвенция явилась компромиссом для сторонников углубления интеграционных процессов и сторонников сохранения политического влияния суверенных государств. Несмотря на то что многие положения итогового документа являлись

уступкой национальным правительствам, Конвенция закрепила базовые принципы будущей европейской избирательной системы.

Вопрос введения прямых всеобщих выборов оставался нерешенным вплоть до 1969 г., что совпало по срокам с уходом Шарля де Голля с поста президента Франции. Именно этот влиятельный политик выступал против избрания членов Европейского парламента путем прямого голосования, поскольку не видел смысла искать поддержки национального электората для института, лишённого реальной политической силы. К тому же де Голль опасался, что низкая явка избирателей будет губительной для авторитета Европейского парламента и сведет на нет все предпринятые внутри стран ЕЭС усилия. Наконец, президент Пятой республики искренне полагал, что единственным органом в Сообществе, наделённым законодательными полномочиями, должен оставаться Совет министров¹⁴. Лишь следующий политический лидер и президент Франции В. Жискард д'Эстен в 1974 г. одобрил идею введения прямых выборов, которую он соотносил с необходимостью создания Европейского совета, предназначенного для образования наднационального Европейского правительства¹⁵.

Нежелание введения прямых выборов в Европейский парламент со стороны некоторых политических лидеров объяснялось тем, что разрабатываемые документы не предусматривали наделения избираемого института новыми законодательными полномочиями. В сущности, Европейский парламент всё ещё не имел никаких рычагов давления на Совет министров, который разрабатывал и утверждал все решения по вопросам деятельности Сообщества¹⁶. В сложившейся ситуации сами европарламентарии также понимали, что процесс расширения полномочий Парламента будет довольно длительным. В частности, лорд Бессборо¹⁷ отмечал, что темпы прогресса в развитии евроинтеграции не будут быстрыми из-за огромного числа трудностей, с которыми приходится сталкиваться Сообществу. Помимо всего прочего, он делал вывод, что энергетический кризис, который оказал большое влияние на развитие европейских стран, стал испытанием самого Сообщества и его институтов на прочность. Поэтому, по словам данного политика, очень важным для дальнейшего строительства единой Европы являлось беспрепятственное функционирование институтов Сообщества и наискорейшее введение всеобщих прямых выборов в Европейский парламент. Лорд Бессборо объяснял свою позицию тем, что изолированные действия национальных правительств не могут решить возросшего количества проблем и, следовательно, возникает необходимость поставить институты Сообщества под контроль Парламента, что является естественным для демократической системы¹⁸. Но было бы поспешным делать выводы о том, что с введением прямых выборов Европейский пар-

ламент автоматически станет универсальным и общепризнанным наднациональным институтом. Для приближения к этой цели необходимо было внести глубокие изменения в основополагающие договоры Европейского сообщества.

В июне 1973 г. Европейский парламент подготовил новые предложения по сближению спорных позиций, назначив французского политика Шелто Патьина ответственным за разработку новой концепции. Камнем преткновения стал вопрос о единой избирательной системе, в соответствии с которой должны были проходить выборы в странах – участницах ЕЭС, а также вопрос о выработке унифицированных избирательных правил¹⁹. Стратегия Патьина заключалась в отделении вопроса о единой избирательной процедуре от менее дискуссионного вопроса о прямых выборах. В частности он полагал, что каждое государство Сообщества должно самостоятельно определить избирательную систему, в соответствии с которой должны состояться первые выборы в Европейский парламент. Лишь к следующим выборам Парламент должен будет подготовить предложения по общей для всех государств избирательной системе²⁰.

Черновой вариант документа, закрепляющего введение прямых выборов в Европейский парламент, был одобрен 14 января 1975 г. Однако некоторые формулировки данного проекта вызвали возражения у лидеров ряда государств Сообщества. Так, Великобритания выступала против слишком точной формулировки положений, которые могли затруднить ратификацию документа в палате общин. Это послужило поводом для новых обвинений со стороны британских парламентариев в стремлении сохранить свое политическое влияние в континентальной Европе. Франция же, напротив, выступала за сохранение точных формулировок, поскольку отсутствие ясности могло затянуть ратификацию такого соглашения со стороны Национальной ассамблеи. Позиция Италии увязывалась с предоставлением гарантий того, что выборы в Европейский парламент могут быть продлены на её территории почти на сутки. В ответ на это французские представители предупредили, что не смогут обеспечить сохранения в секрете результатов выборов в Парламент после закрытия собственных избирательных участков в воскресенье вечером²¹. Ключевым аспектом требований со стороны Франции по вопросу о процедуре выборов являлось общее участие для всех членов Сообщества и также общий для всех отказ от попыток сохранить принцип назначения своих представителей в Европейский парламент из числа национальных парламентариев. В таких намерениях подозревались, в частности, власти Великобритании и Дании. Лидерам этих государств было особенно сложно смириться с перспективой снижения роли собственных государств в новом, наднациональном Парламенте в случае введения прямых выборов²². Масла в огонь подливало также обсуждение вопроса о

распределении мест в Европейском парламенте. К примеру, представители Шотландии и Уэльса предупредили Лондон об организации акций протеста в случае возникновения подозрений о несправедливом представлении их территорий в Европейском парламенте. Дания выступала за введение двойного мандата, что предполагало одновременное представительство в Европейском и национальном парламентах. Вторым принципиальным моментом для Дании было проведение выборов одновременно в оба парламента²³. Таким образом, у каждого государства были свои требования, которые порой было весьма трудно согласовать между собой. В этой ситуации от европейских политиков потребовалось большое количество уступок и компромиссов для выработки окончательного документа.

На саммитах, состоявшихся 12–13 июля и 20 сентября 1976 г. в Брюсселе, был принят ряд окончательных решений, которые привели к ратификации Акта об избрании членов Европейского парламента всеобщим прямым голосованием. Акт было ратифицирован всеми государствами Сообщества простым большинством, несмотря на категорическое неодобрение голлистами и коммунистами во Франции²⁴. Следует отметить, что данный Акт во многом повторял предложенный Парламентом проект Конвенции 1960 г. Этот документ закрепил положение о регулировании прямых выборов в Европарламент национальным законодательством каждого государства Сообщества, что уже было зафиксировано ранее. Но, в отличие от Конвенции, в соответствии с которой введение единой избирательной системы в ближайшем будущем представлялось самим членам Европейского парламента невозможным, Акт установил необходимость введения именно такого порядка. Как отмечал Ш. Патьин, «спустя 15 лет политические структуры государств – членов Сообщества стали лучше взаимодействовать друг с другом, что, в свою очередь, привело к увеличению уровня единства их процедур»²⁵. В связи с этим вопрос об установлении нового переходного периода потерял свою актуальность. Новый документ закрепил решение о введении единой избирательной системы к 1980 г., что позволило многим представителям Европейского парламента надеяться на проведение первых выборов в соответствии с единой избирательной процедурой²⁶. Впоследствии прямые выборы в Европейский парламента проводились в соответствии с системой пропорционального представительства во всех государствах Сообщества, кроме Великобритании.

Несмотря на отрицательное отношение к возможности совмещения национального и общеевропейского мандатов со стороны многих европейских политиков, положение о двойном мандате все же было закреплено в Акте так же, как и в предыдущей Конвенции. Документ предоставлял каждому государству Сообщества право решать, сохранять ли у представителя, в

дополнение к мандату Европейского парламента, мандат национального парламента²⁷. Таким образом, несмотря на то что цель прямых выборов заключалась в гарантированном наделении «европейского мандата» независимым статусом по отношению к «национальному мандату», а также в гарантии для членов Европейского парламента возможности сосредоточиться исключительно на своих обязанностях, данное положение Акта создавало особый статус для определенной группы политиков. Единственное отличие от Конвенции 1960 г. заключалось в том, что, согласно текущему документу, прекращение действия национального мандата больше не влекло за собой прекращения мандата Европейского парламента²⁸. Теперь депутаты Европейского парламента могли заниматься исключительно проблемами Сообщества, вследствие чего должен был возрасти уровень их профессионализма. Кроме того, постоянно возрастающие потребности ЕЭС сделали невозможным для представителей совмещать выполнение обязанностей в обоих парламентах. «Только введение прямых выборов, – констатировал в итоге Патьин, – может кардинально улучшить ситуацию»²⁹.

Численность Европейского парламента, согласно первоначальной редакции Акта, составляла 550 депутатов. Данное число четко соотносилось с количеством населения каждого государства Сообщества. Предполагалось, что на первый миллион жителей должно быть избрано шесть представителей, а на каждые следующие 500 000 жителей – по одному представителю³⁰. Данное решение имело политический подтекст, смысл которого заключался в стремлении государств сохранить существующее количество своих депутатов. Однако данное число не устроило Комитет по правовым вопросам Европейского парламента. В результате количество депутатов было снижено до 355. Ханс Лаутеншлагер, докладчик от Комитета, доказывал, что именно такое количество сможет обеспечить справедливое соотношение мест в Европейском парламенте для крупных и мелких государств. Докладчик подчеркивал, что большее число депутатов даст преимущество только крупным государствам³¹. Однако окончательное решение по данному вопросу, закрепленное в Акте, определило абсолютно новое соотношение представителей и их количество в Европейском парламенте. В соответствии с новым решением это количество должно было составить 410 депутатов, что являлось своеобразным компромиссом между предлагаемыми ранее вариантами³².

Проблема введения прямых выборов в Европейский парламента приобрела огромное значение с первых дней существования ЕЭС. Практическая реализация этой задачи была призвана обеспечить широкое участие населения стран Содружества в строительстве интегрированной Европы. Несмотря на свою стратегическую нацеленность, утверждение новой избирательной системы заняло более двадцати лет и потребовало допол-

нительных согласований. Итогом этого процесса стало рождение наднационального европейского парламентского института, ставшего важной составляющей политического единства стран ЕЭС, а затем и ЕС.

Примечания

- ¹ См.: *Браницкий А. Г.* Европейские интеграционные процессы в период «еврозастоя»: от «Договора слияния» до Штутгартской декларации. М., 2005. С. 1.
- ² *Spedale G.* The evolution of the European Parliament. 1976. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 03.12.10). Ж. Спеналь возглавлял Европейский парламент с 1975 по 1977 г.
- ³ *Piodi F.* Toward direct elections to the European Parliament. Luxemburg: Alice Editions and Atelier Folon, 2009. P. 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu> (дата обращения: 07.10.10).
- ⁴ Ibid.
- ⁵ См.: *Piodi F.* Op. cit. P. 1–99 ; *Palayret J.-M., Bardi L.* Building Parliament: 50 years of European Parliament history. Belgium: European Communities, 2009. 303 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldbookshop.publications.europa.eu> (дата обращения: 15.01.11) ; *Hix S., Noury A., Roland G.* Democracy in the European Parliament. Brussels. 2005. 322 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldbookshop.publications.europa.eu> (дата обращения: 17.01.11).
- ⁶ См.: *Тезикова А. В.* Выборы в Европейский Парламент: история и современность // Просвещение. 2006. № 16(17). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru> (дата обращения: 27.11.10) ; *Каукин С. Ю.* Право Европейского Союза. М.: Юрист, 2002. С. 253–277.
- ⁷ См.: Договоры об учреждении европейских сообществ. М.: Междунар. отношения, 1994. С. 134.
- ⁸ См.: *Тезикова А. В.* Указ. соч. С. 4.
- ⁹ Draft Convention concerning the election of representatives of the Assembly by direct universal suffrage. 1960. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 20.01.11).
- ¹⁰ *Piodi F.* Op. cit. P. 19.
- ¹¹ Draft Convention concerning the election of representatives of the Assembly by direct universal suffrage. 1960.
- ¹² Ibid.
- ¹³ *Piodi F.* Op. cit. P. 22.
- ¹⁴ *Deschamps E., Maufort L.* The new European Parliament. Elections to the European Parliament by universal suffrage: the background. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 23.11.10).
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ *Stadlmann H.* The obstacle course to European Union. The decision to hold common parliamentary elections is just a stage, not the goal. 1976. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 05.12.10).
- ¹⁷ Депутат Европейского парламента с 1973 по 1979 г.
- ¹⁸ *Lord Bessborough.* The European Parliament and European integration as seen by an Englishman. 1977. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 14.11.10).
- ¹⁹ *Patijn S.* Report on the adoption of a draft convention introducing elections to the European Parliament by direct universal suffrage. 1975. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 24.10.10). Ш. Патъин являлся депутатом Европейского парламента с 1973 по 1979 г.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ *Stadlmann H.* Op. cit.
- ²² Ibid.
- ²³ *Palayret J.-M., Bardi L.* Op. cit. P. 57.
- ²⁴ *Spedale G.* Op. cit.
- ²⁵ *Patijn Schelto.* Op. cit.
- ²⁶ *Spedale G.* Op. cit.
- ²⁷ Act concerning the election of representatives of the Assembly by direct universal suffrage [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 12.12.10).
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ *Deschamps E., Maufort L.* Op. cit.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ *Lautenschlager H.* Opinion of the Legal Affairs Committee. 1976. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ena.lu> (дата обращения: 03.12.10).
- ³² Act concerning the election of representatives of the Assembly by direct universal suffrage.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 902.03(470.44)|637.5/637.7|

ПРОСТРАНСТВО ДОНО-ВОЛЖСКОГО ВЕКТОРА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

В. А. Лопатин

Саратовский государственный университет
E-mail: srubnik@yandex.ru

Лесостепная зона Доно-Волжского междуречья – особая категория евразийского пространства. На рубеже эпох средней и поздней бронзы по речным магистралям этого региона осуществлялось активное перемещение групп населения, оставивших курганы с погребениями военных вождей и колесничих. Предполагается динамичное развитие местного вектора культурогенеза в контексте интеграции многих культурных компонентов (абашевский, воронежский, вольский, катакомбный, покровский, лбищенский, потаповский). Объективно данные процессы должны были привести к формированию лесостепного локального варианта срубной культуры.

Ключевые слова: пространство, вектор культурогенеза, срубная культура, бронзовый век.

Space of Don-Volga Region Vectors of Culturogenesis

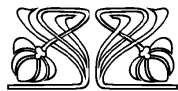
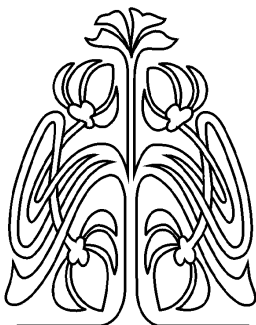
V. A. Lopatin

The forest-steppe area of the Don-Volga interfluvium is a special category of the Eurasian space. The active movements of groups of population, who have left mounds with burials of chieftains and charioteers, are along river routes in this region at the turn of the Middle and the Late Bronze Age. Dynamic development of the local vector of cultural genesis is assumed in the context of the integration of many cultural components (Abashevo, Voronezh, Volsk, catacomb, Pokrovsk, Ibischensky, Potapovka). Objectively, these processes should lead to the formation of the forest-steppe local version of the timber-grave (srubnaya) culture.

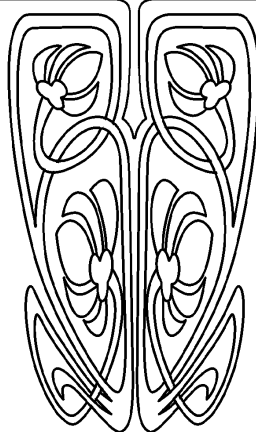
Key words: space, vectors of culturogenesis, timber-grave (srubnaya) culture, Bronze Age.

Культурно-генетические процессы, развернувшиеся в степной Евразии в первой половине II тыс. до н. э., привели к новому мироустройству на самом протяженном пространстве Старого Света. Обширные ареалы континента от Причерноморья до Саяно-Алтая были заняты многочисленными скотоводческо-земледельческими племенами праиндоиранцев, археологически соотносимыми с ископаемыми культурами двух величайших мегаобщностей эпохи поздней бронзы – срубной и андроновской. Становление этого культурно-исторического феномена было сложным и многокомпонентным, отражавшим участие в культурогенезе многочисленных культур конца эпохи средней бронзы: поздней среднедонской, бабинской, криволукской, поздней лопатинской, воронежской, вольской, лбищенской, примокшанской. Особая роль принадлежала не только генераторам генетических импульсов культурогенеза (катакомбная и абашевская культуры), но и активаторам политогенеза, хорошо организованным и вооруженным носителям черт синташтинской, потаповской, покровской культур, без которых завершение евразийской интеграции (хозяйственно-культурной, политической, военной) объективно было бы невозможно.

Категория векторности культурогенеза¹ чрезвычайно важный исследовательский инструмент, поскольку в ходе анализа артефактов данный подход позволяет системно выделить и сгруппировать достоверные компоненты взаимодействия, оказавшие конструктивное влияние на

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

становление не только раннесрубных (или раннеалакульских) локальных вариантов, но также и культурных групп переходного этапа, например потаповских и покровских. Векторы культурогенеза зарождались в различных пространствах и набирали силу в результате активизации носителей тех или иных культурообразующих признаков в ходе миграции или расширения вмещающих ареалов, прямых аккультураций или интенсивного обмена инновациями. Таким образом, векторная динамика может быть препарирована в качестве некоего дискретного алгоритма, с помощью которого возможно уточнить позиции и культурное наполнение всех компонентов культурогенеза – *генетических, активизирующих, производных*.

В начале II тыс. до н. э. доно-волжский вектор культурогенеза проявил себя как один из наиболее активных и результативных. Первоначально он соединил потенциал донской абашевской, поздней среднедонской катакомбной, воронежской и вольской культур. Затем на пике культурогенеза в доно-волжской лесостепи возникали и активизировались многочисленные дериваты-активаторы. Наиболее значимыми катализаторами этих процессов представляются покровский, бабинский и лбищенский культурные комплексы. Как производно-промежуточные образования, они продолжали активно взаимодействовать с поздней доно-волжской абашевской, криволукской, синташтинской, потаповской, ранней петровской культурами. Пространство активных культурогенетических процессов, вначале ограниченное северной частью Волго-Донского междуречья, динамично расширялось к востоку вплоть до Южного Урала, к югу, захватывая сухостепные пространства Нижнего Поволжья и Волго-Уральского междуречья. Значимо было воздействие этого вектора на севере, включая Прикамье, а также на западе в Днепро-Донском междуречье.

Пространственно-ландшафтные особенности природно-географической среды имеют большое значение в культурно-генетической динамике. Не исключено, что характер ландшафта, естественные ресурсы, климатические особенности являются существенными факторами, формирующими, согласно законам природно-географического районирования, не только хозяйственные системы древних обществ, но и характер мышления людей, их ментальность, неповторимые этнические профили компактных популяций.

Часть пространства между Доном и Волгой, Волгой и Уралом – контактная лесостепная полоса – была чрезвычайно привлекательна как территория ключевая в геополитическом отношении, выгодно отличающаяся плодородием почв, наличием лесных участков с запасами строевой древесины, обширностью и ценностью пастбищных ресурсов, насыщенностью речными артериями. Неоспорима высокая, исторически судьбоносная значимость этого региона в предцивилизационных процессах поздней первобытности. В степной

Евразии именно это пространство соединяло запад и восток единым поясом прогрессивных инноваций палеометаллической эпохи. Это весьма существенно для всей мировой цивилизации, поскольку именно в степной и лесостепной Евразии окончательно оформилось великое достижение палеоэкономики – высокопродуктивное животноводство – одна из ведущих отраслей современной системы жизнеобеспечения. В этом пространстве совершенствовались такие прогрессирующие достижения техногенной мысли, как колесный транспорт с конной упряжкой и высокотехнологичная металлургия бронзы. Не только на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Анатолии, но и в степях Евразии уже в бронзовом веке войны обретали зримые геополитические очертания, ускоряя социализацию степного скотоводческого общества. Здесь начинал формироваться будущий ираноязычный мир со вторым по численности населением на Земле. В этой древнеиранской среде уже тогда, во II тыс. до н. э. оформились основы сокровенного знания – устные эпосы и священные тексты, позже зафиксированные на фарси и санскрите. Они известны как Ригведа, Махабхарата, Рамаана, Авеста и являются классикой мировой литературы. Опережая время, это общество вплотную приблизилось к рубежу, за которым должно было начаться строительство известной цивилизации. Но этот прорыв оказался преждевременным и безрезультатным, лишь наследникам великих евразийских культур эпохи бронзы, сменившим среду обитания, удалось создать блестящие континентальные империи I тыс. до н. э. на Иранском нагорье и в Индостане.

За тысячу лет до этого доно-волжская лесостепь представляла собой очень важный фрагмент континентального пространства, в котором интегрировался мощный потенциал культурно-технологической динамики. По уникальным материалам новых раскопок все более заметно, что на севере междуречья, где оно плотно смыкается с Приволжьем, в курганах с погребениями воинской знати и на поселениях с эклектично многообразными керамическими комплексами, вероятно, находится ключ к пониманию сложнейших процессов культурогенеза на рубеже эпох средней и поздней бронзы.

В многочисленных работах по археологии территориальное соотношение Волги и Дона хотя и декларируется как фактор, имеющий особое значение, но выглядит недостаточно аргументированным и слабо подтверждающим некоторые выводы о преэместивности, взаимодействия или трансформации культур, связанных с этими пространствами. Такие варианты пространственного определения, как Доно-Волжское, или Волго-Донское междуречье, слишком обобщенны, а большинство исследователей зачастую ошибочно следует за искусственной регламентацией территориального деления, навязанной административными стереотипами. Так, например, вопреки

естественно-географическим условиям к Нижнему Поволжью относят Калмыкию, юго-восточные земли Пензенского края, районы Саратовской области с донскими притоками Иловлей, Медведицей, Хопром, что не вполне соответствует географическим реалиям.

Ландшафтное положение Дона, одной из крупнейших европейских рек ледникового происхождения, уникально. Верхнее течение направлено к югу, среднее – на юго-восток, к Нижней Волге, нижнее – почти в противоположную сторону, на юго-запад, к азово-черноморской акватории. Поэтому бассейн текущего широкими зигзагами Дона огромен, он соединяет самые разные и удаленные природно-географические зоны (юг лесной, лесостепную, степную, полупустынную) и континентальные провинции (полупустынную, кавказскую, прикаспийскую). Не исключено, что в послеледниковый период, когда катастрофический северный гидросток активно формировал поверхностную денудацию Восточно-Европейской равнины и ландшафтные ситуации были крайне изменчивы, Дон, мощно рассекая лёссовые четвертичные отложения холодной раннеголоценовой полупустыни, мог бы соединиться с Волгой примерно в районе современной, и ныне заболоченной, Сарпинской низменности. В таком случае на восточной периферии современной Европы теперь фигурировал бы один громадный волжский речной бассейн с западным донским притоком и совершенно иными были бы ландшафт, климат, растительность и животный мир. Вероятно, в несколько ином направлении здесь могла бы пойти история человеческой культуры каменного, бронзового, железного веков. Но в современных реалиях две крупнейшие речные системы строго разделены Приволжской возвышенностью и только на севере междуречья крупные и мелкие притоки Волги и Дона создают уникальную ситуацию взаимопроницающей контактности.

Общезвестно, что великие реки – это главные магистрали древности, а их системы были жизненно важными артериями пространств, в которых формировались миры первобытных культур с неповторимо своеобразными чертами. Реки играют особую роль не только в развитии географической оболочки Земли, но и в судьбах человеческих обществ, в частности в стартовых позициях ранних цивилизаций. Отмечено, что исторически цивилизации малых рек предшествуют цивилизациям великих водных артерий². Возможность пойм крупных речных систем значительны лишь для древнеземледельческих цивилизаций тропических и субтропических поясов земного шара, как это было в долинах Тигра и Евфрата, Нила, Инда. В условиях умеренного климата с выраженной скотоводческой доминантой в традиционном хозяйстве освоение речных пойм существенно, но не дает аналогичного экономического эффекта. Зачастую ранние формы

земледелия здесь практически не возможны из-за состава почв, неустойчивого водного режима или особенностей вегетации культурных растений.

Кормовые ресурсы речных пойм огромны, но скотоводческие системы никогда полностью не замыкались в речных долинах. Как правило, они охватывали и обширные прилегающие водоразделы, а при отгонном режиме были сосредоточены на гигантских территориях, поэтапно используя сезонные выпасы. Кроме того, постоянное содержание скота у воды, на влажных низинах нежелательно из-за обилия кровососущих насекомых и змей, однообразного влажного корма, древесных зарослей, изобилующих хищниками.

Безусловно, и Дон, и Волга с их притоками и мощным поверхностным водосбором, формирующим овражно-балочные системы, заметным видоизменяли однородные ландшафты, делали их пересеченными и разнообразными. Правобережная Приволжская возвышенность и высокие донские террасы существенно дополняли рельеф неким подобием притягательной горообразности, порождая своей ландшафтной выделенностью иллюзию центричности племенных миров и уникальную космогоническую мифологию. Мозаичный характер лесостепного растительного покрова опосредованно умножал варианты формирующихся скотоводческих систем, палеоэкономика, основанная на принципе естественно-географического районирования, была здесь более гибкой и жизнеспособной.

Значительное пространство приволжского (по традиционной административной номенклатуре) правобережья пересекается реками, которые являются частью Донского бассейна (Иловля, Медведица, Хопер). На севере Волго-Донского междуречья истоки этих рек близки к началу окских притоков (Уза, Сура, Мокша, Вад, Выша), здесь же начинают свое течение реки, впадающие в Волгу (Курдюм, Чардым, Терёшка). Особое значение здесь имеют мелкие притоки как донского, так и волжского бассейнов: Карамыш, Латрык, Знаир, Аркадак, Аткара, Идолга, Ильиновка. Стекая с Приволжской возвышенности и Саратовских поднятий в широтных направлениях на восток и на запад, они густой сетью речных артерий связывают основные притоки Дона и Волги. В древности это были естественные и наиболее удобные магистрали для перемещения скотоводческих групп населения. В связи с этим север междуречья Дона и Волги представляется предельно контактным и одним из наиболее вероятных полигонов активизации культурно-генетических процессов. Западный рубеж волжского правобережья проходит преимущественно по гребню Приволжской возвышенности, но к нему следует также относить долины рек Терёшка, Чардым и Курдюм. Севернее Саратова они рассекают правобережное поднятие на широкие магистральные проходы, которые в бронзовом веке связывали по лесостепной полосе два мира – Европу и Азию.

Весьма показательна ситуация, наблюдаемая в контактном пункте двух речных систем, где проходил один из наиболее вероятных магистральных путей широтных перемещений, имевший огромное значение в культурно-исторической активизации доно-волжского вектора. Прежде всего, уникальность ситуации заключается в исключительной близости некоторых широтных рек, являющихся притоками Донского и Волжского бассейнов.

Река Идолга имеет протяженность свыше 60 км. Она зарождается среди пологих западных увалов Приволжской возвышенности, именуемых Саратовскими поднятиями, вначале протекает с севера на юг, но на широте современных поселков Татищево и Октябрьский Городок плавно поворачивает к западу и прокладывает свою извилистую долину по направлению к крупному донскому притоку – реке Медведице. Место впадения, где стоит большое, первобытно живописное село Озёрное, – это широкая лесная пойма с богатейшими пастбищами, старицами, озерами. Вся территория, по которой течет Идолга, – пример типично южной лесостепи, где дубравы, березовые и осиновые рощи чередуются с обширными сухостепными участками.

Ближайшая река Ильиновка начинает свое течение как слабый ручеек всего в 3 км южнее того места, где Идолга меняет свое направление с южного на западное. Ильиновка – малая речка протяженностью 13 км – жива и поныне, с запада на восток течет по тенистой ольховой пойме и впадает в реку Курдюм возле современной железнодорожной станции с таким же названием. Курдюм является притоком уже другой великой речной системы. По одной из немногих долин, пересекающих Приволжскую возвышенность, он более 30 км течет на северо-восток параллельно обратному движению волжского русла. В пункте слияния со своим притоком Старым Курдюмом близ современного села Клещёвка он резко поворачивает на юго-восток и еще через 14 км сливается с Волгой у прибрежного поселка Усть-Курдюм.

Эта гидрографическая справка была бы голословной и неубедительной, если бы не феноменальность памятников бронзового века, которые изучены на описанном выше маршруте. Насыщенность данной местности курганными некрополями и поселениями эпох средней и особенно поздней бронзы представляется беспрецедентной. Среди них выделяются престижные воинско-вождейские погребальные комплексы, которые говорят об особой активизации политогенеза на рубеже средней-поздней бронзы именно в данном районе.

В среднем течении р. Идолги, при впадении в нее правого притока – ручья Малая Идолга – в начале 1990-х гг. Г. Л. Якубовский в небольшой группе насыпей раскопал курган № 3, в основном погребении которого был выявлен воинско-колесничный комплекс с бронзовым кинжалом бабин-

ского типа, покровским дисковидным псалием с треугольной планкой и вставными шипами, а также тремя кремневыми сейминскими стрелами³.

На р. Курдюм в районе с. Сторожовка наблюдается высокая концентрация курганных могильников с разновременными погребениями. Прежде, до распашки и застройки террас, небольшими группами курганы тянулись по обоим берегам реки практически от истоков до устья. В 1992 г. С. В. Ляховым возле Сторожовки были раскопаны 3 кургана, в которых обнаружены уникальные материалы среднего и позднего веков бронзы. В основном погребении 3 кургана 1 находилось захоронение финально-катакомбного (криволукского, по Р. А. Мимоходу) типа с бронзовым наконечником копья с раскованной втулкой архаического катакомбно-абашевского облика, роговым молотом и лепным сосудом, украшенным «елочным» орнаментом⁴. Впускное погребение 2 содержало покровский комплекс с типичным колоколовидным сосудом, сейминским наконечником стрелы и бронзовым стрекалом⁵. В условном наборе инвентаря здесь определенно закодирована знаковая символика воинско-колесничной специализации.

Во втором кургане в погребении 2 также зафиксирован воинско-колесничный инвентарь: два дисковидных бесшипных псалия с крупными треугольными планками, стрекало и 4 лепных сосуда с покровскими признаками⁶. Особый интерес вызывает некоторое сходство роговых псалиев с восточными прообразами из материалов петровской культуры, что может быть свидетельством широких межкультурных контактов лесостепного населения в начале эпохи поздней бронзы.

Там же, у Сторожовки, в 1995 г. О. В. Кочерженко обнаружила в кургане покровского времени захоронение с деревянным псалием со вставными шипами из кости. В сопровождающем погребении женщины выявлен престижный набор украшений – массивные бронзовые браслеты и фаянсовые бусы, среди которых были и привезенные с Кавказа «трехрожковые» экземпляры⁷.

У с. Клещёвка, где р. Курдюм поворачивает к Волге, в газопроводной траншее, нарушившей основное погребение одиночного кургана, также была найдена серия предметов воинско-колесничного характера. Это кремневый наконечник стрелы сейминского типа, необычной формы катакомбно-покровский сосуд с резкопрофилированным реберчатым туловом и широким днищем, а также щитковый роговый псалий с цельнорезными шипами⁸.

В 80-х гг. XX в. в приустьевой части течения Курдюма было исследовано несколько курганных могильников, давших богатые и разнообразные комплексы эпохи ранней-средней-поздней бронзы⁹. Особенно интересны материалы волго-донской катакомбной культуры, которые демонстрируют глубокое проникновение к северу скотоводческих племен эпохи средней бронзы

в период активизации культурно-генетических процессов в лесостепном Доно-Волжском междуречье. На противоположном краю курдюмской поймы, южнее с. Сабуровка, исследована часть грунтового могильника, где также выявлены преимущественно катакомбные погребальные комплексы¹⁰.

Таким образом, в начале II тыс. до н. э. в лесостепной зоне в конкретных направлениях, идущих по донским и волжским притокам, наблюдается активное перемещение военизированных групп населения с высокой концентрацией колесничных комплексов. Это движение относится к так называемому героическому времени, когда на исходе средней и в начале поздней бронзы в Подонье, Поволжье и Южном Приуралье усовершенствовалась металлообработка, выделились клановые профессии, ориентированные на военное дело, возникли укрепленные поселения протогородского типа. Эти явления культурно-генетического порядка сопровождалось активным перераспределением вмещающих ареалов, культурной диффузией, миграцией, аккультурацией и военным противостоянием. По своей значимости они сопоставимы с такими глобальными событиями, как исторически известное в более позднюю эпоху Великое переселение народов, а по времени совпадают с движением «народов моря» в Восточном Средиземноморье¹¹. Это время для нас особенно небезразлично, поскольку в его рамки укладываются исторически судьбоносные для евразийской степи процессы, в дальнейшем предопределившие глобальные результаты культурогенеза. Археологически это выглядит как взаимодействие культурных групп посткатакомбного, постшнурового и постабашевского типов¹² с возрастающей военно-политической доминантностью «колесничных» культур. В ходе их развития на остриях культурно-генетических векторов нам важно видеть конкретные результаты этих глобальных процессов – формирующиеся локальные варианты культур эпохи поздней бронзы.

Один из таких вариантов выделен по материалам Смеловского могильника, где взаимодействие позднепокровских и посткатакомбных групп памятников формирует производный пласт, вырастающий в классический тип *степной* срубной культуры¹³. Вполне возможно, что более сложный лесостепной культурогенез формировал некие прообразы культурных комплексов эпохи поздней бронзы, близких мосоловским. Так или иначе, исследования в контексте доно-волжского вектора

культурогенеза будут направлены на установление истоков, компонентов формирования и механизмов сложения *лесостепного* локального варианта срубной культурно-исторической общности.

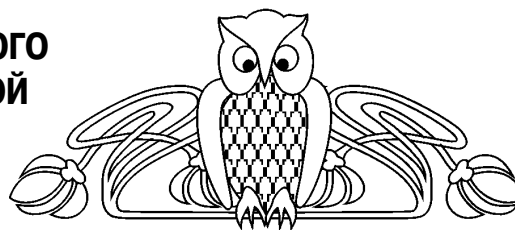
Примечания

- 1 См.: Лопатин В. А. Векторы культурогенеза (к проблеме становления срубной культуры на севере Нижнего Поволжья в середине II тыс. до н. э.) // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 41–44.
- 2 См.: Буровский А. М. Речные долины – роль в генезисе цивилизации // Природа и цивилизация. Реки и культуры. СПб., 1997. С. 15.
- 3 См.: Малов Н. М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 219, рис. 13.
- 4 См.: Ляхов С. В. Курганный могильник к востоку от пос. Сторожовка // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX. С. 139, рис. 5; с. 140, рис. 6.
- 5 Там же. С. 136, рис. 3.
- 6 Там же. С. 144, рис. 9.
- 7 См.: Кочерженко О. В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожовка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- 8 См.: Усачук А. Н. Реконструкции крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 282, рис. 13, 5.
- 9 См.: Лопатин В. А., Якубовский Г. Л. Погребения эпохи средней бронзы из курганов у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.
- 10 См.: Малышев А. Б. Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.
- 11 Не исключено, что это было континентальное крыло глобального процесса Великого переселения народов в бронзовом веке.
- 12 См.: Литвиненко Р. А. Южно-Уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 148.
- 13 См.: Лопатин В. А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза. Саратов, 2010.

УДК 271.2 (470.44)(09) + 929 Чернышевский

У ИСТОКОВ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДУХОВЕНСТВА САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Г. СКОПИНА И Г. И. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

И. Е. Захарова

Музей Н. Г. Чернышевского
E-mail: inevz@yandex.ru

Статья посвящена проблеме создания в Саратове приходского и уездного духовных училищ. На основе архивных материалов раскрываются трудности первых лет становления системы профессионального образования духовенства в начале XIX века. Материалы архивных документов, которые публикуются впервые, позволяют показать заслуги известных саратовских просветителей Н. Г. Скопина и Г. И. Чернышевского в организации духовных училищ в Саратове в 1820–1830 гг., а также дается представление об уровне учебного процесса и условиях обучения детей духовенства Саратовской епархии.

Ключевые слова: XIX век, духовенство, духовное училище, Н. Г. Скопин, Г. И. Чернышевский, Саратовская епархия.

At Sources of System of Vocational Training of Clergy of the Saratov Diocese: N. G. Skopin's Activity and G. I. Chernyshevsky

I. E. Zaharova

Article is devoted a creation problem in Saratov parish and district spiritual schools. On the basis of archival materials difficulties of the first years of formation of system of vocational training of clergy in the beginning of XIX century Materials of archival documents which are published for the first time reveal, allow to show merits of known Saratov educators N. G. Skopin and G. I. Chernyshevsky in the organization of spiritual schools in Saratov in 1820–1830, and also representation about level of educational process and conditions of training of children of clergy of the Saratov diocese is given.

Key words: XIX century, clergy, spiritual school, N. G. Skopin, G. I. Chernyshevsky, Saratov diocese.

В начале XIX в. из 730 протоиереев и священников Саратовского края только 140 получили богословское образование, 243 не закончили полного курса семинарии и 347 совсем не учились в семинарии¹. До начала XIX в. в Саратове существовало большое число частных школ, значительная часть которых содержалась старообрядцами разных сословий. Обучение учащихся зачастую велось по псалтырю и часослову, а среди преподавателей были и начетчики, и отставные солдаты, и актрисы, и даже расстрига-дьякон. Известно, что в то же время, кроме подобных нелегальных училищ, в городе существовали и разрешенные властями частные пансионы. Вероятно, и ранее, т. е. в XVIII и даже XVII в., «народное просвещение» обслуживалось путем частной инициативы².

О становлении и развитии системы образования в Саратове можно говорить только с XIX в., когда в городе открываются уездное и приходское духовные училища, а после учреждения архиепископской кафедры – семинария, а также создаются гимназия и народные училища.

До 1820 г. саратовское духовенство обучалось в Астраханской или Пензенской семинариях, но «везти детей своих в такую даль возможно было не всякому, а только более обеспеченным в материальном отношении, большинство же детей лиц духовных принуждены были довольствоваться домашним, “букварным” образованием, а некоторые дети не получали и такого образования и навсегда оставались безграмотными, записываясь в крестьяне или мещане. Некоторым удавалось поступить в церковные сторожа, и таковые могли считать себя даже счастливыми...»³.

Учредить духовную школу в Саратове епархиальное начальство намеревалось еще в 1780-е гг. Для этой цели по распоряжению Астраханского епископа Никифора (Феотоки) построили в Спасо-Преображенском монастыре специальное здание.

Реформы системы просвещения в России первой половины XIX в. охватывали не только светское образование, но и духовное. В результате проведения реформы духовной школы с 1808 г. средними духовными школами стали семинарии – по одной на епархию – с шестилетним обучением, разделенным на три двухгодичных отделения, которые, как и раньше, назывались риторическим, философским и богословским. В семинарии принимались выпускники уездных духовных училищ (с шестилетним курсом), которые должны были знать грамматику, арифметику, историю, географию, пение, пространный катехизис, церковный устав и классические языки. Уездные училища были подчинены епархиальным семинариям. Для обучения детей духовенства начальной грамоте – чтению, чистописанию, грамматике, пению, арифметике и краткому катехизису – открывались трехгодичные приходские училища, успешно окончившие курс которых поступали в уездное училище для продолжения образования.

В 1808–1812 гг. архиереем Пензенским и Саратовским был Моисей, который особое внимание уделял просвещению духовенства. Прибыв в Пензу в июне 1808 г., Моисей обязал духовенство епархии всех сыновей священноцерковнос-

лужителей, достигших 10–13-летнего возраста, отправлять для обучения в семинарию, а детей более старшего возраста обучать в пономарской школе. По распоряжению архиерея не прошедшие обучения сыновья духовенства не могли подавать прошений на церковнические места.

Саратовское духовенство живо откликнулось на это распоряжение. В 1808 г. саратовский протоиерей Н. Г. Скопин вел переписку с архиереем об учреждении духовной гимназии в губернском центре. В своем обращении к Моисею он предлагал разместить гимназию в Спасо-Преображенском монастыре в доме, где размещалось духовное правление, который «как нельзя лучше для этого подходил», но нуждался в ремонте: «Поправка состоять должна в сделании вновь фундамента каменного, новой крыши и в обновлении дверей, окон, печей и прочего... Сумму на сие употребить можно также собрав от доброхотодателей, коими он и выстроен, разумею я, таковыми священно-церковнослужителей тех уездов, кои к Саратовской гимназии причислены будут». Гимназию Скопин предлагал расположить либо в мужском саратовском монастыре, либо, что более удобно, – при «Воздвиженской церкви, где прежде был девичий монастырь, так как оно ближе к середине города и огорожено всё каменною стеною». Духовное правление Скопин предлагает перевести «в каменные покои, находящиеся тож у Воздвижения, кои были прежде принадлежность девичьего монастыря, исправив их несколько...»⁴.

К сожалению, все принятые меры по учреждению духовных учебных заведений в Саратове не дали результата: пожар, случившийся в 1811 г., практически уничтожил Спасо-Преображенский мужской монастырь, серьезно пострадали и многие городские храмы, в том числе и Крестовоздвиженская церковь.

Открытие училищ для обучения детей духовенства Саратовской епархии было знаменательным событием для горожан. Это стало возможным только в 1820 г. благодаря деятельности епископа Пензенского и Саратовского Амвросия, который по этому поводу ходатайствовал перед Святейшим синодом. Деятельное участие принимал в решении организационных вопросов и саратовский кафедральный протоиерей и благочинный Н. Г. Скопин. Церемонию открытия совершал ректор Пензенской семинарии архимандрит Аарон (впоследствии – епископ Архангельский) 25 января 1820 г. «при собрании дворянства и разного сословия людей»⁵.

В 1870 г. саратовцы торжественно отмечали 50-летие духовного училища. На празднование пришел и один из первых учеников – саратовский протоиерей кафедрального Александро-Невского собора, бывший долгое время членом саратовской духовной консистории, «почтенный старец» В. И. Жуков, который «был на молебне при открытии Саратовского д. училища, был и в день его 50-летия...»⁶. «Таким образом 1820 год,

– год открытия нашего училища, живым голосом откликнулся в 1870 году, в который мы празднуем 50-летие сего училища. – Сообщалось в Саратовских Епархиальных Ведомостях. – Разумеется, все обратились к нему с вопросом: как и что было при открытии училища? “Помню только, – отвечал он, – что всем нам было очень страшно, особенно, когда вошли к нам посетители, во главе которых был высокого роста Архимандрит; что, должно быть, и был ректор Пензенской семинарии Аарон. Хотя говорят, что у страха глаза велики, но мы, большими от страха глазами, почти ничего не видали. Тогда-ли я заметил, или уже после передано мне, только знаю, что Н. Г. Скопин говорил при открытии речь. – Помню еще, что через 3 года меня опять перевели в Пензу уже в Семинарию”»⁷.

Училище называлось, по терминологии того времени, уездно-приходским (по документам 1820–1830 гг. – «духовные уездное и приходское училища»). Для управления его делами было образовано правление, состоявшее из ректора и инспектора. Ректор занимался ведением «училищной экономии» и осуществлял контроль над учебно-воспитательной частью, инспектор обязан был заниматься обучением учеников и вести надзор за их поведением; высший контроль над училищем осуществлялся правлениями Пензенской духовной семинарии и Казанской академии, в состав учебного округа которой входило новое училище.

В 1820–1822 гг. училища размещались в двух домах, поскольку одного достаточно большого дома в городе не нашлось. «Классы разместили в нанятом доме священника Евдокима Степановича Троицкого на Семинарском взвозе напротив старой семинарии⁸, а бурсу⁹ – в доме, который принадлежал некоему Краюхину, на углу Царицынской и Покровской улиц» (в настоящее время – угол ул. Лермонтова и Первомайской)¹⁰.

Первым ректором был назначен Николай Герасимович Скопин. До приезда в Саратов он служил префектом (инспектором) Астраханской духовной семинарии, где зарекомендовал себя с отличной стороны¹¹. Скопин был практически единственным в Саратове священником, закончившим духовную академию, и пользовался большим уважением и доверием как у епархиального, так и у светского начальства.

Инспекторская должность в училищах была введена позднее, в 1822 г. Ее занял ближайший помощник Скопина – учитель старшего отделения уездного училища священник Сергиевской церкви Гавриил Иванович Чернышевский, который обосновался в Саратове с 1818 г., но уже зарекомендовал себя как высокообразованный и благовоспитанный человек. Вместе с Н. Г. Скопиным он вел большую работу по первоначальному устройству духовных училищ в Саратове. О первом инспекторе училища и «близком достойном сотруднике протоиерея Скопина» вспоминали на праздновании 50-летия духовных училищ: «Строгий к самому себе, Гавриил Иванович, как усердный

и всегда исправный деятель, отличался при этом еще истинно дружеским и неподдельно добрым расположением ко всем и каждому, особенно к детям. Будучи впоследствии членом консистории, кафедральным протоиереем и благочинным городских церквей, он всегда и во всем оставался верен себе, и память об нем в духовенстве и по сие время сохранилась, как о просвещенном, добром и честном деятеле»¹².

Приходское училище давало начальное образование и делилось на 1-й и 2-й классы, в двух отделениях уездного, низшем и высшем, готовили учащихся к дальнейшему обучению в семинарии. В 1820 г. со всей епархии собрали 186 детей: в 1-м классе приходского училища было 53 ученика, во 2-м – 59; в низшем отделении уездного училища – 46 и в высшем – 28 учеников. Учащиеся набирались по территориальному принципу, как положено было по Уставу: часть из них перевели из Пензенского училища, а часть набрали непосредственно из домов родителей¹³.

Вскоре старый дом оказался тесным и неудобным для училищных нужд, потому что число учащихся за два года сильно увеличилось. Ректор училища постоянно обращается в Пензенское семинарское правление с просьбой о разрешении нанять или купить «дом более поместительный и удобный». Дом у протоиерея Евдокима Степанова правление училища арендовало за 700 р. асс. на год – с 25 января 1820 по 25 января 1821 г. Сроки аренды истекали, когда Скопин в очередной раз обратился в начале января 1821 г. в семинарское правление с предложением о найме другого дома. Такой дом подыскивали на Горянской площади¹⁴, его владелец, саратовский купец Д. Рогачёв, соглашался первое время и на аренду, и даже на продажу этого дома, однако дело затянулось.

В своих рапортах в училищное правление Н. Г. Скопин подробно описывает трудности, вызванные поисками дома для училища, переговорами с купцом об аренде или продаже подходящего дома, а с протоиереем Евдокимом Степановым – о продлении на некоторое время аренды дома, где размещалось училище.

В рапорте от 31 января 1821 г. ректора Николая Скопина в правление Пензенской семинарии обстоятельно изложена проблема, возникшая в результате действий владельцев домов, которые арендовались для размещения училищ. Он сообщает, что правление 15 января разрешило «нанять дом купца Рогачёва для училищ за 1000 [рублей], а ежели почему-либо не можно, то приискать другой», поскольку арендный срок истек уже через 10 дней. Скопин направил к купцу Рогачёву учителя высших классов Гавриила Чернышевского договариваться об аренде дома или его продаже. Неоднократно Чернышевский ходил к Рогачёву, поскольку владелец дома решение свое постоянно менял, а потом и вовсе стал скрываться. Скопин сообщает: «... посылал я к Рогачёву учителя священника Гавриила Чернышевского, дабы

переместиться училищам позволил в нанимаемые помещения. Он сначала ответил, что без контракта не пустит ни за какую цену. Когда же контракт получил я с почты и так же послал его уведомить, он решительно сказал посланному, что никак не пустит. После того под разными предлогами начал укрываться и не сказываться в доме»¹⁵. За то время, пока велись переговоры с Рогачёвым, истек срок аренды дома, где размещались училищные классы, но со Степановым был заранее заключен договор о том, что если до 25 января не найдется дома более удобного, то несколько дней классы могли находиться на прежнем месте, и «если бы другого дома не нашлось, остаться в его [доме] еще на год с прибавкою платы ста рублей»¹⁶.

Однако по истечении срока аренды Степанов самовольно «на 26-е число все столы и скамейки выкинул на двор и покои запер». Таким образом, затянувшиеся переговоры о найме или продаже дома с купцом Рогачёвым и самоуправство Степанова привели к тому, что училище было закрыто целую неделю¹⁷. Только когда вмешался сам губернатор, училище вернулось на прежнее место и занятия возобновились. О результатах переговоров с купцом Рогачёвым в правление сообщалось следующее: «О таких неприятных обстоятельствах правлению почтенно рапортуя, представляя при сем мое мнение, что и покупать дом у купца Рогачёва опасно. Ибо человек, привыкший к таким недобросовестным уверткам, каковых по случаю заводившегося с ним дела о найме дома много рассказано изведавшим то лично [Чернышевским], может наделать подобные беспокойства и высшему начальству»¹⁸.

Поиски помещения для училища пришлось продолжить, и наконец был найден подходящий дом на самой красивой улице Саратова Большой Сергиевской, принадлежавший купцу Большакову. В частном письме от 7 февраля 1821 г. к Амвросию, епископу Пензенскому и Саратовскому, Скопин рассказывал: «На прошедшей почте почтеннейше рапортовал я В[ашему] преосвященству о выслании училища о. протоиереем Евдокимом Степановым и о принуждении его опять принять оное на время г. губернатором, и обещался подробно донести о найме дома у купца Большакова. Действительно все сие так действует, но формально не осмеливался еще рапортовать о сем в пр[авление], потому что дом оправляется, и мы перейдем в него на сей неделе. Опыт прошедший меня научил не полагаться на слова самых значительных людей, когда слова не приведут в самое исполнение. Дом сей я вашему преосвященству указывал... Я нанял половину его. Корпус для училища как будто нарочно строен. В нем три покоя, каждый в отношении к корпусу шириной в 4 сажени с половиной и три сажени длиной внутри; четвертый равный почти ширине одного из вышепоказанных, но перегороджен на четыре части – наняты только сии покои, да

для бурсаков особые комнаты и кухня с сараем и погребом – из первых треть отделана, а прочее отделяет в черне хозяин, чтоб училищу перейти было можно скорее... Для бурсаков покои, кухня и погреба давно готовы – за все это здание положил Большаков платы 1000 рублей в год»¹⁹. Рассказывает Скопин и о дальнейшем поведении Степанова: «Губернатор приметно довольно ему внушил правила полицейские и он приходил с раскаянием ко мне испрашивать прощения»²⁰.

В 1822 г. с разрешения Комиссии духовных училищ за 8000 р. асс. был куплен дом купца Большакова на Сергиевской улице, еще не совсем отстроенный. Сюда были переведены и училищные классы и бурса, что было удобнее и выгоднее и в экономическом, и в учебно-воспитательном отношении²¹. Но и этот дом вскоре оказался тесным – число учеников с каждым годом возрастало. За 8 лет существования духовных училищ в Саратове число воспитанников в них выросло со 186 (в 1822 г.) до 542 человек (к 1828 г.), т. е. почти в 3 раза. В 1829 г. проректор Н. Г. Скопин писал в правление Пензенской семинарии, что «на чистописание ученикам не только невозможно разложить тетради на столах и писать, но и свободно сидеть нельзя, так что многие из них помещаются на полу»²².

В 1828 г. правление Пензенской семинарии затребовало от инспектора саратовских училищ Г. И. Чернышевского отчет о состоянии зданий, где размещаются училище и бурса. Из записки, представленной Чернышевским, видно, как был приспособлен для училищных нужд дом, купленный в 1822 г., какие проводились строительные работы в течение 5 лет, на какое число учащихся рассчитано это помещение²³.

Строения, занимаемые духовными училищами, Чернышевский описывает таким образом:

«1. Главный корпус – каменный, среди двора, на одну, что к Волге, сторону, по косогорному местоположению, двухэтажный, в длину на 14 и в ширину на 5 сажень. В нем способных для жительства в нижнем этаже четыре комнаты, из коих три занимают учениками, содержащимися на казенном иждивении, а четвертая, хотя и отделана, ничем не занята, да неспособных за темнотою две небольшие [комнаты] с железною при входе в них дверью, которые, впрочем, могут быть кладовыми весьма благонадежными, – в верхнем этаже семь комнат, из коих в трех больших помещены классы высшего и нижнего отделения уездного училища и первого класса приходского училища, из последних четырех, кои гораздо меньше трех вышеуказанных, в первой помещаются ученики казенноштатные, во второй учителя 2-го и 1-го классов приходского училища, в третьей – училищные дела и библиотека, а четвертая служит прихожей к первым трем комнатам; к верхнему этажу сего корпуса приделана деревянная на каменном фундаменте галерея, в полу которой сде-

лано три схода в нижний этаж; крыша на корпусе и галерее деревянная, тесовая; на корпусе требует переправки.

2. Флигель каменный одноэтажный, длиною на девяти, а в ширину по улице на четыре сажень; в нем четыре комнаты, из коих в первой, что к улице, помещена кухня, в третьей – трапезная для казенноштатных учеников; вторая составляет прихожую к сим двум комнатам; а в четвертой помещен 2-ой класс приходского училища; флигель сей крыт железом, которое требует починки.

3. К каменной по улице стене прикладена каменная же маленькая комната, крытая железом, но сквозь которого идет течь; ни чем не занимается.

4. Сруб деревянный над погребом, разгороженный на 2 части в длину на трих и поперек на двух сажень; крыт тесом; строение не новое; в нем хранится хлеб, покупаемый для продовольствия казенноштатных учеников... В 1825-ом году пристроены три стены деревянные к срубам, что над погребом: сей сарай покрыт тесом на скат: он нужен для складки дров»²⁴.

Далее Чернышевский указывает, что в правлении Пензенской семинарии хранятся документы на владение строениями, планы их фасадов и галереи. Купчая на строение с дворовым местом правлением Пензенской семинарии была совершена в Саратовской палате Гражданского суда 11 августа 1822 г.²⁵

Кроме учителей при училище было 3 смотрителя – повар и 2 сторожа, которые получали жалование. Для отопления закупались дрова, для освещения – свечи; чинились печи к зиме, проводился мелкий ремонт в помещениях, очищались «нужные места», летом погреба набивались льдом. Особые расходы шли «за письмоводство», за подписку на журнал «Христианское чтение»²⁶.

В перечневых ведомостях училищ, кроме средств на выплату жалования учителям, ректору и инспектору, расходов на поддержание в порядке училищного дома, приведены суммы на содержание беднейших учащихся – бурсаков и полубурсаков. В отчетах перечислены закупленные продукты с указанием цены и количества: «...ржаная и пшеничная мука, пшено, мука гречневая, горох, семя конопляное, масло постное и коровье, солод, сало, говядина, рыба, капуста, соль»; для обеспечения одеждой и обувью покупались «холст для рубах и исподних и прочее (161 арш.), нанка на сюртуки, нитки». Рубахи и сюртуки шились на заказ (указано 12 пар рубах и 4 сюртука), оплачивали и работу прачки – «за мытье рубах и прочего». Указано также, что для бурсаков было пошито 8 пар башмаков и 8 пар чулок. Среди расходов особо выделены расходы «на больницу»²⁷.

В послужных списках ректора и учителей имеются сведения о возрасте, образовании, об учебных занятиях, которые проводились в отделениях училища, ректор здесь же оценивал благонадежность учителей, поведение и отношение к

делу. Самым старшим был ректор Н. Г. Скопин, которому в 1826 г. было 57 лет. Инспектор и учителя были приблизительно одного возраста – от 27 до 35 лет, практически все получили образование в Пензенской семинарии.

По документам 1826 г. в высшем отделении духовного уездного училища служили протоиерей Г. И. Чернышевский и священники Я. Снежницкий и М. Лорентов. Чернышевский с 25 июня 1820 г. был зачислен учителем греческого языка, священной истории и арифметики, с февраля 1822 г. назначен инспектором, а в 1826, 1828 и 1829 гг. в течение нескольких месяцев замещал больного Скопина на ректорской должности. С 1818 г. он служил священником, а с 1825 г. – протоиереем Нерукотворенно-Спасской (Сергиевской) церкви. Священник той же церкви Яков Снежницкий с момента открытия училищ 25 января 1820 г. обучал латинскому языку, всеобщей и российской географии, пространному катехизису. Священник Казанской церкви Матвей Лорентов с июня 1820 г. обучал началам греческого языка, катехизису, церковному и нотному пению (еще семинаристом в Пензе он пел в архиерейском хоре). Учителем низшего отделения уездного училища с 1822 г. был Михаил Златорёв, который обучал началам латинского языка, славянской и российской грамматике и арифметике. Учителями духовно-приходского училища были диакон Александро-Невского собора Роман Нормандов во 2-м классе и диакон Введенской церкви Михаил Гаврилов в 1-м классе. О Нормандове Скопин заметил: «... прилежен, но частые занятия по должности диаконской отвлекают его от классов, а потому впредь обучать не надежен»²⁸. По разным причинам учителя как в училищах, так и в семинариях часто менялись, о «перемещениях» учеников, учителей и вакансиях инспектор обязан был регулярно сообщать в училищное правление.

По окончании курса выпускники уездного училища, в аттестатах которых указывались поведение «доброе, честное, похвальное» и «способности, прилежание и успехи в прохождении обучения» «преотличные, прекрасные, благоуспешные, похвальные, изрядные», для продолжения обучения направлялись в Пензенскую семинарию, а те, в чьих аттестатах значилось «хороших способностей, очень нехудого прилежания, средственного поведения» или «средственных способностей, малого прилежания, хорошего поведения», поступали для решения дальнейшей участи в распоряжение епархиального ведомства²⁹. Закончившие нижнее отделение уездного училища поступали в высшее, те же, кто «к продолжению учения найден по тупости и малоуспешеству неспособным», со свидетельством также отправлялись в епархиальное ведомство³⁰. В 1826 г. получили аттестаты первые 50 выпускников, из которых в Пензенскую семинарию были рекомендованы 22 успешных ученика высшего класса – дети духовенства из сел Саратовской, Вольской, Балашовской, Аткарской

округи³¹. А «не годные к обучению» по решению епархиального правления исключались из духовного сословия и зачастую шли на военную службу в солдаты.

За первое десятилетие своего существования училище окрепло и привлекало внимание местного епархиального духовенства. «При всех недостатках, в смысле тесноты помещения, недостатка в материальных средствах и самой постановкой учебно-воспитательного дела, училище оказало епархии большую услугу, как именно учебно-воспитательное заведение, имевшее свою прямую целью готовить детей духовенства к занятию церковно-служительских должностей», – отмечал В. П. Соколов³².

Этому немало способствовало то, что в сложные годы организации и становления училищ их руководителями были опытные и высокообразованные саратовские просветители – ректор училища Н. Г. Скопин и инспектор Г. И. Чернышевский, «люди выдающиеся по своим умственным дарованиям вообще и педагогическим способностям в частности»³³. С открытием в 1828 г. Саратовской епархии и в 1830 г. духовной семинарии уездное и приходское духовные училища перешли в ведение и наблюдение местного архиерея и Саратовского семинарского правления.

В 1830 г. Н. Г. Скопин «по случаю болезненного своего состояния и преклонных лет» отказался от должности ректора. Почти одновременно с выходом Н. Г. Скопина на пенсию из училища ушел и Г. И. Чернышевский, который уже не мог совмещать ряд должностей (член духовной консистории, градской благочинный – с 1828 г.) и службу в училище. Вместо Чернышевского инспектором училищ был назначен кандидат Московской академии В. П. Полянский. Ректором до 1832 г. был инспектор Саратовской семинарии игумен Иовил, а после него в течение нескольких лет – священник Воздвиженской церкви магистр Г. Н. Амалиев³⁴.

К середине XIX в. в Саратове было уже по 2 уездных и приходских духовных училища. Их значение в становлении профессионального образования духовенства было очень велико. По окончании курса каждые 2 года в семинарию поступало от 50 до 150 учеников, высокий уровень подготовки которых особо отмечало семинарское правление. К 1870 г. более 3000 человек получили училищное образование. «Имена некоторых высокопоставленных по служебной деятельности выпускников духовных училищ долгое время были известны саратовцам: Антоний епископ Пермский, Гурий епископ Таврический; действительные статские советники Иван Григорьевич Терсинский и Петр Устинович Палимпсестов; профессор Казанской Академии Н. П. Соколов; статский советник Иван Устинович Палимпсестов; ректор Смоленской семинарии архимандрит Нестор, ректор Астраханской семинарии архимандрит Александр; протоиерей и благочинный

в Москве А. Г. Никольский, протоиерей и член консистории в С.-Петербурге Петр Алексеевич Горизонтов, кафедральный протоиерей Варшавы А. С. Метаниев, священник и законоучитель С.-Петербургского Гатчинского института А. Я. Снежницкий и другие»³⁵.

Примечания

- ¹ См.: *Правдин А. М.* Историческая записка о Саратовской епархии (за пятидесятилетие 1828–1878 года). Саратов : Типография Кувардина и К^о, 1879. С. 15.
- ² См.: *Герасимов А.* Прошлое Саратова // *Весь Саратов*: альманах-справочник на 1925 г. Саратов: Изд. Сарат. Губ. Ком. по улучшению быта детей при Сар. ГИКе, 1925. С. 69.
- ³ *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891 // Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 820. Л. 1.
- ⁴ *Новиков А. П., Барзилов С. И.* Святители земли русской. Биографические очерки саратовских архиереев 1799–1832. Саратов : Соотечественник, 2000. С. 87–88.
- ⁵ Празднование 50-летия в Саратовском Духовном училище 25 января 1870 г. // Саратовские Епархиальные Ведомости. 1870. № 8. С. 227.
- ⁶ Празднование 50-летия в Саратовском Духовном училище 25 января 1870 г. (Окончание) // Саратовские Епархиальные Ведомости. 1870. № 9. С. 251–252.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Е. К. Максимов указывает, что училище находилось на месте здания поликлиники, расположенной на углу ул. Чернышевского и Бабушкин взвоз. (*Максимов Е. К.* Имя твоей улицы. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 2007. С. 18).
- ⁹ Бурсаки и полубурсаки, по документам перв. пол. XIX в., – учащиеся «казенноштатные», т. е. из бедных семей, чаще всего сироты, находившиеся «на казенном иждивении» (на полном или в половину выделяемой на их содержание из училищного правления суммы) в училище; бурса – помещение для их проживания (общежитие). Ученики, которых в период обучения содержали родители, жили на съемных квартирах.
- ¹⁰ См.: *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 1 об.
- ¹¹ Там же. Л. 2.
- ¹² Празднование 50-летия в Саратовском Духовном училище 25 января 1870 г. С. 230.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Угловой дом на пересечении ул. Октябрьской и Московской сохранился в перестроенном виде до наст. вр.
- ¹⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. «Дело о покупке дома для Саратовских духовных училищ у купца Рогачёва». 14.01 – 23.02. 1821». Л. 7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Письмо к Амвросию епископу Пензенскому и Саратовскому от 7 февраля 1821 г. // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1611. Письма протоиерея Скопина Н. Г., служившие для составления биографии (1805–1826). Л. 38–38 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 2.
- ²² Саратовские Епархиальные Ведомости. 1870. № 8. С. 236; *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 2. После 70-х гг. XIX в. уже обветшавший училищный дом на Б. Сергиевской был снесен, а место приобрел Комитет Свечного завода для своих целей (Саратовские Епархиальные Ведомости. 1875. № 7, отд. С. 307–308)
- ²³ ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 15. Переписка правления Пензенской семинарии с Саратовским духовным училищем о перемещении учеников. (11 янв. 1828 – 27 нояб. 1828). 143 л. ; Рапорт инспектора училищ Г. И. Чернышевского о состоянии домов, где располагались духовные училища Л. 31 а–33 об.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 15. Л. 32 об. – 33.
- ²⁵ В. П. Соколов утверждает, что купчая крепость на этот дом была утрачена в пожаре 1858 г. (*Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 2). Запись о покупке дома сохранилась в «Книге записей проданных или завещанных владельцами дворов и дворовых мест (18 января – 22 августа 1822 г.)», которая хранится в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 564. Л. 89 об.–91. [Купчая на дом купца Большакова]).
- ²⁶ ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 4. Саратовское духовное уездное училище. Отчеты сумм и перечневая ведомость об учениках за 1826 г. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Л. 7.
- ²⁸ Там же. Ф. 402. Оп. 1. Д. 3. 12 л. Послужные списки ректора, инспектора и учителей саратовских уездного и приходского духовных училищ за 1825 год – л. 10 об.–11.
- ²⁹ Там же. Д. 7. Ведомости об успеваемости и поведении учеников духовных училищ за 1826 г. 145 л.
- ³⁰ Там же. Д. 8. Свидетельства учеников об окончании Духовного училища за 1826 г. 60 л.
- ³¹ Там же.
- ³² *Соколов В. П.* Саратовское духовное училище. 1820–1891. Л. 3.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Саратовское духовное училище. Рукопись неизв. автора // ГАСО. Ф. 407. [СУАК]. Оп. 2. Д. 2088. Л. 2 об.
- ³⁵ Там же. Л. 5 об.

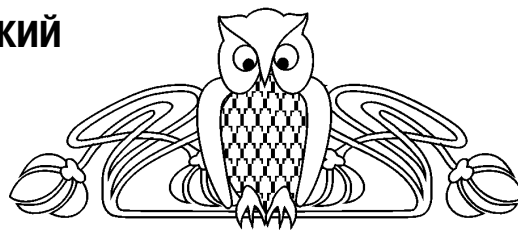

УДК 94(47)

САРАТОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ В 1870–1880-Х ГОДАХ

Е. С. Киселёва

Саратовский государственный университет
E-mail: Romko@mail.ru

Местными органами правительственной статистики в XIX в. были губернные статистические комитеты. В статье рассматривается деятельность Саратовского губернского статистического комитета. Отмечено, что способы сбора статистических данных, приёмы и методы их научной обработки его сотрудниками оставляли желать лучшего. Более эффективной, по сравнению с губернской административной статистикой, стала земская статистика.

Ключевые слова: статистика, губерния, уезд, губернский статистический комитет, программа, отчёт, статистические таблицы.

The Statistical Committee of Saratov Gubernia in the 1870–1880

Ye. S. Kiselyova

The local authorities of the government statistics in the XIX century were gubernia statistics committees. The article deals with the activities of the Saratov gubernia statistics committee. It is shown that the ways of collecting statistical data, the techniques and methods of their scientific processing by their members of the staff left much to be desired. The zemstvo statistics became more effective in comparison with the gubernia administrative statistics.

Key words: statistics, gubernia, uyezd, gubernia statistics committee, program, report, statistical tables.

В первой половине XIX в. в России возникла настоятельная необходимость в создании правительственной статистической структуры, что обуславливалось потребностью центральных правительственных учреждений в количественных данных, прежде всего о социально-экономическом положении губерний обширной империи. Ещё в 1811 г. при министерстве полиции было создано статистическое отделение, которое стало официальным органом правительственной статистики. Несмотря на практическую значимость статистики, правительство не уделяло ей должного внимания. Статистическое отделение, не имея ни утверждённого штата, ни постоянного финансирования, влачило жалкое существование. В начале 1835 г. оно было реорганизовано – определены штат в 11 сотрудников и ежегодно выделяемая сумма. Возглавил статистическое отделение известный статистик К. И. Арсеньев, оставшийся на этой должности до 1852 г.

В сентябре 1835 г. стали создаваться и региональные статистические структуры – губернные статистические комитеты, призванные заниматься сбором статистического материала на местах, а также «поверкою оных и приведением в еди-

нообразный порядок, или внося их в таблицы по данным от Статистического Отделения Совета Министерства Внутренних Дел формам, или составляя на основании оных подробные и точные описания состояния губернии вообще, или же отдельно некоторых в одной частей управления, хозяйства, промышленности и торговли»¹.

Первоначально комитеты не имели ни штатных сотрудников, ни денежной сметы, ни программы проведения статистических работ. «Поэтому естественно, что в большинстве губерний статистические комитеты существовали только на бумаге», – считают Б. Г. Плошко и И. И. Елисева².

Губстаткомитеты занимались главным образом сбором статистических данных для ежегодных губернаторских отчётов о социально-экономическом положении губерний. Полученные данные обрабатывались и отправлялись в Статистическое отделение, переименованное в 1857 г. в Статистический комитет, а в 1860 г. – в Центральный статистический комитет.

Губернские комитеты также издавали «Адрес-календари», «Памятные книги», «Материалы к описанию губернии», представлявшие собой своего рода справочники и рекламные издания. С точки зрения экономической статистики они не содержали ценного материала, к тому же данные, которые в них приводились, нередко требовали дополнительной проверки.

26 декабря 1860 г. было утверждено новое «Положение о Губернских и Областных Статистических Комитетах», вызванное «потребностью в собрании статистических сведений для административных целей»³. «Главное назначение сих Комитетов, – отмечалось в «Положении», – состоит в исправном содержании местной административной статистики, а именно: в установлении, по каждой губернии или области, правильнейших способов собирания, по требованию Правительства и указанием Центрального Статистического Комитета, точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах губернии или области, и в поверке и обработке этих сведений, по однообразным формам, устанавливаемым Министерством Внутренних Дел»⁴.

Сведения, собираемые губернскими статистическими комитетами, делились на представляемые в Центральный статистический комитет

ежегодно и представляемые один раз в пять лет. Ежегодно отправлялись данные о посевах и урожае хлеба на владельческих и крестьянских землях, количестве фабрик и заводов, объёме их производства и численности рабочих, о поступлении в губернскую казну различных сборов, о преступлениях, пожарах, случившихся в губернии в отчётном году. Один раз в пять лет в Центральный статистический комитет представлялись сведения о численности населения, земельных владениях, количестве скота в частновладельческих и крестьянских хозяйствах как по каждому уездному городу, так и по волостям. Наряду с текстовым материалом в приложениях к губернаторским отчётам всегда присутствовали статистические таблицы, в которые сводился цифровой материал. Их построение являлось сложным и трудоемким занятием. В отчёте Саратовского губернского статистического комитета за 1879 г. подчёркивается, что составление статистических таблиц – «самый сложный труд и всегда требует более внимания, чем все остальные занятия»⁵. Виды и формы таблиц определялись Центральным статистическим комитетом и оставались практически неизменными на протяжении всего времени существования губернских статистических комитетов. «Таблицы и их формы, – отмечали Л. Л. Захарова, М. А. Киреев и В. К. Соколов, – на протяжении всей работы комитета [саратовского. – Е. К.] также были однообразны и весьма примитивны, без каких-либо группировок и обобщений»⁶.

Способ сбора данных на местах губернскими статистическими комитетами оставлял желать лучшего. Материал собирался преимущественно через волостные правления исправниками и становыми приставами, затем обрабатывался сотрудниками губстаткомитета по уездам и сводился в статистические таблицы. Нередко за отсутствием первичных данных должностные лица волостных правлений сами их сочиняли, чтобы ответить на запросы статистического комитета или других губернских административных учреждений. «К сожалению, – отмечалось в «Предисловии к своду статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения России», – сведения, получаемые комитетом от уездной полиции, волостных правлений и других административных учреждений и лиц, не могут не страдать некоторой неточностью, так как при ответе на вопросы комитета все возникающие недоразумения разрешаются каждым отвечающим по личному усмотрению, почему и собранный этим путём материал не всегда представлял достаточно однородный характер»⁷. «Способы собирания статистических данных через полицию и волостные правления нередко дают совершенно фиктивные цифры, нисколько не выражающие действительного положения вещей,» – писал московский земский статистик В. И. Орлов⁸. О том насколько «точными» оказывались порой сведения губернских статистических комитетов,

свидетельствует следующий пример: в 1887 г., подводя итоги статистических работ, проведённых по шести уездам Саратовской губернии, земские статистики выявили около 25 000 крестьянских дворов «сверх того числа, какое предполагало статистическое бюро, основываясь на данных Центрального статистического комитета»⁹.

На необходимость проверки получаемых с мест данных указывали и сами сотрудники губстаткомитетов. Так, в «Отчёте о деятельности Саратовского статистического комитета за 1878 год» говорится, что в прошедшем году «главные-же занятия комитета состояли в проверке обложек и вопросных листков о населённых местах в губернии, представляемых уездными исправниками, и составлении из них списков»¹⁰.

Справедливости ради следует отметить, что теми финансами и наличными силами, которыми располагал Саратовский губернский статистический комитет, выполнять задачи, которые перед ним стояли, было крайне затруднительно. Согласно «Положению о Губернских и Областных Статистических Комитетах» они финансировались из средств земства. На содержание статистического комитета саратовским земством выделялось не более 1500 руб. в год. Очень незначительную сумму составляли частные пожертвования. Между тем ежегодные обязательные расходы включали жалованье секретаря и помощника председателя комитета, сторожа, покупку канцтоваров, подписку на газеты и журналы, типографские расходы на издание отчёта и программ (анкет) сбора статистического материала, а также «Памятной книжки» или «Адрес-календаря» губернии, которые Саратовский статистический комитет начал издавать с начала 1850-х гг.

Саратовский историк-краевед и действительный член губернского статистического комитета Н. Ф. Хованский, рассматривая деятельность губстаткомитетов, писал: «Средства их ничтожны и измеряются не десятками тысяч, а всего 1500 р. в год. Сведения, собираемые ими, помимо запросов Центрального Статистического Комитета, за скудостью средств большею частью не издаются, и почти вся работа их остаётся в тени. На трудах их основывается вся статистическая часть “всподданнейших отчётов” губернаторов, – так называемых “Приложений ко всеподданнейшим отчётам”, издаваемых в ограниченном количестве. При таких условиях всякое самостоятельное издание того или другого Губернского Статистического Комитета делает ему честь и заслуживает внимания местного общества, в особенности, если иметь в виду не одну скудость денежных средств Губернского Статистического Комитета, но и недостаток рабочих сил»¹¹. С высказыванием Н. Ф. Хованского трудно не согласиться. Штат сотрудников губернских статистических комитетов, трудившихся на постоянной основе, был минимальным – секретарь, в некоторых губерниях помощник председателя комитета.

Основной объём работы выполнялся секретарём. Он должен был «а) производить, под наблюдением и руководством Председателя и его Помощника, все учёные работы по Комитету, постоянно следить за исправным и своевременным получением, при содействии непреременных членов, всех срочных статистических данных и сведений по разным предметам управления, приводить эти сведения в систематический порядок, заниматься их проверкою и обработкою, и составлять из них требуемые таблицы и ведомости; б) наблюдать за успешным исполнением и изданием всех вообще учёных работ Комитета, а равно и за ходом местных статистических исследований...; в) хранить в должном порядке и исправности все дела и учёные пособия и вести всю переписку по делопроизводству и денежную отчётность Комитета»¹². Как иронично заметил Я. Лудмер, «исполнительный персонал комитета состоит из одного только секретаря; он – единственная сила в нём...»¹³. И это несмотря на то, что в составе губернских статистических комитетов числилось, как правило, более 100 человек – почётных, непреременных и действительных членов. Например, Саратовский губернский статистический комитет в 1880 г. состоял из председателя [им непременно являлся сам губернатор. – Е. К.], его помощника, секретаря, 4 почётных, 14 непреременных и 108 действительных членов¹⁴. При этом многие из них вообще никогда не посещали заседаний комитета. Неслучайно, открывая 22 июня 1883 г. общее собрание комитета, его председатель губернатор А. А. Зубов обратил внимание собравшихся «на список членов статистического комитета и заявил, что, как ему известно, многие из упомянутых в списке лиц или умерли, или давно уже отсутствуют из Саратова и вовсе не участвуют в работах и заседаниях комитета»¹⁵.

Лучшего оставляла желать и организация проведения статистических работ. На протяжении нескольких лет Саратовский губернский статистический комитет не имел чёткой программы статистического исследования населённых пунктов губернии. В выступлении на экстренном заседании 20 сентября 1873 г. член комитета В. Г. Трирогова говорилось о необходимости «определить программу статистического описания селений в нашей губернии», поскольку существовавшие описания «или преследовали одну любознательность или различные цели, – этнографическую, торговую, хозяйственную, административную и другие»¹⁶. Однако программа так и не была составлена. На общем собрании губернского статистического комитета 22 июня 1883 г. его секретарь Ф. С. Шиманский в своём отчётном докладе вновь поднял этот вопрос. «Для оживления деятельности комитета и направления таковой к более существенным результатам, – говорил он, – представлялось бы несомненно полезным избрать из среды членов комитета комиссии для составления программы описания селений Саратовской губернии...»¹⁷.

В конечном итоге губернский статистический комитет принял решение заимствовать программу статистических исследований у основанного в 1882 г. при губернской земской управе статистического бюро. Специальная комиссия, избранная на общем собрании комитета 19 августа 1887 г., изучив способы и методы сбора статистического материала, приёмы его научной обработки, используемые земским статистическим бюро, пришла к следующему выводу: «По отношению к статистическому комитету Комиссия признала необходимым, чтобы комитет часть своих материалов заимствовал прямо от статистического и других отделений губернской управы, где они имеются в более точном виде и подробно разрабатываются»¹⁸. В докладе комиссии XX очередному губернскому земскому собранию констатируется, что «ответы на принятую программу рисуют совершенно ясную картину экономического, умственного и культурного состояния населения, вполне удовлетворяют тем специальным целям, для которых были начаты статистические работы»¹⁹.

Большое место в деятельности Саратовского статистического комитета, как, собственно, и других губстаткомитетов, занимали краеведческие изыскания, которые многими членами комитета рассматривались как необходимые для губернской статистической структуры. Каждый год некоторые его сотрудники выезжали в уезды для «сбора археологического материала», сами производили раскопки, причём это находило отражение в годовых отчётах. Статистический комитет имел свои музей и библиотеку. В музее хранились историко-археологические, этнографические и антропологические экспонаты. Среди них находились старинные кольчуги, меч, серебряные золотоордынские монеты, медная посеребренная чаша, «из которой, по преданию пил Пугачёв», зуб мамонта, «рога лося, найденные в реке Таловке, при впадении её в Терсу, близ села Новогринок, Балашовского уезда» и кость некоего «допотопного животного громадной величины»²⁰.

Библиотека статкомитета насчитывала 752 книги, большая часть которых, по признанию самих членов губернского статистического комитета, «не имеют никакого отношения к статистике, некоторые же разрознены и потому лишены всякого значения»²¹.

Однако и историко-краеведческая деятельность губстаткомитета не представляла собой серьёзных историко-краеведческих и этнографических исследований. Археологические раскопки проводились урывками, без конкретной программы, как правило, неспециалистами, этнографический материал собирался исходя из предпочтений самих членов комитета или тех, кто участвовал в этнографической экспедиции. Согласно утверждению В. Г. Миронова, на базе Саратовского губернского статистического комитета в начале 1870-х гг. была предпринята попытка «создания организации краеведов», но

«возможности Саратовского губстаткомитета для целенаправленных занятий краеведением были практически исчерпаны...»²².

Создать в лице губернских статистических комитетов эффективную правительственную статистику в регионах не удалось. Не будет преувеличением заявить, что губернские статистические комитеты представляли собой многофункциональные учреждения, которые наряду с собственно статистической деятельностью выполняли ряд функций, не свойственных статистическим структурам, в частности проводили археологические раскопки, занимались сбором и научной обработкой историко-этнографического материала краеведческого характера. Впрочем, здесь следует оговориться: в XIX в. проведение статистических работ в губернии рассматривалось в неразрывной связи с историко-этнографическими исследованиями.

На наш взгляд, можно выделить следующие причины низкой результативности деятельности губернских статистических комитетов: отсутствие должного финансирования; малочисленность штата действительных сотрудников; отсутствие у многих комитетов разработанных программ проведения статистических исследований на местах. Представляется целесообразным добавить к данным причинам ещё одну – жёсткие ведомственные рамки функционирования губернских статистических комитетов.

Обсуждая 12 декабря 1881 г. вопрос о создании при Саратовской губернской земской управе статистического отдела, губернское земское собрание констатировало, что губернские статистические комитеты, «несмотря на многолетнее существование своё, до сих пор не успели создать в действительности ничего даже похожего на то, что по справедливости можно было бы назвать статистикой не только целой России, но и какой-либо губернии»²³. Вполне закономерным представляется стремление сотрудников Саратовского губстаткомитета объединить свои усилия с деятельностью создававшегося земского статистического бюро, выраженное в постановлении общего собрания комитета от 6 мая 1882 года²⁴.

Земскую статистику следует рассматривать как более высокую ступень развития отечественной статистической науки. Земские статистики разработали передовые для своего времени способы и приёмы собирания первичных статистических данных, методы их научной обработки и группировки, цифрового материала.

Примечания

- 1 ПСЗ. 2-е собрание. СПб., 1835. Т. IX. Отд. 2 (1834). № 7684. С. 283.
- 2 Плошко Б. Г., Елисеева И. И. История статистики. М., 1990. С. 73.
- 3 ПСЗ. 2-е собрание. СПб., 1860. Т. XXXV. Отд. 2. № 36453. С. 504.
- 4 Там же. С. 506.
- 5 ГАСО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 330. Л. 2 об.
- 6 Захарова Л. Л., Киреев М. А., Соколов В. К. Дореволюционная статистика в Саратовской губернии // 50 лет советской статистики в Саратовской области. 1918–1968. Саратов, 1968. С. 19.
- 7 Предисловие к своду статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения России. СПб., 1894. С. 2–3.
- 8 Орлов В. И. Об организации земских статистических работ в Московской губернии. М., 1881. С. 4.
- 9 Доклад Саратовской Губернской Земской Управы о статистических работах // Доклады Саратовской Губернской Земской Управы очередному губернскому земскому собранию 1887 года. Саратов, 1887. Ч. 1. С. 141.
- 10 Отчёт о деятельности Саратовского Губернского Статистического Комитета за 1878 год. Саратов, б. г. С. 6.
- 11 Хованский Н. Ф. Значение, которое придаёт статистике нынешняя губернская администрация // Статистический сборник Саратовской губернии с отчётом губернского статистического комитета за 1889 год / сост. член-секретарь комитета Ф. С. Шиманский. Саратов, 1890. С. 54.
- 12 ПСЗ. 2-е собрание. Т. XXXV. № 36453. С. 508.
- 13 Лудмер Я. Губернские статистические комитеты // Юридический вестник. 1887. Т. XXIV. Кн. 1. С. 583.
- 14 См.: Отчёт о действиях и занятиях Саратовского Губернского Статистического Комитета за 1880 год / сост. Ф. М. Преображенский. Саратов, 1881. С. 34.
- 15 Протокол общего собрания Саратовского Губернского Статистического Комитета 22-го июня 1883 года. Саратов, б. г. С. 1.
- 16 Протокол экстренного заседания Саратовского Губернского Статистического Комитета 20 сентября 1873 года. Саратов, 1873. С. 2.
- 17 Протокол общего собрания Саратовского Губернского Статистического Комитета 22-го июня 1883 года. С. 3.
- 18 Доклад Саратовской Губернской Земской Управы о статистических работах // Доклады... 1887. Ч. 1. С. 168.
- 19 Там же. С. 158.
- 20 См.: Протокол заседания 6 февраля 1887 года Комиссии, избранной Саратовским Губернским Статистическим Комитетом 31 января 1887 года, для обсуждения вопроса о передаче куда-либо вещей и предметов, хранящихся при библиотеке Комитета // Протокол собрания Саратовского Губернского Статистического Комитета 8-го июля 1887 года. Саратов, 1887. С. 6.
- 21 Отчёт о действиях и занятиях Саратовского Губернского Статистического Комитета в 1882 году. Саратов, б. г. С. 5.
- 22 Миронов В. Г. К истории саратовского краеведения // Четыре века: сб. статей, посвящённый 400-летию Саратова / отв. ред. Е. К. Максимов. Саратов, 1991. С. 41.
- 23 Об организации статистических работ при Саратовской Губернской Земской Управе // Доклады Саратовской губернской земской управы экстренному губернскому земскому собранию 1882 года. Саратов, 1882. С. 74.
- 24 Отчёт о действиях и занятиях Саратовского Губернского Статистического Комитета в 1882 году. С. 7–8.

УДК 94-054(470.44)083/.084.5

ПОДДАННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: ПРЕВРАТНОСТИ 1914 ГОДА

А. В. Калякина

Саратовский государственный университет
E-mail: Kalyakinaav@gmail.com

В статье рассматривается немногочисленная и довольно специфическая группа населения Саратовской губернии – подданные Центральных держав, проживавшие на её территории. Особое внимание уделено реконструкции событий, последовавших в их жизни после начала Первой мировой войны. Восстанавливается хронология административных мероприятий в отношении этой группы населения.

Ключевые слова: подданные Центральных держав, Первая мировая война, Саратовское Поволжье.

The Central Powers Citizens in the Saratov Region: the Reverses of the Year 1914

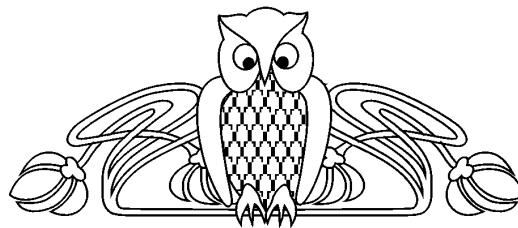
A. V. Kalyakina

This article is devoted to the analyses of not numerous and very specific population group of the Saratov province – the citizens of the Central Powers, who stayed on the province's territory without changing their citizenship. Special attention is paid to the reconstruction of those events, which occurred in their lives after the beginning of World War I. The chronology of administrative actions taken in respect of that population group is being reestablished.

Key words: Central Powers citizens, World War I, Saratov Region.

В отечественном историописании Первая мировая война всегда несколько терялась за громадой Октябрьской революции и последовавшей Гражданской войной. Особенно характерным такое положение было для советской эпохи. В постсоветское же время ситуация стала заметно выправляться – появился целый ряд исследований, которые восполнили существовавшие пробелы¹. Тем не менее сохранилось значительное число вопросов, которые и сегодня исследованы в недостаточной степени.

К примеру, до сих пор нет полной ясности относительно пребывания подданных Центральных держав² на территории России. Здесь стоит пояснить, что помимо лиц, имевших статус военнопленных, в эту группу включается и мирное население, проживавшее в Российской империи при сохранении иностранного подданства. При более внимательном рассмотрении можно легко заметить, как сильно разнятся две эти категории по численному составу, роду занятий и своей дальнейшей судьбе. Кроме того, если о первой категории – военнопленных – существует значительное число публикаций, а исследовательская работа не прекращается на протяжении последних

90 лет³, то к гражданским лицам такого интереса со стороны историков никогда не было.

Следует сказать, что разработка комплекса обозначенных вопросов в современной историографии ведется в основном на региональном уровне. В ряде областей современной России уже проделана солидная поисковая работа – в первую очередь это касается Урала, Сибири и Дальнего Востока⁴. Однако в рамках Саратовского Поволжья подобные исследования не проводились⁵.

Поэтому было решено восполнить этот пробел в истории края и провести изучение означенных вопросов на материалах нашего региона. В рамках настоящей статьи будет рассмотрен один из аспектов данной темы – пребывание в Саратовской губернии подданных Центральных держав и изменения в их судьбе, произошедшие в результате начала войны. Дополнительной исследовательской задачей станет восстановление хронологической последовательности административных мероприятий, проведенных властями по отношению к германским и австро-венгерским подданным.

Нынешнее исследование логично было бы начать с ряда правомерных вопросов – кем были эти иностранные подданные, как они попали в Саратовскую губернию, каков был род их занятий? В общем виде ответ на эти вопросы может быть следующим: большинство этих людей приехало в Россию на заработки, затем закрепилось и осело в Поволжье. Определенную долю среди них составляли квалифицированные работники специфических профессий (конкретные примеры будут приведены ниже) – их специально приглашали из-за рубежа для организации и руководства предприятиями региона.

Как известно, Саратовское Поволжье еще с середины XVIII в. стало местом поселения и жизни немецких колонистов⁶. К началу XX в. поволжские немцы стали восприниматься как неотъемлемая часть культурного и национального многообразия края. Кроме того, именно эта часть населения значительным образом влияла на его экономическое развитие.

Вероятно, именно эта особая атмосфера и благоприятный социальный климат располагали подданных Германской и Австро-Венгерской империй к приезду в Поволжье. Множество выходцев из этих держав приезжало в губернию и жило здесь годами, а многие – даже десятилетиями. При этом они не принимали российского подданства и нередко сохраняли крепкие связи

с родиной. Хотя были и те, кто лишь формально мог быть причислен к иностранцам, – об их происхождении свидетельствовал лишь паспорт. Дети в таких семьях получали русские имена и без труда говорили на языке титульной нации. Семьи, придерживавшиеся первой стратегии поведения, обычно отправляли сыновей в Германию отбывать военную службу. Вторые же этой повинностью могли пренебречь. Проиллюстрировать сказанное могут истории семей Бернард и Мейер.

Первое семейство, состоявшее из Эмиля Бернарда и его жены, приехало в Россию из Страсбурга в 1869 г. на строительство железной дороги Саратов – Тамбов. В 1887 г. в семье появился первенец, названный Теофилом, который автоматически получил немецкое подданство. Теофил всю свою жизнь прожил в России, однако в назначенный срок отбыл на 4 года в Германию для прохождения военной службы во флоте. Таким образом, он формально сохранял полноценную связь с Германией, хотя ни до, ни после этой поездки в стране не бывал⁷. С учетом значительного срока проживания в России единственным препятствием к переходу в разряд российских подданных был страх потери «всех прав и пособий».

Что же касается Карла Мейера, то он приехал из Саксонии в 1896 г. также для строительства железной дороги, точнее – московско-киевско-воронежской линии. В Саратов эта семья приехала не сразу. Пока Карл работал на строительстве железных дорог, им не раз приходилось менять место жительства. В нашем городе они поселились лишь тогда, когда он, оставив службу, стал преподавать ремесло художественнойковки в Александровском ремесленном училище. Эти и другие подробности семейной биографии становятся известны из письма супруги Карла, Ольги Мейер, адресованного в канцелярию саратовского губернатора с просьбой повлиять на судьбу мужа. Далее она пишет: «... как мать семьи, русская по рождению и воспитанию, я могла воспитать детей своих только в русском духе и теперь совершенно поражена упавшим на наши головы несчастьем без нашей вины. Я совершенно не знаю куда мне с малолетними детьми преклонить голову: среди немцев мы русские, а среди русских – Германские подданные»⁸.

Стоит сказать, что подобное мироощущение было типичным для иностранных подданных, которые провели в чужой для них стране долгое время.

Особое значение факт подданства приобрел с началом военных действий. 18 июля (даты приводятся по старому стилю, соответственно начало войны следует относить к 19 июля), то есть на следующий день после появления первых известий о начале австро-сербской войны и мобилизации российской армии, Саратов срочно покинул консул, передав дела по защите германских подданных американскому консулу в Ростове-на

Дону⁹. При этом в городе остался вице-консул, г-н Эрт, которого здесь удерживал имущественный вопрос: он владел заводом, торговым домом и домовладениями. А они, в свою очередь, требовали его участия в делах. Почти сразу же был установлен надзор за деятельностью и сношениями иностранных подданных. А 26 июля появился приказ министра иностранных дел, предписывающий арестовать всех германских и австро-венгерских подданных, числящихся на действительной военной службе, а также в частях запаса¹⁰. В отношении мирных немцев и австрийцев специально оговаривалась возможность для них остаться на местах или выехать за границу. Но уже 29 июля, с объявлением державами противоборствующего блока призыва в армию всех годных к военной службе, изменились и предписания МВД. Теперь оно инициировало экстренное заключение под стражу всех лиц мужского пола от 18 до 45 лет с последующей высылкой в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии¹¹. А остающиеся на местах благонадежные лица обязаны были дать подписку о невыезде.

В этот же день губернаторская канцелярия начинает сбор сведений о задержанных в уездах германских и австро-венгерских подданных. Таковых в Камышинском уезде оказывается 11 человек, в Кузнецке – 3, в Царицыне – 15, в Хвалынском уезде – 1, в Вольском – 3, в Сердобском – 2, в Аткарском – 1 человек¹². Из самого Саратова к 29 июля было выслано уже 29 человек, а в ночь на 30 июля задержано еще 95 немецких и австрийских подданных. Кроме того, в последующие дни был арестован еще 41 человек¹³. Всего в губернии было выявлено и арестовано свыше 200 подданных враждебных государств.

Министерство внутренних дел прилежно составляло и корректировало списки арестованных в губернии. Сегодня эти списки могут представить исследователю ценные сведения об иностранных подданных, поскольку о названных там людях составлялась краткая биографическая справка. Она дает возможность исследовать возрастной состав данной группы лиц, а также получить представление об их профессиональной принадлежности. Как видно из этих сведений, после приезда в Россию немецким и австро-венгерским подданным часто приходилось работать пивоварами, монтерами, садовниками, кондитерами, музыкантами, участвовать в строительстве железных дорог¹⁴. Многие занимались частным предпринимательством. Так, иностранными подданными были владельцы оружейных магазинов Трейбаль и Онезорге, владелица шляпочного магазина Ботлик, владельцы завода и склада земледельческих орудий Эрт, владелец каретного заведения Нейман и многие другие деятели губернии. Кроме того, не имея российского паспорта, в губернии проживали: доктор в области химии Георг Банд, художник Карл Лутц, несколько студентов Саратовского и Санкт-Петербургского университетов, несколько

управляющих крупными предприятиями губернии, служащие ряда контор города.

В соответствии с предписанием МВД в конце июля во всех населенных пунктах губернии производилась массовая проверка документов и такие же массовые аресты иностранцев. Побочным следствием этих арестов стал тот факт, что ряд предприятий губернии остался без ключевых фигур в управленческом аппарате. Под арестом оказались служащие таких крупных предприятий, как завод Гантке, ткацкая фабрика в г. Кузнецке, завод и торговый дом Эрт, трамвайное управление, контора Зингер и проч. Интересно, что трудовые коллективы и лично владельцы предприятий пытались воспрепятствовать высылке своих сотрудников. Именно так поступили служащие завода Гантке, развернув кампанию по сбору подписей и ходатайств в адрес губернатора против выдворения Станислава Меленцкого – управляющего названного завода. Данная акция не осталась без внимания – Меленцкий был освобожден. Решающим фактором, однако, стало тяжелое состояние его здоровья. Как говорилось в ходатайстве, Меленцкий долгое время прожил в России и неоднократно пытался перейти в российское подданство, но не сделал этого потому, что при смене паспорта был бы причислен к мещанскому сословию, в то время как по рождению он являлся дворянином и хотел бы пользоваться своими законными привилегиями¹⁵.

Нужно упомянуть еще одну интересную деталь: со 2 августа 1914 г. по просьбе французского посольства для уроженцев Эльзаса и Лотарингии вводится особый режим пребывания в России¹⁶. Для людей, способных подтвердить свое происхождение соответствующими документами, отныне теряли силу правила, действующие в отношении немцев и австро-венгров. Распространение на этих лиц режима, применяемого к союзническим подданным, означало юридическое уравнение уроженцев двух названных регионов с подданными Франции.

С той же даты вступили в силу особые условия для чехов и представителей прочих славянских народов. В случае если они изъявляли желание принять российское подданство, их надлежало немедленно освободить¹⁷. Эти меры вполне вписываются в общую канву распоряжений Главного управления Генерального штаба – переместить всех немцев, австро-венгров и венгров за Урал. Чехов и других славян следовало оставить на европейской территории России¹⁸. В этих действиях можно увидеть проявление господствовавшей в то время в обществе панславистской доктрины. В соответствии с этими воззрениями славянские народности были лояльны Российской империи по зову крови, поэтому их рассматривали как заведомо благонадежных лиц.

Касательно военнопленных нужно отметить, что в рассматриваемый период в Саратовской губернии их было не так много. Пленных бой-

цов перевозили в удаленные от полей сражений губернии. Здесь, как и с гражданскими лицами, действовала следующая закономерность: немцы оказывались за Уралом, а славяне оставались в западных губерниях. Единственным исключением из этого правила становились тяжело раненные и больные пленные. Их размещали в саратовском эвакуационном пункте наравне с ранеными русскими солдатами. Так, за август 1914 г. саратовский эвакуационный пункт принял 903 военнопленных¹⁹. Причем на всем пути следования пленные содержались в одних вагонах с русскими. Сохранились занятые свидетельства солдат о том, что пленным предоставлялись лучшие уход и содержание, чем русским. Возможно, причиной этому служило особое внимание губернатора, наблюдавшего за размещением военнопленных и периодически совершавшего поездки в города губернии вместе с врачебным инспектором.

В последующие годы ситуация будет значительно меняться – пленные из зауральских губерний будут перемещены в европейскую часть России, где их труд будет использоваться в сельском хозяйстве²⁰. К тому же к числу военнопленных добавятся многочисленные беженцы из районов боевых действий – в том числе и иностранные подданные. Однако дальнейшее развитие ситуации в регионе уже выходит за хронологические рамки, обозначенные в данной статье.

Попытаемся подвести некоторые итоги. Как показала работа с архивными материалами, в Саратовской губернии к началу Первой мировой войны проживало довольно значительное число подданных стран – участниц Четвертого союза. По роду своих занятий они относились к дипломатической миссии в Поволжье или были приглашенными специалистами в узких областях производства. Небольшую часть этих подданных составляли люди творческих профессий и работники умственного труда. Многие из них проживали в губернии на протяжении многих десятилетий, обзаводились здесь собственным жильем и семьями. Начало Первой мировой войны ознаменовалось для немецких и австро-венгерских подданных волной арестов, обысками, переселением в другие губернии. Эти меры навсегда меняли привычный ход жизни этих людей. В большинстве случаев за высланными мужчинами следовали жены или целые семьи. Стоит также упомянуть, что большинство этих подданных возбуждало ходатайства о зачислении в подданные Российской империи и в ряде случаев был получен положительный ответ. На особом положении находились выходцы из Эльзаса и Лотарингии, а также славяне. В отношении этих групп действовал особый режим пребывания – им не грозило переселение в другие губернии, надзор за ними также не производился.

Что же касается военнопленных, то в 1914 г. в Саратовском Поволжье находились лишь раненные и больные – те, кому требовалась неот-

ложная медицинская помощь. Содержание и уход за ними осуществлялись в тех же лазаретах и на том же уровне, что и уход за ранеными русскими бойцами.

Примечания

- ¹ См., напр.: Мировые войны XX века. Т. I. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.
- ² Под термином «Центральные державы» (нем. *Mittelmächte*) понимается военно-политический блок государств, противостоявших державам Антанты в Первой мировой войне 1914–1918 гг. В состав блока входили Германская империя, Австро-Венгерская империя, Османская империя и Болгарское царство (с 1915 г.).
- ³ Их пребывание в России уже довольно основательно изучено, дальнейшая судьба во многих случаях прослежена. При этом особенно хорошо известны роль и вклад военнопленных в революционные события и Гражданскую войну 1917–1921 гг., ведь именно этой теме были в основном посвящены работы ученых советского периода, которые изучали участие «интернационалистов» в Гражданской войне. Подробнее см.: *Журбина Н. Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235; *Клеванский А. Х.* Некоторые нерешенные проблемы истории военнопленных и интернационалистского движения. М., 1967; *Муратов И.* Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918–1922 годах (Обзор литературы) // Военно-исторический журнал. 1960. № 5. С. 19–21. О численности пленных Первой мировой войны в России см.: *Суржикова Н. В.* К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века: докл. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 282–305.
- ⁴ См., напр.: *Греков Н. В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. ст. Омск, 1997; *Иконникова Т. Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; *Шлейхер И. И.* Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4, ч. 1. С. 54–97; *Он же.* Военнопленные стран Четверного союза в Сибири: некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 78–90.
- ⁵ Отрывочные упоминания о военнопленных встречаются в следующих работах: *Дёнингдауз В.* Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов, 2008. С. 164–166; *Максимов Е. К., Тотфалушин В. П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007. С. 31–37; *Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917).* Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 285, 290, 293–294, 300, 337–338.
- ⁶ См.: *Плеве И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008.
- ⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9450. Л. 140–141.
- ⁸ Там же. Л. 122.
- ⁹ См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья.* С. 284.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9450. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 14, 18, 19, 26–28, 33, 35–36, 38, 40–49.
- ¹³ Там же. Л. 60–64; 69; 72; 75–76; 119–120.
- ¹⁴ Там же. Л. 169–170.
- ¹⁵ Там же. Л. 50–53.
- ¹⁶ Там же. Л. 134.
- ¹⁷ Там же. Л. 147.
- ¹⁸ См.: *Шлейхер И. И.* Военнопленные стран Четверного союза в Сибири. С. 82–83.
- ¹⁹ См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья.* С. 293.
- ²⁰ В 1915 г. число военнопленных в губернии достигнет 23 тыс. чел. См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья.* С. 300.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусакова Мария Александровна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: mashagusakova@yandex.ru

Захарова Инна Евгеньевна, соискатель кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: inezv@yandex.ru

Зиньковская Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета, e-mail: APM 1950@yandex.ru

Калыкина Александра Викторовна, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: Kalyakinaav@gmail.com

Картагузов Сергей Васильевич, соискатель кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: simonoffsgu@mail.ru

Киселева Екатерина Сергеевна, соискатель кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: danilovic@yandex.ru

Кочуков Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Кустов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета, e-mail: kustovv@list.ru

Лёвин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: Serg. Lewin@ yandex.ru

Лопатин Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: srbunick@yandex.ru

Мокшин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, e-mail: mok410@mail.ru

Назаров Владилен Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: nvv1975RSB@mail.ru

Помогалова Оксана Игоревна, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: ksy2093@mail.ru

Порецкова Елена Алексеевна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: pe-a@mail.ru

Старкова Людмила Константиновна, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: ludastarkova-history@mail.ru

Старостина Инна Юрьевна, аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: innastar87@list.ru

Тимиржанов Джанша Даулитиярович, соискатель кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: gorkschoo@mail.ru

Ханмурзин Роман Рафисович, аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: roman_khan@mail.ru

Шалаева Надежда Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова, e-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Шлыкова Ольга Валерьевна, ассистент кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова, e-mail: shlykova-olga11@mail.ru

Шмидт Вальдемар, научный сотрудник университета Регенсбург, Германия, e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gusakova Mariya Alexandrovna, a postgraduate student of the Modern and Contemporary History chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: mashagusakova@yandex.ru

Zaharova Inna Evgenievna, an applicant of History PhD of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: inezv@yandex.ru

Zin'kovskaya Irina Vladimirovna, a History PhD, a senior lecturer of the chair of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations chair of Voronezh State University, e-mail: APM 1950@yandex.ru

Kalyakina Alexandra Viktorovna, a postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: Kalyakinaav@gmail.com

Kartaguzov Sergey Vasiljevich, an applicant of History PhD of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: simonoffsgu@mail.ru

Kiselyova Ekaterina Sergeyevna, an applicant of History PhD of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: danilovvic@yandex.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Russian civilization and teaching methodology of history in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Kustov Vitaliy Anatolyevich, a History PhD, doctoral candidate of the chair of Economic and Political history of Russia of Saratov State Socio Economic University, e-mail: kustovv@list.ru

Lyovin Sergey Vladimirovich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of History in the Balashov Institute of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: Serg. Lewin@yandex.ru

Lopatin Vladimir Anatoljevich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: srubnik@yandex.ru

Mokshin Gennady Nikolayevich, a History Doctor, a senior lecturer of the History of Russia chair of Voronezh State University, e-mail: mok410@mail.ru

Nazarov Vladilen Victorovich, a History PhD, a senior lecturer, the Head of the chair of Economics and Law in Balashov Institute of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: nvv1975RSB@mail.ru

Pomogalova Oxana Igorevna, a postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: ksy2093@mail.ru

Poretskova Elena Alekseevna, a postgraduate student of the Modern and Contemporary History chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: pe-a@mail.ru

Starkova Lyudmila Konstantinovna, a History PhD, doctoral candidate of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: ludastarkova-history@mail.ru

Starostina Inna Yurjevna, a postgraduate student of the Medieval History chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: innastar87@list.ru

Timirjanov Dzhansha Daulit'yarovich, an applicant of History PhD of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: gorkschool@mail.ru

Khanmurzin Roman Rafisovich, a postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: roman_khan@mail.ru

Shalaeva Nadejda Vladimirovna, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Social and Human Sciences of Vavilov Saratov State Agrarian University, e-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Shlykova Olga Vladimirovna, an assistant of the chair of social and Human Sciences of Vavilov Saratov State Agrarian University, e-mail: shlykova-olga11@mail.ru

Shmidt Waldemar, Magister Artium of Regensburg University (Deutschland), e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

Подписка на I полугодие 2012 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

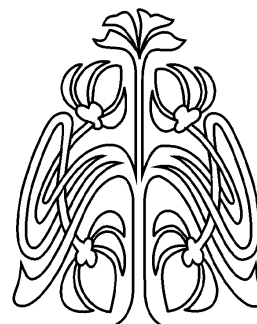
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

